МИРЫ АЛЬФРЕДА БЕСТЕРА

Дьявольский интерфейс (The Computer Connection)

Альфред Бестер

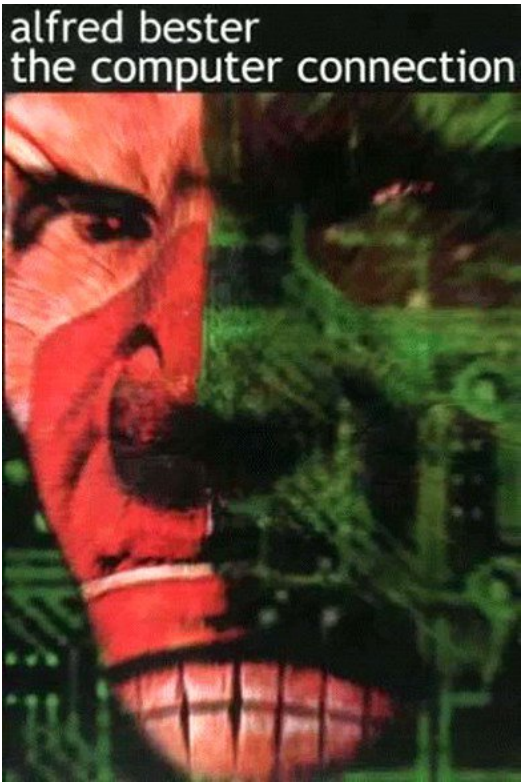
Аннотация
Альфред Бестер. ДЬЯВОЛЬСКИЙ ИНТЕРФЕЙС. The Computer Connection
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

Аннотация

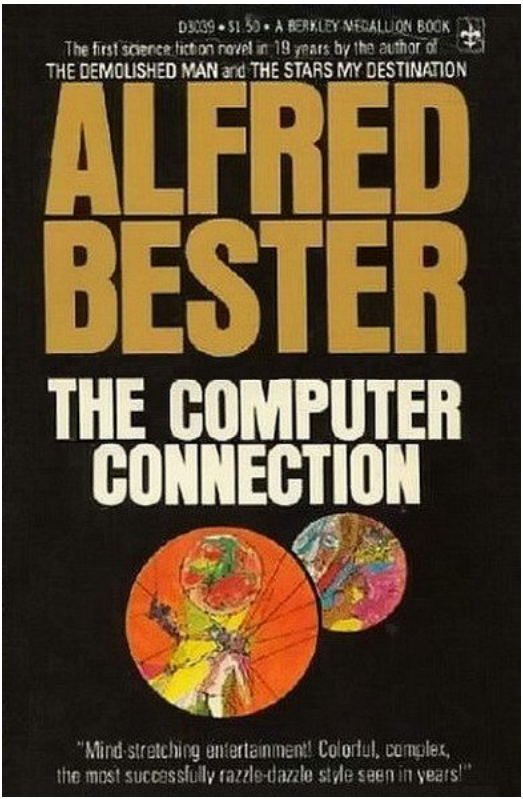
Alfred Bester. The Computer Connection. 1975.

Альфред Бестер
ДЬЯВОЛЬСКИЙ ИНТЕРФЕЙС

The Computer Connection



ALFRED BESTER
THE COMPUTER CONNECTION
WITH AN INTRODUCTION BY HARLAN ELLISON


D3039 • $1.50 • A BERKLEY-MEDALLION BOOK
The first science fiction novel in 19 years by the author of
THE DEMOLISHED MAN and THE STARS MY DESTINATION
ALFRED BESTER
THE COMPUTER CONNECTION
"Mind-stretching entertainment! Colorful, complex, the most successfully razzle-dazzle style seen in years!"

1

Я чесал по материковому шельфу неподалеку от Боуговой отмели с полицейскими на хвосте — прыгая на своих перископических Хреновинах, они неотступно шли по моему следу. Бесконечные плоские соляные пустоши, напоминающие степи центральной России (эти степи тут знают преимущественно по половецким пляскам Бородина): одинокие холмы свежевынутой земли — там, где старатели совершенно нового типа терзают почву в поисках редких металлов; высокие столбы ядовитых испарений у восточного края горизонта, где насосные станции присосались к Атлантическому океану и качают, качают из него воду, чтобы извлекать дейтерий для производства энергии. Ископаемого топлива нынче почти не осталось; уровень моря уже понизился на шестьдесят сантиметров (вот почему я мог драпать по заголившейся материковой отмели); прогресс, называется.

Я спешил к берлоге Герба Уэллса. Этот малый довел до совершенства технику переработки золота (которое никому даром не нужно в эпоху

полной и окончательной победы пластика) и запуливает слитки золота в прошлое с помощью безумной машины времени, за что члены нашей Команды окрестили его Г.Дж. Уэллсом. Герб повадился дарить золотые слитки ребятам вроде Ван Гога или Моцарта, чтоб они жили-поживали и горя не знали и настругали побольше шедевров для потомков. Но пока что он не сумел раскачать этих ребят на новые нетленки — ни тебе «Сына Дон Жуана», ни хотя бы «Дон Жуана против Дракулы».

Сверяясь со стрелками на табличках с надписью «Вход для воров и бродяг», вывешенных Гербом для членов нашей Команды, я юркнул в дыру у основания холма и зашлепал по извилистому туннелю, пробитому в пластах каменной соли, вдыхая воздух, насыщенный NaCl, MgCl2, MgSO4, кальцием, калием, бромидами и, надо думать, золотой пылью от того желтого металла, с которым работает Герб. С него станет — будет ворчать, что я своими легкими ворую золото. Наконец я уперся в люк, который вел в бункер Герба. Разумеется, заперто. Я заколотил в дверь как сумасшедший — скакалы грохотали своими перископическими хреновинами где-то у входа в туннель, и поэтому мне хана, если Герб сразу не

отзовется… но нет, услышал.

— Квиен дат? Квиен дат? — крикнул он на черном испангле.[1]

— Это Гинь! — проорал я на двадцатке — на том английском языке, на котором трепались в XX веке. Члены Команды частенько общаются между собой на двадцатке, чтоб посторонние не врубались. — Герб, я в заднице. Пусти меня!

Люк распахнулся, и я ввалился внутрь.

— Запирай наглухо, — прохрипел я. — Похоже, легавые наступают мне на пятки.

Герб с грохотом закрыл люк и наложил засовы.

— Гинь, что ты, черт побери, натворил?

— Как обычно. Пришил одного парня.

— И полицейские подняли шум из-за какого-то убийства? Не смеши меня!

— Я порешил коменданта Коридора.

— Ого! Тебе не следует убивать важных шишек. Люди неправильно поймут.

— Знаю. Но только из важных шишек и стоит вышибать душу.

— И сколько же раз ты терпел неудачу?

— Потерял счет.

— Твои успехи равны нулю, — задумчиво про-

---

[1] Notes: 1

То есть на смеси испанского и английского языков, на которой говорят чернокожие.

изнес Герб. — Не пора ли нам сесть и спокойно обсудить все это? Вопрос первый можно сформулировать так: в чем тут загвоздка — в ложности или в сложности задачи? Я полагаю…

Тут люк завибрировал от могучих ударов.

— Ну вот, явились положительные мальчики, — сказал я убитым тоном. — Герб, ты не мог бы послать меня куда подальше — с помощью твоей машины времени?

— Мне бы стоило послать тебя куда подальше без помощи машины времени,

— угрюмо заметил Герб. — Ты же всегда наотрез отказывался прошвырнуться во времени. Мне это было как серпом по одному месту.

— Надо слинять отсюда на несколько часов. Они не станут тебе докучать, если не найдут меня здесь. Герб, прости меня, дурака, за прежнее похабное отношение к твоей чудесной машине, но я просто до смерти боялся ее. Да и все ребята из Команды побаиваются этой штуковины.

— Я тоже. Пошли.

Я последовал за ним в Комнату Ужасов и сел на сиденье чокнутой машины, которая формой напоминала громадного жука-богомола. Герб сунул мне в руки слиток золота.

— Я как раз собирался отвезти это Томасу Чат-

тертону.[2] Доставишь вместо меня.

— Чаттертон? Тот писатель-шутник?

— Он самый. Покончил жизнь самоубийством — к безутешной скорби современников. Мышьяк. Жил без куска хлеба, без проблеска надежды. Ты направишься в Лондон тех времен, в чердачную комнат Чаттертона на Брук-стрит. Все понял?

— «Ни дождь, ни снег, ни мрак…»

— Устанавливаю срок возвращения — через три часа. Думаю, тебе должно хватить трех часов. Я перенесу тебя в общеизвестное место Лондона, чтобы ты сразу сориентировался. Не уходи далеко от машины, а не то я не сумею вернуть тебя.

Стук в дверь усилился и стал еще настойчивее. Герб повозился с движками и переключателями, после чего затрещал электрический разряд (бьюсь об заклад, Герб ни шиша не платит за электроэнергию), и я обнаружил, что сижу посреди лужи, хлещет дождь, а тип на гнедой лошади, похожий на конный портрет Джорджа Вашингтона, чуть не растоптал меня копытами и осыпает вашего покорного слугу проклятиями за то, что я мешаю проезду порядочных людей.

---

[2] Notes: 2

Томас Чаттертон (1752–1770) — английский поэт, который выдавал свои стихи в духе предромантизма на средне-английском языке за сочинения Т.Раули, якобы жившего в XV веке.

Я вскочил и попятился прочь от дороги. Тут меня кто-то легонько двинул по затылку. Я отпрыгнул и обернулся — я стоял подле виселицы, и по затылку мне наподдали ноги повешенного. Герб зашвырнул меня действительно не куда-нибудь, а в Тайберн, прославленное место казней. Я уже много лет не бывал в Лондоне (необратимо пострадавшем от радиоактивных осадков) и, конечно же, никогда не бывал в Лондоне 1770 года. Однако я знал, что Тайберн со временем превратится в Марбл-Арч; в восемнадцатом веке это была самая окраина Лондона. Бейсуотер-Роуд еще не существует, равно как и Гайд-Парк; только поля, рощи, луга вокруг извилистой речушки под названием Тайберн. Весь город находился слева от меня.

Я рванул вперед по узкой дороге, что со временем превратится в Парк-Лейн, а немного погодя свернул в первую улочку далеко отстоящих друг от друга домов. Мало-помалу пространство между домами сокращалось, количество прохожих увеличивалось, и я притопал на просторный выгон — будущую площадь Гросвенор — и попал на разгар субботней вечерней ярмарки. Мать честная, народищу! Товар продают где с ручных тележек, где с прилавков, залитых колеблющимся светом

факелов, плошек и сальных свечей. Уличные разносчики горланят:

— Медовые груши! Восемь на пенни!

— Каштаны с пылу с жару! Пенни два десятка!

— А вот пироги! Кому с мясом, кому с рыбой! Налетай, не робей!

— Орешки — сами лузгаются, сами в роток просятся! Шестнадцать за пенни!

Я бы с удовольствием куснул чего-нибудь, но у меня не было ни гроша той эпохи — только почти килограммовый слиток золота.

Я припомнил, что Брук-стрит берет начало в северной части площади Гросвенор, и, оказавшись на нужной улице, стал расспрашивать прохожих насчет местожительства писателя по фамилии Чаттертон. Ни один сукин сын и слыхом не слыхал о таком. Но тут я наткнулся на бродячего книготорговца, на лотке которого красовались брошюры с кричащими названиями вроде «Собственноручное жизнеописание палача», «Кровавые тайны Сохо», «Приключения слуги-пройдохи». Парень заявил, что знает поэта и тот пишет для него длиннющие поэмы, получая по шиллингу за штуку. Он указал мне на чердак жуткой развалюхи.

Я поднялся по шаткой деревянной лестнице

без половины ступенек — одному Богу известно, как я не ухнул вниз, — и влетел в чердачную комнату, весело напевая: *«Злато! Злато! Злато! Желтый блеск, весомый хлад!»* (Томас Худ, 1799–1845). На грязной постели младой поэт бился в предсмертных судорогах с пеной на губах — типичная развязка при отравлении мышьяком. «Ага! — мелькнуло у меня в башке. — Он окочуривается. И отлично понимает, что его дело труба. Так что, если я его вытащу из могилы, мы, может статься, получим нового Молекулярного для нашей Команды».

И я энергично взялся за дело.

Сперва надо прочистить желудок. Я расстегнул ширинку, набурлил в стакан и силой влил мочу ему в глотку, чтоб его стошнило. Никакого результата. Похоже, яд уже впитался. Я слетел вниз по убийственной лестнице и замолотил кулаками в дверь домохозяев. Мне открыла бабушка Бетой Росс. Пока она костерила меня, я шмыгнул мимо нее в комнату, увидел кувшин с молоком, схватил его, потом кусок угля из нерастопленного камина и помчался наверх — мимо огорошенной и противно визжащей старухи. Ни молоко, ни уголь бедолаге не помогли. Он таки помер — к безутешной скорби современников, а я остался как дурак

со слитком теперь не нужного золота, от которого пузырился задний карман моих штанов.

Делать нечего, оставалось только ждать, когда машинка Герба Уэллса выдернет меня обратно из восемнадцатого века, и я потопал обратно — по дождю. С Флит-стрит я повернул в переулок и зашел в таверну «Чеширский Сыр» — в надежде обменять слиток на стакан-другой доброго вина и обсохнуть у огня. Место у камина оказалось занято зычно сопящим китом и тихо побулькивающим налимом. Мать честная! Сам Великий и Незабвенный, а с ним его подлипала Босуэлл![3]

— Что бы вы делали, сэр, ежели бы оказались заперты в башне с новорожденным младенцем? — вопрошала рыбешка кита.

Тот заколыхался, приосанился, чтобы разродиться исторической фразой, но его ответ на сей монументальный вопрос мне услышать не довелось — сукин кот Герб уволок меня в будущее на самом интересном месте.

Когда я вывалился из нутра машины времени. Герб возмущенно замахал руками:

---

[3] Notes: 3

Английский писатель Джеймс Босуэлл (1740–1795) прославился блестящими — и весьма дотошными — воспоминаниями о своем великом коллеге Сэмюэле Джонсоне (1709–1784), от которого он на протяжении многих лет не отходил буквально ни на шаг, фиксируя чуть ли не каждое слово своего друга.

— Вон! Вон! Сыпь отсюда! Они уже убрались.

Я поковылял к выходу.

— Какого черта ты не отдал золото Томасу Чаттертону?

— Опоздал. Он уже дух испустил, когда я появился.

— Ах ты, незадача какая!

— Попробуй еще раз. Только загляни к нему пораньше.

— Не могу. Дурацкая машина не желает дважды посещать одно и то же десятилетие. Говоря по совести, этот драндулет никуда не годится. Буксует на каждом временном ухабе.

Быть может, именно поэтому из грандиозной программы Герба Уэллса («Здоровье, просвещение и процветание всем векам!») ничегошеньки не получается. Я поблагодарил его на двадцатнике, которым мы, члены Команды, обычно пользуемся при общении, и заговорил на черном испангле.

Можете принять меня за психа, но я на самом деле просто обалдеваю оттого, как мне приходится валандаться с этими моими записками. Приходится переводить мой рассказ сперва на двадцатник с черного испангля, который нынче является официальным языком в этой стране, а

потом переводить результат на машинный язык. Вы только вообразите эту цепочку: черный испангл — двадцатник — машинный язык. Та еще работа! Особенно, если сортируешь свои воспоминания за много веков. Поэтому не обессудьте, если кое-где мой рассказ хромает то на одну ногу, то на обе. В моем дневнике все изложено путем, как надо, языком прозрачным как слеза крокодила. Но когда я собираю свои записи в одно целое, компьютер то и дело выплескивает на экран строчку «090-НЕЧИТАБЕЛЬНО» — разумей: «Я не просекаю, что ты имеешь в виду».

У всех членов нашей Команды одинаковая проблема. Не с памятью — события из нашей памяти хрен сотрешь, как надпись со стены сортира. Проблема — что перед чем было, как разместить воспоминания в правильной временной последовательности. Я терпеть не могу бардака в воспоминаниях и потому вынужден вести прилежные дневниковые записи. В Команде я самый зеленый и до сих пор стараюсь организовать свою башку наподобие органического компьютера — чтоб все было аккуратно по файлам и выскакивало на экран по первому требованию. Я тащусь от того, как справляется с задачей Сэм Пепис, историк и хронист нашей Команды. Он

как-то пробовал объяснить мне свой метод. Ему он кажется совсем простеньким.

Это выглядит так: 1/4 + (1/2B)*2 = Завтрак, имевший место 16 сентября 1936. Завидую. Удачи тебе, Сэм, но я пас.

Я объявился только после взрыва вулкана Кракатау в 1883 году. Все остальные околачиваются тут намного дольше. Красавчик Бруммель остался в живых после Калькуттского землетрясения 1737 года, когда погибло триста тысяч человек. По словам Красавчика, белые колонизаторы толком не считали погибших и открыто плевали на то, сколько «цветных» унесла тогдашняя катастрофа. Тут я полностью на стороне Красавчика против белых свиней. Он… Впрочем, не помешает объяснить происхождение наших кликух.

Упомянутые мной громкие имена, разумеется, всего лишь псевдонимы. Нам приходится так часто перебираться с места на место, менять имена и запутывать следы, потому что куцыки начинают догадываться насчет нас. Чтобы не забивать себе мозги запоминанием новых имен, мы дали друг другу постоянные прозвища — для некоторых свистнули имена кой-каких знаменитостей. Эти кликухи отражают, кто на чем «поехал» и у кого к чему есть способности или тяга. Я уже упо-

минал Герба Уэллса, который сдвинулся на своей машине времени, на оздоровлении и благоустроении прошлого — ни про что другое и думать не может. Красавчика Бруммеля наградили таким прозвищем за то, что он жутко смазливый малый; Сэма Пеписа — за его роль летописца нашей Команды. Есть еще Тоска — актриса до мозга костей. Греческий Синдикат — наш казначей: Батшебу — вылитая роковая женщина und so weiter. Меня прозвали Гран-Гиньоль[4] — или, короче, Гинь. Это имя мне не нравится — ни в длинном варианте, ни в коротком. Мне не по сердцу думать о себе как о мрачном садисте. Да, я действительно провожу своих подопечных через горнило ужасных страданий. Но веду-то я их — к хорошему. И плата просто несоразмерна с тем, что они в итоге получают. Вы бы отказались провести час в мучительной агонии, чтобы получить взамен вечную жизнь?

Теперь касательно нашего возраста. Оливер Кромвель был заживо погребен в общей могиле во время средневековой эпидемии бубонной

---

[4] Notes: 4

Гиньоль — пьесы, спектакли или отдельные сценические приемы, основанные на изображении злодейств, избиений, пыток и т. п.; второе значение слова — персонаж французского театра кукол, наподобие Петрушки.

чумы — и до сих пор не желает подробно вспоминать о том эпизоде. По его словам, смерть от медленного удушья и через тысячу лет из памяти не выветрится. Благоуханная Песня прошла через резню, которую устроили монголы после взятия Тяньцзиня, где они соорудили пирамиду из ста тысяч отрубленных голов. Когда слушаешь ее рассказ, Дахау кажется детской игрой. Ну а Вечный Жид — это, конечно, сам Иисус Христос, которого мы зовем еще Хрисом. Если не верите насчет Вечного Жида, загляните в евангелие от Луки — глава двадцать четвертая, стих третий вам все объяснит. Один писатель — его звали, кажется, Лоуренс, — правильно просек что к чему, когда встретил Хриса в 1900 году. Он написал в своем фантастическом рассказе, что всей этой петрушки с распятием не случилось бы и Хрис прожил бы нормальную жизнь, догадайся он в юности пойти навстречу своей натуре, распрощался с целомудрием и трахнулся с какой-нибудь чувихой. Этот Лоуренс все-таки не до конца разобрался в характере Хриса. Мы кличем Иисуса Хрисом, петому что звать его Иисус — звучит совсем как ругательство.

С остальными членами Команды вы тоже еще познакомитесь. Наш патриарх

— Ху-Ху-Хух. Он намного старше всех наших «старичков». Прозвище он получил за привычку кряхтеть, издавая горестное «ху-ху-хух». Бедолага так и не научился калякать хотя бы на одном из современных языков, но язык жестов кое-как понимает. Мы думаем, старина Ху-Ху-Хух живет себе поживает не то с плейстоцена, не то с голоцена и еще в незапамятные времена пронырнул в бессмертие в результате какого-нибудь по-настоящему жуткого события — до того жуткого, что оно проняло даже сурового неандертальца и дало ему нужный заряд бессмертия. Кто знает, что это было за событие? Может, его раздавил метеоритище или затоптал мохнатый мастодонт.

В последнее время мы редко видимся с Ху-Ху-Хухом: он боится людей и всегда норовит жить за пределами цивилизованного мира. Мы гадали, каково ему придется после демографического взрыва, который не оставит незаселенных пространств на Земле. Но тут подоспел прорыв в космос, и теперь Ху-Ху-Хух, надо думать, прозябает в каком-нибудь марсианском кратере — верно сказано, что Молекулярный Человек способен питаться воздухом и укрываться ветром. Правда, на Марсе и с воздухом облом. Наш добровольный историк Пепис, который старается никого

не упускать из виду, клянется и божится, будто Ху-Ху-Хуха видели однажды в снегах Гималаев и это именно он породил легенду об ужасном снежном человеке.

Когда я пытаюсь объяснить нашу долгую жизнь, я сознательно употребляю выражение «заряд бессмертия». Теперь это явление называют «пережог нервов». Судя по тому, что я узнал в результате своих исследований, каждый из нас подвергся психической травме неимоверной силы, которая уничтожила или, если хотите, сломала те механизмы в организме, которые отвечают за старение и смерть. Если в ваших клетках накапливаются некие летальные выделения, которые рано или поздно приведут к умиранию этих клеток, вы обречены. И в каждое живое существо заложен этот механизм неотвратимого метаболического самоубийства — бомба замедленного действия. Возможно, тем самым природа раз за разом очищает скрижаль для новых письмен. Будучи склонен одушествлять природу, наделять ее человеческими свойствами, я так и вижу, как эта госпожа капризно и досадливо морщится и равнодушно растаптывает свое очередное произведение — по ее мнению, снова неудачное.

Однако члены нашей Команды — живое доказательство того, что жало смерти порой бессильно. Конечно, бессмертие досталось нам дорогой ценой. Каждый из нас сознательно прожил собственную агонию и получил психогальванический удар, который напрочь выжег летальные клеточные накопления в организме, тем самым превратив нас в Молекулярных Людей. Объяснения касательно этого термина — позже. Словом, тут что-то вроде подновленного варианта теории катастроф, которой Жорж Кювье в начале девятнадцатого века пытался объяснить эволюцию видов животных. Если вы подзабыли биологию, я напомню: он полагал, что периодические катастрофы полностью уничтожали все живое на Земле и Господь начинал акт творения на новом уровне, с учетом прежних ошибок. Насчет участия Вседержителя Кювье, конечно, заблуждался. А что касается катастрофических событий, то они действительно способны преобразить живое существо — притом самым решительным образом.

Согласно рассказам членов нашей Команды (за вычетом Ху-Ху-Хуха, который не владел членораздельной речью), в каждом случае обстоятельства прорыва в бессмертие были по сути своей идентичны. Мы оказывались жертвами масштабного

бедствия — стихийного или спровоцированного человеком — без малейшего шанса выжить. И полностью осознавали абсолютную безнадежность ситуации. За долю мгновения до гибели нас прошивал психогальванический разряд, после чего свершалось чудо — Костлявая разжимала уже сомкнутые пальцы и в семействе бессмертных случалось прибавление. Вероятность такого события фантастически ничтожна, но Греческий Синдикат говорит, что тут удивляться нечему и самое маловероятное событие рано или поздно происходит. Нашему Греку стоит доверять в этом вопросе. Он был профессиональным игроком с тех самых пор, как Аристотель вытурил его из своей афинской философской перипатетической школы.

Хрис часто живописует свой ужас на кресте, когда до него дошло, что придется помирать всерьез и никакой десант ВМФ США не явится по-киношному в последний момент для его спасения. Он задавался вопросом: почему же те два вора, сораспятых с ним на Голгофе, пройдя через то же, не стали бессмертными? На что я всегда говорю: «Потому что они не были эпилептиками, как ты, Хрис», а он неизменно отвечает: «Ой, глохни! У тебя, Гинь, крыша поехала на эпилепсии — везде

ее видишь. Тебе бы засесть лет на сто в келью и заняться своим образованием, чтоб научился уважать мистические акты Господа!»

Возможно, он и прав. Я действительно одержим идеей, что наша Команда состоит сплошь из эпилептиков и что вообще на протяжении всей истории человечества прослеживается неизменная связь между эпилепсией и исключительностью личности. Так сказать, не все эпилептики — гении, но все гении — эпилептики. Я сам страдаю припадками эпилепсии, и когда на меня находит, у меня такое ощущения, что я вмещаю в себя и понимаю всю Вселенную. Вот почему мы кричим и бьемся в судорогах; ведь это непосильный кайф для микрокосма — впустить в себя разом весь макрокосм. Я со временем насобачился с одного взгляда угадывать эпилептика. И всякий раз, когда я налечу на явного эпилептика, я пытаюсь превратить его или ее в бессмертного, чтобы пополнить нашу Команду. Для этого я убиваю их самыми чудовищными и мучительными способами, за что и получил прозвище Гран-Гиньоля. Батшеба даже повадилась присылать мне рождественские открытки с изображением то «железной девы», то дыбы.

Это несправедливо. Если я пытаю и убиваю, то

из самых благородных побуждений. Чтобы вы не приняли меня за какого-нибудь монстра, мне стоит описать вам свой собственный опыт перехода в бессмертие. В 1883 году я работал, говоря современным языком, экспортным представителем одной фирмы на Кракатау — вулканическом острове в Индонезии, между островами Ява и Суматра. Официально Кракатау считался необитаемым островом, что было хитрым враньем. Меня туда послала одна сан-францисская фирма в качестве тайного агента, чтоб я хорошенько бортанул голландцев, которые держали в тех краях монополию на торговлю. Или тогда этого слова — «бортанул» — еще не существовало? Погодите минутку, сверюсь с чертовым компьютерным дневником,

ТЕРМИНАЛ. ГОТОВ?

ГОТОВ. ВВЕДИТЕ НОМЕР ПРОГРАММЫ.

001

ПРОГРАММА «СЛЕНГ» ЗАГРУЖЕНА.

УКАЖИТЕ ГОД, ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ МЕСТО И НУЖНОЕ СЛОВО.

ПРОГРАММА «СЛЕНГ» ЗАКОНЧИЛА РАБОТУ.

ОТВЕТ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ.

Ладно, слова «бортануть» в 1883 году не было, и большой привет достолюбезной благодетель-

нице нашей и прародительнице нынешних компьютеров компании Ай-Би-Эм.

Только полный осел мог согласиться на эту работу, но я был двадцатилетним юнцом — отравлен мечтой повидать дальние страны и неведомые моря и стяжать славу великого первооткрывателя. Мне чудились шапки в газетах:

«НЭД КУРЗОН НАХОДИТ СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС!»

Можно подумать, что северный полюс когда-то потерялся!.. Или:

«НЭД КУРЗОН, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АФРИКИ».

Что-то вроде Ливингстона, который пропал в Африке и был найден экспедицией под руководством Стэнли.

Короче, жил я со своим терьером на острове один-одинешенек в бамбуковой хижине, которая служила одновременно и складом для моих товаров. Но ко мне то и дело приплывали жители окрестных островов. Боже, какую же мерзость они хотели получить от меня и какую же мерзость они предлагали в качестве платы — вплоть

до своих женщин, которых можно было завалить на постель за стакан самого дешевого виски! О, эти сказочные тропические красавицы, которых Стэнли прославил на века! Не тот, африканский сэр Генри Мортон Стэнли, а режиссер Дэррил Ф.Стэнли из Голливуда. На самом же деле, ласкать этих красавиц — все равно что гладить сумочку из крокодильей кожи, все их тело покрыто ритуальными шрамами, а когда их трахаешь, они не прекращают противно хихикать, показывая зачерненные бетелем зубы. Заставить бы голливудских губошлепов переспать с «очаровательными» островитянками!

Жители соседних островов посещали Кракатау без малейшего страха, хотя и понимали, что тамошняя гора Раката — действующий вулкан. Однако Раката была почти что карликом в сравнении с вулканами на Яве и Суматре, и никто ее всерьез не воспринимал. Раката временами грозно урчала и выплевывала облачка пепла, но к этому я быстро привык. Частенько происходили землетрясения — настолько слабые, что я с большим трудом отличал их от заурядных ударов приливной волны. Даже у моего глупого пса не хватило мозгов переполошиться перед роковым часом. Наверно, вы слышали россказни про то,

как собаки начинают выть перед землетрясением и иногда спасают своих хозяев от невидимой опасности.

Рвануло 26-го августа, а накануне я получил довольно необычное предупреждение. Дело было так. Старик Марколуа приплыл ко мне с группой молодежи обоего пола. На дне лодки кишели трепанги — я их терпеть не мог, пища на любителя. Все наперебой говорили о какой-то рыбе. Я осведомился у Марколуа о причине всеобщего возбуждения, и тот сказал, что в море объявились дьяволы и огромные косяки рыбы мечутся у берега Кракатау, пытаясь убежать от злых духов. Я рассмеялся, но он подвел меня к берегу и сказал: «Смотри!» Черт побери, Марколуа говорил правду! На берегу билось неимоверное количество рыбы, выпрыгнувшей из воды, а из каждой волны выскакивали сотни новых рыбин, как будто за ними действительно гнались злые духи.

Спустя много лет я обсуждал этот феномен с вулканологом, который работал в пункте наблюдения за вулканом Этна. Согласно его пояснениям, основание Ракаты, очевидно, так раскалилось, что нагрело придонные слои воды, и рыба — в поисках спасения от невыносимого жара — устремилась на сушу. Но в 1883 году я этого не знал и

только пожал плечами от странной картины — наверно, и у рыб случаются приступы массового сумасшествия. Какая-нибудь эпидемия.

Марколуа уплыл, обменяв трепангов на десяток оловянных зеркал. А на следующее утро начались первые толчки-взрывы — один, второй, третий, четвертый, и это было как конец света. Шума я не слышал — он был такой громкости, что барабанные перепонки уже не воспринимали его. Я только визжал от боли в ушах и страха, ощущая толчки каждой клеткой своего тела. Вся северная часть острова взмыла на столбе лавы. Основной кратер Ракаты раскололся до середины, оголив клокочущие недра. Огромные объемы морской воды, хлынувшей внутрь вулкана, мгновенно превратились в пар — и серия новых взрывов разнесла остатки кратера.

Я был совершенно оглушен ревом взрывов, ослеплен дымом, задыхался от ядовитых испарений и полностью одурел. Бежать было некуда и некогда. Сквозь дым я различил многометровый вал лавы, который быстро полз в мою сторону, словно полчища гигантских докрасна раскаленных гусениц. В моей голове не было ни единой мысли, кроме сознания близости дикой, неожиданной и неотвратимой смерти. Я *былуверен*. Я

был уверен в том, во что верит мало кто из умирающих обычной смертью: я не только твердо знал о своей обреченности, но и мог считать секунды до того, как меня не станет. Я должен был умереть. И я умер.

Чудо произошло, собственно говоря, благодаря сотрясению почвы, вызванному взрывами. Вибрация разорвала жгуты, которыми были связаны бамбуковые стены моей хижины, согнула бамбуковые стебли и образовала вокруг меня что-то вроде тесной прочной клети, где я и лежал, заваленный утварью и всяким изломанным деревянным хламом. Затем колебания почвы выбросили изуродованную хижину в океан. Все это время я пребывал в глубоком обмороке, и происшедшее разъяснилось мне только позже, когда я, уже возродившись к новой жизни, пришел в себя и обнаружил, что плыву по океану в большой бамбуковой «корзинке», объятый ею почти со всех сторон, как новорожденный — околоплодным пузырем (такое случается изредка, отсюда и пошла поговорка «родиться в рубашке»).

Кракатау больше не существовало. Голое место в океане. Лишь кое-где торчали темные каменные массы новых рифов. Небо было черно от дыма и пепла, гремел гром и сверкали молнии. Сущее

светопреставление! Я болтался на волнах в своей бамбуковой колыбели в полубессознательном состоянии еще дней пять — или пять столетий! — прежде чем меня подобрало датско-голландское судно. Члены команды были в ярости от того, что взрыв вулкана задержал их в пути на целых три дня, и смотрели на меня волками, как будто это мое неосторожное обращение со спичками привело к катастрофе.

Теперь вы знаете всю историю моей смерти и чудесного спасения. Таким вот образом я стал Молекулярным человеком.

Как вы сами понимаете, адски трудно организовать взрыв вулкана, или эпидемию чумы, или нападение мастодонта, когда есть нужда получить еще одного бессмертного. Но еще сложнее обеспечить итоговое выживание в рамках подобного рода катастрофы. Я хорошо напрактиковался и умею состряпать перспективу чудовищной смерти, но когда дело доходит до спасения моих клиентов, тут случаются осечки, как бы тщательно я ни готовился. Удалось сделать бессмертным только Секвойю, но и в этом случае, если говорить честно, кандидат в бессмертные был спасен скорее чудом, нежели моими стараниями.

Хриса всего так и корежит, когда я называю по-

добные вещи чудом. Мы с ним провели несколько месяцев в Мексифорнии. И когда я в десятый раз начал излагать свою теорию о происхождении Молекулярных людей (типичные недостатки обитателей вечности: склонность брюзжать и повторяться), он перебил меня:

— Ничего подобного! Чудеса — это существеннейший элемент божественного промысла. Чрез них Господь являет свой характер и свою волю.

— Так-то оно так, Хрис, но ты мне скажи: на хрена мистеру Богу сохранять типа вроде меня для вечной жизни? С какой такой целью? Ладно, я продукт рационального мышления девятнадцатого века. Как тебе такая версия: происходит одномоментное совпадение физического события, вероятность которого ничтожна, и уникальных биохимических процессов?

— Ты, Гинь, сущий Спиноза.

— У-у, вот это комплимент! Ты сам-то встречался со Спинозой?

— Как-то, будучи в Амстердаме, купил у него очки.

— Ну и каким он был?

— Замечательный человек. Он первым наотрез отказался поклоняться Богу, который создан людьми по своему образу и подобию и больше

похож на не очень расторопного слугу человечества. В семнадцатом веке это было мужественным поступком.

Тут как раз вошла с подносом моя служаночка. Мне она принесла коньяк, а Хрису — романейское вино, привычное для него с иерусалимских дней. На бойкой девчушке был классический наряд французской служанки времен крахмальных париков, как будто она выскочила из исторического фильма. Бог весть, где она откопала это платье. И эта резвушка имела наглость подмигнуть Хрису и сказать медовым голоском:

— Привет, котик. Какой у тебя ротик!

После чего она упорхнула, а Хрис вопросительно вытаращился на меня.

— Эта вертихвостка — мешок с сюрпризами, — сказал я. — Никогда не знаешь, что выкинет. Испытывает мое терпение.

— Она говорит на двадцатке.

— Я научил.

— Она знает насчет нашей Команды?

— Пока нет.

— Что это за девчушка?

— Хотел бы сказать, что удочерил ее. Но скорее это она «упапила» меня. Не могу теперь отвязаться.

— Послушай, Гинь…

— Рассказать тебе всю ее историю?

— Разумеется.

— Ладно. Я был редактором журнала «Всячина» — он выходил на видеокассетах и распространялся бесплатно. Комиксы и реклама. И — хочешь верь, хочешь не верь — я получил письмо от читателя. В наш век получить письмо — письмо, написанное ручкой на бумаге! — это, сам понимаешь, дело неслыханное. Я настолько обалдел, что немедленно ответил. Если ты согласен подождать секундочку, я могу извлечь из компьютера всю эту переписку.

ТЕРМИНАЛ. ГОТОВ?

ГОТОВ. ВВЕДИТЕ НОМЕР ПРОГРАММЫ.

147

ЗАГРУЗКА ФАЙЛА «ФЕ».

ЗАГРУЗКА ЗАКОНЧЕНА. РАСПЕЧАТАТЬ?

ДА.

РАСПЕЧАТКА ЗАКОНЧЕНА.

Пулеметом затрещал принтер, и через несколько секунд я протянул Хрису распечатку той самой переписки — разумеется, на двадцатке, потому как я не хочу, чтобы посторонние совали нос в мой личный архив. Хотя изначально письма были на испангле, я их перевел.

Ридактору «Всячины».

Я хачу напесать заметку оп истории меншинств в нашей стране. Про то как интейцы и сибирцы аткрыли Америку в 1492 гаду кагда проплыли на караблях из Расии. Калумб был врун.

С увашением Фе-5 Тиатра Граумана, Мексифорния, США.

Уважаемый мистер Граумана, Спасибо за Ваше любопытное предложение, К сожалению, предложенная Вами тема не укладывается в круг сюжетов, которым наш журнал уделяет свое внимание. Мы отдаем все пространство рекламе, комиксам, сексу и насилию.

С уважением, Редакция.

Ридакции.

Ваш атвет никуда не гадица. Интейцев и искимосцев угнитали в Саидиненых Штатах как малые нароты с 1492 года. Вы их грабели и не увашали 320 лет. Стелали их грашданами втарово сорта. Гинирал Кастер палучил па заслугам.

Фе, Мексифорния.

Дорогой мистер Фе, Если из нынешнего 2080 года вычесть 1492, то, по нашим подсчетам, получится 588 лет. Если, согласно вашему мнению, индейцев и эскимосов третировали на протяжении 320 лет, то что же происходило в остальные 268 лет? Или вы хотите написать заметку именно об этом периоде?

С уважением, Редакция.

Ридакции.

Ваш атвет никуда не гадица. Вы не жилаете ничиво делат для изправленея нисправидливасти протиф интейцев, каторыи делало правитильство Саидиненых Штатав Америки и Мексики. А значит вы не держетесь правельных ценостей и наше БПО будит бароца с вами.

Фе, Мексифорния.

Дорогой мастер Фе, Что такое БПО? Будет Плохо Очень? Или БесПардонное Общество? Так или иначе, нам ни с кем не хочется вступать в конфликт.

С уважением, Редакция.

Вонючей и глупой ридакции.

БПО — это Барцы за Прабуждение Отечества. Мы займем вашу дуратскую ридакцию и выбрасим вас чирис акно на улицу. Мы будим настоясчей ридакцией навсигда. Принисем хлеп, арахесовое масло и ананасовое варение и будим спать на палу.

Фе.

Дорогой мистер Фе, Не могли бы вы точнее сообщить, в какой конкретно день борцы за пробуждение общества возьмут приступом редакцию? Мы бы хотели знать заранее. Видите ли, наша редакция располагается на двадцатом этаже, и нам не хотелось бы покидать помещение через окно, как это делают иногда рассеянные профессора и некоторые очень умные и очень рассеянные студенты.

С уважением, Редакция.

Вы ваабражаите Барцы за Прабуждение Опчества придупридят вас зарание штопы вы позвали свиней палицейских и поступить с нами как фашисты. Мы нападем на вас когда ришим если вы не найдете на диалох тогда найдете вон чирис акно хотя бы вы были на 268 итаже.

Фе, преситент БПО.

Дорогой господин президент, Вот мы и обнаружили недостающие 268?

С уважением, Редакция.

Акей. Вы праигнариравали димакратичиские працыдуры. Вы получите те што хотели. БПО поднимет на борьбу всех интейцев, искимосцев и все остальные меншинства.

БЕРЕГИТЕС!!!

На этом переписка заканчивалась.

Хрис таращился на меня с таким растерянным видом, что я не мог не расхохотаться.

— И в итоге к нам явилась девочка десяти лет. Агрессивная, как черт. Мы угостили ее бутербродами с арахисовым маслом и ананасовым вареньем, и она уплетала их с таким аппетитом и в таком количестве, что ей даже плохо стало. Я проводил ее домой. И с тех пор не могу от нее отвязаться. Она меня усыновила или упапила — называй это как хочешь.

— Давно она у тебя?

— Три года.

— Разве у нее нет семьи?

— Родители были рады-радешеньки избавиться от нее. Ее предки — заурядные обыватели, и выходки девчонки ставили их в тупик. Ведь она, в сущности, ляпсус природы — егоза, бунтарик, чудачка. Своими силами освоила грамоту и чтение. В ней сидит бездна способностей.

— А здесь она что делает?

— На побегушках.

— Гинь!

— Нет, упаси Господи! Она уже зрелый персик, но ей только тринадцать. Соплячка. Такие меня не интересуют. Тут не то, что ты думаешь, Хрис. Постыдился бы!

— И не подумаю извиняться. Знаю твою репутацию. Живешь только для того, чтобы срывать плоды удовольствия.

И это он говорит мне, изгнавшему из дома всех женщин во имя Посещений! Беда с этими убежденными реформаторами — они все вроде бы и замечательные ребята, но совершенно без чувства юмора. Благоуханная Песня гласит, что Конфуций был вроде Хриса — всегда серьезный, как чайник. А Шеба точно так же характеризует пророка Мухаммеда. Приятно послушать часок их замечательно глубокие истины, но потом так и тянет на свежий воздух — хочется посмеяться

и похулиганить. Никто из нас не был знаком с Моисеем, однако держу пари: он был точно такой же зануда.

Именно Хрисов «серьез» довел его до беды, но мне жаловаться негоже, потому как именно благодаря тому случаю я в первый раз успешно пополнил нашу группу бессмертных.

Шла самая обычная кампания протеста студентов Юнион Карбид, нашего местного университета. Традиционная катавасия: митинги, ломка мебели, крик и ор, поджоги и убийства. Новым во всем этом была только причина протеста, и студенческие группы, почувствовав «свежак», за много месяцев записывались в очередь на погромы. Хрис заявил, что направляется в студгородок и попробует остановить безобразия. Он полностью поддерживал цели студентов, но решительно возражал против их методов добиваться своего.

— Ты просто не врубаешься, — сказал я ему. — Они обожают свои традиции — убивать и разрушать. Им плевать, за что убивать профессоров и полицейских и громить университетские строения. Они упоенно малюют транспаранты и кропают листовки, а потом показывают их на демонстрации, как эксгибиционисты — свое

хозяйство случайным прохожим. У них оргазм, когда они убивают и крушат. Счастливы от возможности удовлетворить кровожадные инстинкты.

— Истребление Божьего творения есть попытка истребить самого Господа,

— сказал Хрис с истинным негодованием в голосе.

— Возможно. Давай выясним, что они крушат сегодня. Эй, Фе!

Фе вплыла в комнату — на сей раз в роли женщины-вамп.

— Поцелуй меня, мой дурашка, — томно протянула она и мазнула меня по губам искусственной розой.

— Спустись на землю, — сказал я. — Какие новости со студенческого фронта?

Фе покорно наклонила головку и стала напряженно вслушиваться.

— Что это она делает? — изумленно спросил Хрис.

— Старина, ты постоянно гостишь у членов Команды и до сих пор не в курсе того, что творится в окружающем мире. Стыдно! Мы живем в эпоху тотальной наркоманизации и жучкизации. Это мир наркотиков и подслушивающих устройств.

Из каждых десяти новорожденных девяти еще в роддоме вживляют под череп жучок — мини-передатчик. Когда ребятки подрастут, за ними будут следить двадцать четыре часа в сутки. Так что воздух вокруг пронизан и иссечен тысячами и тысячами сигналов. А Фе — уникум. Она может воспринимать все эти сигналы голым ухом, без специальных устройств. Не спрашивай меня, каким образом. Просто такой вот вундеркинд, и баста.

— Сегодня борются за права белого меньшинства, — сообщила Фе.

— Ну вот, полюбуйся, — продолжил я. — Разве могут нормальные люди спалить университетскую библиотеку, протестуя против ущемления прав белых? Во всем мире остался едва ли миллион якобы чистокровных белых, да и те — помесь серых с буро-малиновыми.

— Подойди ко мне, дитя мое, — сказал Хрис.

Фе незамедлительно припопилась на его колени, обвила ручонками и одарила сладострастнейшим поцелуем. Он не оттолкнул ее, но так целомудренно и нежно обхватил мою девочку руками, чтобы ей было удобнее сидеть, что сценка из пошлой вдруг превратилась в подобие

«Пьеты»[5] Микеланджело. Хрис мастер таких волшебных преобразований.

— Ты употребляешь наркотики, душа моя?

— Нет. — Шалунья сердито покосилась на меня. — Он не позволяет.

— А хотелось бы?

— Нет. Скучища. Все кругом на наркотиках.

— Отчего же ты сердишься на Гиня?

— Потому что он взял моду приказывать. Чтоб я делала, чего он хочет. Я теряю индивидуйность,

— Ты хочешь сказать — индивидуальность. Ну и почему же ты не уйдешь от него, раз он такой тиран?

— Потому что… — Тут эта егоза чуть не сверзилась на пол. Устроившись поудобнее на коленях Хриса, она договорила: — Потому что в один прекрасный день я буду вертеть им, как я хочу. Жду этого прекрасного дня.

— А у тебя, голубушка, есть жучок в голове? — вкрадчиво спросил Хрис.

— Нет, — ответил я за нее. — Она родилась в сточной канаве и отродясь не бывала в больницах. Она чистая.

— А вот и не в канаве! Мое полное имя Фе-Пять

---

[5] Notes: 5

Пьета — в изобразительном искусстве сцена оплакивания Христа Богоматерью.

Театра Граумана, потому что я родилась в пятом ряду в театре Граумана, — подчеркнуто гордо произнесла Фе.

— Господи, помилуй! Это почему же?

— Потому что моя семья живет в пятом ряду театра Граумана. Совсем рядом со сценой!

Хрис удивленно воззрился на меня.

— Она так пыжится от гордости — ее семейка сумела со временем перебраться с балкона в партер, — пояснил я.

Все это было выше его разумения, и он сдался, не стал выяснять дальше, просто поцеловал Фе и спустил ее со своих колен. Но прежде она нежно обняла его и на пару секунд повисла на нем. Ничего не попишешь. У этого парня есть-таки харизма!

Хрис спросил у Фе, начались ли беспорядки, и узнал, что чуть ли не половина полицейских занята прослушиваем сигналов от жучков в головах студентов, и копы жутко злятся. Им осточертел вялый митинг с повторением одного и того же. Один легавый предложил послать к студентам провокатора, дабы тот взбодрил их и спровоцировал на действительно впечатляющий погром — чтоб было на что поглядеть.

Тут Хрис, доброе сердце, конечно же, так и

взвился и рванул из дома. У него были волосы ниже плеч и бородища, да и внешне он выглядел мужчиной за тридцать — сохранив тот молодой вид, в котором он превратился в Молекулярного человека. Но для студентов он уже «старпер», а для полиции — солидный обыватель. Поэтому я не боялся за Хриса, но все же двинул следом — так, на всякий случай. Студенты его вряд ли тронут, а вот полиция может, смеха ради, использовать подвернувшегося прохожего для раскрутки по-настоящему крутых беспорядков. А Хрис, надо заметить, способен на многое. Все мы помним, какой шорох он навел в иерусалимском храме, когда турнул оттуда торговцев.

В студенческом городке традиционный бардак был в разгаре: в ход шли ракеты и лазеры, не говоря о гранатах и петардах. Все горело и взрывалось, и народ был счастлив до опупения. Студенты плясали и горланили:

— Раз, два, три, четыре, пять, я ежу ее опять!

Только они пели не «ежу», а другое слово.

— Шесть, семь, восемь, девять, десять, надо всех за хрен повесить!

Только они пели не «хрен», а другое слово.

Тут их песенка спотыкалась, потому как арифметика теперь не входит в обязательный курс

обучения, и они затягивали снова: «Раз, два, три…»

Полицейские, как повелось, суетились с барьерами или, взявшись за руки, выстраивались в цепочки, чтобы куда-нибудь студентов не пустить и побыстрее начать драку. Они сговаривались, кому достанется честь арестовывать, чья очередь сегодня бить морды парням, а чья — насиловать самых смазливых телочек.

Блажной Хрис вперся в самую гущу событий.

Мне невольно подумалось: «Сейчас выдаст, как в тот раз на горе![6] Эх, дурак я, что не захватил магнитофон!»

Однако случай распорядился так, что до проповеди дело не дошло. Двадцать воинствующих студентов навалились на ни в чем не повинный припаркованный у кромки тротуара аэромобиль. Они раскачали машину и опрокинули ее на бок. Разбили лопасти пропеллера, покорежили шасси и пытались с помощью кувалд оторвать кабину от рамы. Для удобства они хотели поставить аэромобиль на попа и снова стали раскачивать его. Но тяжелая машина стала опрокидываться не в том направлении. Прямо на замешкавшегося Хриса.

---

[6] Notes: 6
Имеется в виду Нагорная проповедь Иисуса Христа.

Я помчался к машине, которая упала на покореженное шасси. Вокруг нее стояла дюжина студентов — они были в ступоре, потому как полицейские пустили на них слезоточивый газ (как принято в наше время — с примесью ЛСД), и сукины дети вместо того, чтобы делать ноги — застыли, поглубже вдыхали газ и балдели. В меня тоже пальнули струей газа, но я был как сумасшедший — подскочил к проклятому аэромобилю и пытался в одиночку приподнять эту махину. Черта с два. Тут как из-под земли рядом выросли три дюжих копа и стали выкручивать мне руки.

— Помогите поднять машину! — прохрипел я, задыхаясь. — Там человека придавило.

Копы отпустили меня, и мы вчетвером налегли на аэромобиль. Никакого результата. И тут к нам подскочил долговязый меднокожий детина, скуластый, с глубоко посаженными глазами. Он подхватил машину за край рамы, крякнул и поднял ее, как детскую игрушку. Иисус Христос поднялся вместе с рамой — он был распят на обломках шасси. При таких вот обстоятельствах я и познакомился с первым человеком, которого я успешно превратил в бессмертного.

2

Что он эпилептик, это я усек сразу, как только увидел этого долговязого гиганта. Отличный кандидат для бессмертия: крупный, широкоплечий, мускулистый. Он взвалил Хриса себе на спину и потащил его в университетскую больницу. Бедолага стонал и бормотал что-то на древнеарамейском, которому научился еще лежа на коленях своей матери.

В приемной травматологического отделения перед детиной прямо-таки расшаркивались и стелились: «Да, профессор. Разумеется, профессор. Будет немедленно сделано, профессор». Я решил, что мужик не хухры-мухры, а изобрел что-нибудь потрясное — например, вернул на планету чуму, чтобы обуздать демографический бабах. Что ж, мне это на руку. Не только мускулы, но и светлая голова.

Мы проследили, как Хриса укладывают на постель. За него я почти не волновался — Молекулярного человека не так-то легко угробить, при обычных ранениях он всегда выдюжит. Но я жутко боялся лепсера. Это наш страшный и

постоянный бич. Я попозже растолкую вам, что такое лепсер.

Хрису я прошептал в ухо:

— Старик, я записал тебя под именем И.Христмана. Не дуйся. Я назвался твоим ближайшим родственником и позабочусь, чтоб за тобой был хороший уход.

Меднолицый профессор все же расслышал кое-что и сказал на двадцатке:

— Э-э, да ты шпаришь на прежнеанглийском. Каким таким образом?

— То же самое хочу спросить у тебя.

— Может быть, как-нибудь и отвечу.

— Обещаю то же самое. Сообразим по маленькой?

— Да, можно опрокинуть по одной. Только мне нельзя сильно набираться. Огненную воду пить не стану — работаю над важным госпроектом.

— Не беда. Закажу и на тебя, а ты тихонько выплеснешь на пол. Как ты назвал напиток?

— Огненная вода.

— А разве такая штука существует?

Его лицо затучилось. Он угрожающе выдвинул челюсть.

— Я что — похож на зубоскала?

— Ты — вылитый вождь с витрины табачной

лавки.

— А разве такая штука существует?

— Была когда-то. Где приземлимся?

— В баре «Клевый Хмырь». Я покажу, как туда дойти.

Это была типичная для студгородка забегаловка — психоделическая атмосфера, приглушенная сексуальная музыка с оргазмическими хрипами, на полу спотыкаешься о парней и девушек, которые или трахаются, или в полной отключке, или трахаются в полной отключке, а у входа стоит рекламный фантом, в котором и трезвый не сразу узнает объемную проекцию.

— Привет, — весело прокричал рекламный великан. — Я лучший в мире банк, ваш доброжелательный друг. Мигом прокручу ваши денежки. Если вас тревожит экологическое состояние планеты — благодаря нам ваши деньги будут работать на очистку Земли. Давайте ваши денежки и — эх, прокручу с ветерком!..

Мы прошли сквозь него внутрь бара.

— Две двойных порции огненной воды, — сказал я. — Моему другу с двойной порцией содовой.

— Что в содовую? — осведомился бармен. — Гашиш? Колеса? Травку?

— Без ничего. Он тащится от одной содовой.

Разумеется, разговор шел на испангле, я просто перевожу. Я получил двойную огнянку и сделал хороший глоток. Меня чуть кондрашка не хватила — так всего и затрясло.

— Похоже, у меня судороги, — констатировал я вслух.

— Еще бы, — сказал меднокожий спокойно. — Мы туда подсыпаем стрихнину. Белолицым это нравится.

— Что ты хочешь сказать этим «мы»?

— Мы, индейцы, делаем этот самогон в резервации у озера Эри и продаем бледнолицым. Забористая штука, да? Вот так мы и богатеем. Продаем огненную воду и опийный мак. Хорошо башляем.

— Сявая житуха. Меня зовут Принц. Нэд Принц. А тебя как?

— Угадай.

— Попробую, только дай подсказку.

— Да нет. Это мое имя — Угадай. — Он мрачно посмотрел на меня, и я не осмелился ухмыльнуться. — Ты, часом, пс слыхал про покойного великого Джорджа Угадая?

— Ты хочешь сказать?…

— Мой предок. Так его нарекли бледнолицые.

Но по-настоящему его звали Секвойя.

— В честь дерева?

— Нет. Это дерево назвали в его честь.

Я присвистнул.

— Он такой знаменитый? Чем?

— Первый индейский ученый. Среди прочего он изобрел алфавит языка индейцев чероки.

— Так ты — профессор Угадай?

— Ну.

— Медик?

— Физик. Но в паши дни это, считай, одно и то же.

— Здесь, в Юнион Карбиде?

— Я здесь преподаю. А исследовательскую работу веду в ЛРД.

— В лаборатории ракетных двигателей? И над чем трудишься?

— Штатный сотрудник проекта «Плутон».

Я опять присвистнул. Теперь понятно, откуда все эти «да, профессор, конечно, профессор, всенепременно, профессор», ЛРД сжирает около миллиона в неделю — там работают над самым престижным и самым разрекламированным проектом НАСА, который финансирует Объединенный Всепланетный Фонд, озабоченный всемерным освоением Солнечной системы — аж

до самого Плутона. «Сделаем Солнечную систему уютным домом человечества». Я бы добавил: или сдохнем от перенаселения на Земле.

— Небось, Угадай, хорошую деньгу зашибаешь, а? — сказал я. — Как насчет еще по одной?

— Ага.

— Только на этот раз полпорции, не больше. Этот ваш стрихнин злобноватенький. Эй, бармен, еще два двойных огневки… У тебя есть имя?

— Да. Я С. Угадай.

— «С» — это Сэм?

— Нет.

— Сол? Саул? Стен? Салварсан?

Он рассмеялся. Вы, считай, ничего в жизни не знаете, если не видели, как смеется этот мистер Угадай: непроницаемой лицо, как у игрока в покер, и только губы дергаются.

— Ты настоящий залепушник. Принц, стоящий парень! Какого черта твой друг ввязался в эту дурацкую потасовку?

— Он всегда ввязывается. Никак ума не наживет… Какого черта ты скрываешь свое имя?

— Далось оно тебе. Зови меня Проф.

— Мне ничего не стоит узнать твое имя в справочнике.

— Хренушки. Я везде С. Угадай, профессор. Бар-

мен! Повторить. Я плачу.

Бармен запротестовал против того, что мы так налегаем на спиртное, и предложил что-нибудь пореспектабельнее — например, мескалин, — с чем мы согласились.

В бар ввалилась объемная фигура, имитирующая Христофора Колумба — даже с подзорной трубой в руке. Она заговорила сладким басом:

— Друзья, вы задумывались над судьбой любого ноу-хау без должного финансау? Помните, что вы оказываете щедрую поддержку Фонду Промышленных Исследований, покупая продукцию, выпуск которой поддерживает наш фонд. А именно: Миги, Гиги, Пуны и Фубы…

Мы проигнорировали рекламный призрак.

— Если я покажу тебе свой паспорт, — сказал я, — ты покажешь мне свой?

— А у меня нет паспорта. В космосе обходятся без паспортов. Пока что.

— Разве ты не путешествуешь по Земле?

— У меня подписка о невыезде из Мексифорнии.

— Как тебя угораздило?

— Знаю больно много. Боятся, как бы я не попал не в те руки. В прошлом году пытались похитить нашего сотрудника Кона Эда.

— Не могу больше лгать. На самом деле я шпионю для «АТ и Т».[7] Моя настоящая фамилия Лидер.

Он опять рассмеялся — одним ртом.

— Ты клевый чувачок, мистер Лидер. Это так же верно, как то, что я — чистокровный чероки.

— В наши дни мы все дворняги.

— А я все-таки чистокровный. Моя мать нарекла меня Секвойей.

— Ага, теперь понятно, почему ты скрываешь свое имя. Зачем она сыграла с тобой такую злую шутку?

— Романтическая душа. Хотела, чтобы я всегда помнил, что я двадцатый в ряду прямых потомков великого вождя.

В дверях бара появилась Фе. Сейчас она играла роль интеллектуалки: очки в массивной роговой оправе — без линз, на теле — ни нитки, зато от плеч до пят исписана похабными лозунгами — эти надписи, в том числе и пьяные буквы на спине, она сделала сама при помощи баллончика с краской.

— А это чудо что продает? — спросил Секвойя Угадай.

---

[7] Notes: 7

Одна из старейших и крупнейших американских компаний в сфере средств коммуникации.

— Нет, она настоящая.

Фе проворковала бармену:

— Неразбавленное виски.

Затем повела своими темно-томными глазищами в нашу сторону.

— Бонни диас, геммум, — сказала она.

— Не старайся, Фе. Парень говорит на двадцатке. Просвещенный. Знакомься: профессор Секвойя Угадай. Можешь звать его просто Вождь, Вождь, это Фе.

— От великого вождя исходит божественная и жуткая эманация, которая превращает проклятых в путных, — изрекла Фе замогильным голосом,

— Что оно говорит и о чем оно тоскует? — осведомился Секвойя у меня.

— А шут ее знает. Может, она имеет в виду Ньютона, или Драйдена, или Бикса, или фон Ноймана, или Хайнлайна. Она ляпает, что попало. А вообще-то она моя Пятница.

— А также суббота, воскресенье, понедельник, вторник, среда и четверг, — сказала Фе, одним духом осушая стакан виски. Окинув Вождя до неприличия пытливым взглядом, она изрекла: — Ты облизываешься на мои титьки? Валяй, погладь. Не подавляй в себе самца.

Секвойя снял с нее очки и приладил их на одну из недавно проклюнувшихся грудок Фе, которые были предметом ее величайшей гордости.

— Эта слегка косит, — сказал он. Меня он спросил: — Что это за имя такое — Фе? Сокращение от Фе-нтифлюшки?

— Скорее, от Фе-лиздипендии или от Фе-тюльки.

— Нет, от Фе-мины, — поправила Фе с горделивым видом.

Вождь покачал головой.

— Нет, лучше я потопаю обратно в родную лабораторию ракетных двигателей. Там, у компьютеров, больше разума и здравого смысла.

— Напрасно сердишься. В ее имени есть смысл. Дело в том, что она родилась…

— В *партере* театра Граумана, — чванливо подхватила Фе.

— У ее тупой мамаши не хватило ума даже на то, чтобы придумать девочке имя. Поэтому демограф, шутки ради, записал новорожденную под именем Фемина. Мамаше понравилось, и она стала звать дочку Фема, Фемиша. А Фе называет себя Фе-Пять.

— С какой стати — «Пять»?

— Потому, — с терпеливым видом объяснила

Фе, — что я родилась в пятом ряду. Любой дурак уже давно бы сообразил, но против глупости некоторых сами боги бессильны. Бармен, еще виски!

Из стены бара вылетела сверкающая капсула космического аппарата, рассыпая искры из тормозного двигателя. Она остановилась в центре помещения, и из нее вывалился астронавт — голубоглазый блондин, писаный красавчик.

— Дуу! — произнес он по-калликакски. — Дуу-дуу-дуу-дуу-дуу.

— А этот что продаст? — спросил мой новый меднокожий друг.

— Он продаст «дуу», — сказала Фе. — Язык беломазых только это способен произнести из длинного названия, поэтому продукт и назвали таким именем. По-моему, что-то вроде вакуумного увеличителя пениса.

— Сколько лет этой скво?

— Тринадцать.

— Для своего возраста она знает чересчур много. Только не говори мне, что она и считать умеет!

— Умеет, умеет. Она буквально все умеет. Перехватывает радиосигналы жучков — голыми ушами. Совсем как летучая мышь. Прослушивает своими лопухами весь эфир планеты Земля.

— Каким образом?

— Если бы я знал! Впрочем, она и сама не знает.

— Очевидно, особый случай интерференции волн, — изрек Вождь, извлекая из своего саквояжика отоскоп. Я имел возможность заглянуть внутрь саквояжика — похоже, там содержалась целая передвижная лаборатория. — Позвольте мне взглянуть, Фе-Пятка.

Она покорно подставила ухо. Через несколько секунд он крякнул и произнес:

— Фантастика. У нее там такие дикие извивы канала и имеется статолит,[8] который выглядит как самый настоящий импульсный повторитель!

— Когда я откину копыта, — сказала Фе, — то завещаю свои уши научному институту.

— Какая длина волн Фраунхофера у кальция? — внезапно спросил Секвойя у Фе.

Она склонила голову к плечу и стала внимательно слушать эфир.

— Ну? — поторопил он се немного погодя.

— Мне надо найти кого-нибудь, кто в данный

---

[8] Notes: 8

Статолиты — мелкие твердые образования в статико-акустическом аппарате многих животных, известковое образование, служащее для ориентации в пространстве.

момент говорит об этом. Ждите… Ждите… Ждите…

— Что ты слышишь, когда прислушиваешься?

— Как будто ветер шуршит в тысяче проводов. Ага! Нашла, 3968 ангстрем, в ультрафиолетовом спектре.

— А пацанка-то — сущее сокровище, — заметил Секвойя.

— Не нахваливай ее. Она и без того хвост распускает.

— Она мне нужна. Я могу использовать ее в нашей лаборатории ракетных двигателей. Будет идеальной ассистенткой.

— У вас в голове нет жучка, — сказала Фе. — И за вами нет дистанционной слежки. Вы это знаете?

— Да, знаю, — кивнул Секвойя. — А вот за вами наверняка следят.

— Нет, — сказал я. — Ни у меня, ни у Фе нет жучка под черепом, потому как мы ни разу не оказывались в больнице. Она родилась в театре, а я в вулкане.

— Возвращаюсь в лабораторию и на улицу — ни ногой, — пробормотал индеец. — Здесь кругом одни чокнутые. «В вулкане»!.. Так ты отпустишь ее работать в моей лаборатории или нет?

— Если ты выдержишь характер этой сума-

сбродки. Но чтоб ночевать она приходила ко мне! Я воспитываю ее в консервативно-традиционном духе. Впрочем, ты, конечно же, просто шутишь насчет лаборатории?

— Я серьезен как священник на похоронах. Мне лень учить неотесанных ассистентов элементарным вещам — тому, что они обязаны знать, прежде чем вообще соваться в ассистенты. А эта девчушка способна набираться ума прямо из воздуха, прослушивая радиосигналы в эфире. Господи, скольких помощников я выпер за вульгарную неграмотность! Образование в Амермексике никуда не годится. Брр! И говорить-то на эту тему противно!

— Если все так хреново с образованием, откуда же ты взялся — такой гра-а-амотный!

— Я получил образование в резервации, — угрюмо пояснил Секвойя. — Индейцы блюдут традиции. Мы по ею пору безмерно чтим Секвойю и стараемся, чтобы наши школы были лучшими в мире. — Он покопался в своем воистину бездонном саквояжике, вынул серебряный медальон и протянул его Фе. — Имей при себе, когда пойдешь в лабораторию. Этот медальон — пропуск для проходной. Найдешь меня в секции крионики. И лучше надень на себя что-нибудь. Там чертовски

холодно.

— Русские соболя, — сказала Фе.

— Значит ли эта реплика, что мисс Фу-Ты-Ну-Ты придет?

— Если захочет. И если тебя устроит мое условие, — сказал я.

Он снял очки без линз с ее грудки.

— Ну, она-то уже хочет. Ее титьки ворочаются за мной, как подсолнухи за солнцем, но без особого успеха, а эта девочка настырна и привыкла добиваться своего.

— Фи! Меня посылали куда подальше парни намного лучше тебя, — надменно процедила Фе.

— Так что ты хочешь за нее, Нэд? — спросил Секвойя.

— Продай мне свою душу, — сказал я. Сказал весело и внятно.

— Бери даром, черт возьми, если сумеешь уволочь ее подальше от проклятущих Соединенных в кучу мерзопакостных Штатов.

— Давай сперва поужинаем. Остается выяснить только один вопрос: когда будем кормить девок — до или после ужина?

— А я? Я! Я! — завопила Фе. — Я хочу быть одной из девок.

— Девственницы, они такие капризные, — ска-

зал я.

— Целку нашел! Меня изнасиловали еще в пятилетием возрасте!

— Желание — мать всех мыслей, дорогая Фе-Изнасилованная-в-Пять!

Вождь пристально посмотрел на мою чересчур языкатую «дочурку» и спросил ее серьезным тоном:

— Ну-ка, скажи, чьи это слова: «Желание — мать всех мыслей».

— Секундочку. Сейчас, — так же серьезно отозвалась Фе, по-петушиному наклонив голову. — Сейчас. В настоящий момент никто об этом не… Ага! Поймала. Шекспир, «Генрих IV».

— Крутой замес! Прямо фокусница! — восхищенно ахнул Секвойя. — Господин Юнг был бы в отпаде. Деваха выхватывает, что хочет, из коллективного бессознательного человечества! Я просто обязан работать с ней!

— А если я соглашусь ходить в лабораторию, вы исполните мое желание?

— спросила Фе.

— Какое?

— Мечтаю, чтоб в извращенной форме.

Он потерянно оглянулся на меня. Я подмигнул: дескать, ты еще с пей наплачешься, старичок.

— Хорошо, моя Фе-номенальная. Я все обставлю самым преступным образом. Можно в центрифуге, которая крутится со скоростью тысячу оборотов в минуту. А можно в вакуумной камере попкой на тонком слое ртути. Еще лучше — в гробу для криоконсервации, при температуре минус сто и с закрытой крышкой. Торжественно обещаю быть гением извращенности.

— Ур-ра! Я тащусь! — завизжала наша Фе-еническая наверху блаженства и бросилась мне на шею с таким же счастливо-триумфаторским видом, с каким она висла на мне, когда восемь месяцев назад спереди у нее появились долгожданные холмики.

— Моя Фе-шенебельная, — сказал я, — мне досадно, что ты такая нудная конформистка. В наше время по-настоящему эпатирует только традиционный секс, без извращений. А теперь марш в больницу ухаживать за Хрисом. Чтоб он там не тосковал в одиночку. Он записан под именем И.Христмана. Скажи персоналу, что ты личный ассистент профессора Угадая, и увидишь, как они будут ползать перед тобой на брюхе.

— Итак, Фе, — сказал Секвойя, — если ты согласна, жду тебя завтра утром в восемь.

Она шлепнула ладошкой по его ладони, проще-

бетала: «Заметано!» — и умотала из бара, пройдя сквозь рекламную фигуру Луи Пастора, который, размахивая пробирками, навязывал посетителям «самое эффективное в мире» средство против тараканов.

Мы сняли пару девиц — студенток, по их собственным словам. Впрочем, они и впрямь могли быть студентками — одна из них была такой грамотной, что всю дорогу твердила алфавит — правда, на «Л» спотыкалась и начинала снова. Все было бы хорошо, если бы ее можно было остановить хотя бы на шестом круге.

Мы повели телок на хазу Секвойи — в просторный вигвам, вход в который охраняли три дрессированных волка. Когда мы осторожненько прошли внутрь, наполовину протрезвев от близости свирепых тварей, я просек, зачем волки: вигвам был набит таким антиквариатом, какого я и в музеях сроду не видал.

Мы с Секвойей трахнули студенточек, махнулись ими и обслужили себя еще по разу. Потом Вождь приготовил ужин в большой микроволновой печи: кролик и белка, сдобренные луком, перцем и томатами — с кукурузной мукой и бобами. Это блюдо он называл «мсикаташ» — мировая закусь, скажу я вам. Девицы прохрюкали,

что это «атас». Я проводил фифочек домой — они ютились в фюзеляже «Мессершмитта» на складе декораций и бутафории местной телестудии.

После этого я связался с Полисом, который находился в Париже.

— Привет, Сэм. Это Гинь. Можно я спроецируюсь к тебе?

— Валяй.

Его парижская хаза утопала в лучах утреннего солнца, Пепис вкушал завтрак. Вы можете подумать, что, будучи историком Команды бессмертных, он воображает себя Тацитом или Гиббоном. Ничего подобного. Ему больше нравится корчить из себя Бальзака. Особенно потому, что Бальзак дома не вылезал из свободного балахона наподобие монашеской рясы. Вот и сейчас Пепис сидел в буром мешке до пят. У всех бессмертных есть свои причуды, каждый с прибабахом.

— Рад видеть тебя. Гинь, — сказал он. — Присаживайся и хлебни кофейку.

Шутит, сукин сын. Когда проецируешься, ты всего-навсего двухмерный и приходится постоянно двигаться, чтобы не просачиваться через мебель или половицы. Поэтому я не присел, а продолжал слоняться по комнатке. Ощущение, как будто бредешь сквозь мокрый снег.

— Сэм, я нашел кандидата в бессмертные. На этот раз по-настоящему классного. Сейчас расскажу подробнее.

Я подробно рассказал о Секвойе, Сэм одобрительно закивал.

— Похоже, кандидат отменный. В чем же затруднение, Гинь?

— Во мне. Я уже не доверяю себе — после стольких неудач. Клянусь, если я пролечу с этим Чингачгуком, то я завязываю раз и навсегда.

— В таком случае мы обязаны сделать так, чтоб на этот раз у тебя все прошло как по маслу.

— Потому-то я и заявился к тебе. Боюсь пробовать в одиночку. Хочу, чтоб вся Команда не оставалась в стороне и пособила мне.

— То есть пособила убить человека. Гм, гм, гм… И что ты задумал?

— Пока никакого плана. Я был бы рад выслушать предложения членов Команды касательно самых жутких способов убийства, а потом обмозговать их варианты и принять окончательное решение.

— Ну ты даешь. Гинь! Сам лезешь на рожон. Можно я буду говорить прямо, без обиняков? Ты хочешь применить театр ужасов к мистеру Угадаю — и просишь помощи и совета у бессмерт-

ных. Чтоб они тебя подстраховали.

— Ты правильно понял, Сэм.

— Многим твоя метода не по душе.

— Знаю.

— А некоторые считают, что это просто фуфло.

— Да, некоторые не верят в научную правильность самого принципа, но кое у кого ум не зашорен предрассудками и предвзятостью. Именно с такими я и хочу переговорить.

— Ты смотри, гонора у тебя поубавилось! Ладно, Гинь, коль скоро мы рискуем, что ты забастуешь, если и этот опыт провалится, нам опасно пускать дело на самотек. Тем более, и дураку понятно, каким замечательным приобретением для бессмертных может стать этот профессор Угадай. Я всегда поддерживал мнение, что нашей Команде нужна свежая кровь. Короче, я переговорю с кем надо, и мы свяжемся с тобой.

— Спасибо, дружище Сэм. Я знал, что на тебя можно положиться.

— Погоди, не исчезай. У меня нет сведений о твоих подвигах и свершениях за последний месяц.

— Я пошлю тебе распечатку моего дневника — обычным каналом.

— Хорошо. А как насчет замечательной моло-

дой леди по имени Фе-Пять? Ты и ее планируешь рекрутировать в бессмертные?

Я молча вытаращился на него. Мне подобная мысль до сих пор в голову не приходила, и моей первой реакцией было решительное «нет». Я отрицательно замотал головой.

— А почему бы и нет. Гинь? Она, похоже, не менее уникальна, чем профессор Угадай!

— Не знаю, — огрызнулся я. — Аревуар, Сэм.

Я вернулся в Амермексику и прошел в комнату Фе — проведать «молодую леди». Моя бузотерка спала — уже с вечера полностью готовая к завтрашнему утру: в белом халате, умытенькая, скромненькая, волосы аккуратно зачесаны со лба, а па столике ждет коробка с сэндвичами, чтоб взять на работу. Новая роль, новый облик Я открыл коробку: еды на двоих, плюс — из моего НЗ! — почти килограмм черной икры, приобретенной у парня, который браконьерствует на реке святого Лаврентия. Ох-хо-хо!

Я замер, потому мой кукленочек забормотал во сне:

— В лаборатории ракетных двигателей космического центра СШАиМ имеется хранилище, отделенное от атмосферы вакуумной прослойкой, где содержится девятьсот тысяч галлонов

жидкого водорода для заправки космических кораблей, которые должны направиться на Плутон. Это количество эквивалентно…

Брр! Девочка что-то там ловит своими поразительными ушами и натаскивает себя к работе у вождя краснокожих. Не хочет ударить лицом в грязь. Ох-хо-хо…

Я направился в кабинет — поработать с дневником. К тому же мне необходимо разобраться в своих чувствах, понять — что со мной не так? Возможно, я чересчур опекаю Фе? Или боюсь ее? Или даже ненавижу? А может, это она ненавидит меня — и я это чувствую? Или я просто страшусь перспективы не отвязаться от нес до конца времен, если сделаю ее бессмертной?

Я ввел к компьютер новую программу, которая должна была прочесать всю информацию о Фе, все упоминания се имени в моих заметках, обработать эту информацию и составить психологическую картину наших отношений.

Машина трудилась минут десять — учитывая ее скорость, она переворошила гору материала и изрядно попотела. Но выдала в итоге глупость: дескать, мы с Фе эмоционально совместимы.

— Совместимы! Эмоционально! — проворчал я в сердцах. — Премного благодарен за подсказку!

Только что мне с ней делать?

Я вырубил компьютер и пошел спать — злой как черт.

На следующее утро закинул Фе в ЛРД — причем меня остановили у ворот грозные охранники, а моя кривляка показала им ксиву, полученную от Секвойи и проплыла внутрь — сдержанно-интеллектуально покачивая бедрами и оглядываясь на меня с улыбкой триумфаторши.

Я окинул взглядом комплекс лабораторных строений, которые тянулись на несколько километров. Помню, совсем недавно тут были голые холмы с руинами пары выгоревших зданий — студенты политеха однажды во время демонстрации пошалили с радиоуправляемыми ракетами. А сейчас тут все застроено — процветающая ЛРД стремительно разрослась до таких гигантских размеров, что вполне могла бы послать Соединенные Штаты куда подальше, выделиться в отдельное государство и самостоятельно ворочать делами.

Проведя несколько часов у постели Хриса в университетской больнице (его здоровье шло на поправку) и прошвырнувшись по студгородку (поймав антикайф от лицезрения результатов вчерашнего буйства), я притопал домой. Не успел

я зайти в квартиру, как в дверь позвонили. Передо мной стоял двухметровый детина в старинном неуклюжем водолазном костюме. На его голове красовался шлем с прозрачным щитком.

— Сегодня я ничего не покупаю! — раздраженно бросил я и потянул дверь на себя.

Но тут детина приподнял щиток, из-под которого вылилось не меньше галлона морской воды, и пробасил на двадцатке:

— Гинь! Я пришел помочь тебе.

Тут я узнал капитана Немо. Этот парень из нашей Команды «поехал» на биологии океанов и предпочитает жить под водой.

Капитан Немо повернулся, призывно замахал руками и прокричал на испангле:

— Ребята, сюда!

Три мордоворота подтащили к моей двери громадный бак и внесли его в прихожую. Пока я хлопал глазами, капитан Немо покрикивал:

— Полегче, ребята, не уроните. Ставьте. Аккуратнее! Так. Готово.

Мордовороты ушли, а Немо снял резиновый шлем. С его усов все еще капала вода.

— Спешу обрадовать: я решил все твои проблемы. Знакомься с Лаурой.

— С Лаурой?

— Загляни-ка в бак.

Я снял крышку. На меня глядел исполинский осьминог — хоть сейчас в книгу рекордов Гиннеса.

— Это и есть Лаура?

— Ага. Моя гордость и отрада! Скажи ей «здрасте».

— Привет, Лаура.

— Да нет же. Гинь! Она тебя через воздух не слышит. Сунь голову в воду.

Я покорился и пробулькал:

— Привет, Лаура.

И будь я проклят, если эта тварь не открыла клюв и не проговорила: «Пивэт!» — тараща на меня свои глазищи.

— Можешь сказать, как тебя зовут, душечка? — спросил я, не вынимая своей кумекалки из воды.

— Лаула.

Тут я больше не стал искушать судьбу, вынул голову из воды и уставился на капитана Немо, который мало-мало не лопался от гордости.

— Какова?!

— Да, фантастика.

— Умница, какой свет не видывал! Ее словарный запас — под сто слов!

— Похоже, у нее что-то вроде японского ак-

цента.

— Еще бы! Знаешь, как я намучился с пересадкой рта!

— С пересадкой… рта?

— А ты воображаешь, что я нашел в море готовый экземпляр — говорящего и думающего осьминога? Хренушки! Сам создал путем трансплантации органов.

— Немо, да ты просто гений!

— Тебе виднее, — скромно согласился он.

— И эта Лаура поможет мне уделать Секвойю Угадая?

— Она справится без осечки. Мы ее настропалим соответствующим образом, и твой дружок помрет такой страшной смертью, что не простит тебе подобного измывательства до конца вечности.

— И что именно ты задумал?

— Есть у тебя бассейн? А то я начинаю просыхать.

— Бассейна нет. Но могу организовать что-то вроде.

Я взял баллон и обрызгал свою небольшую гостиную прозрачным плексигласом — до высоты примерно, метр восемьдесят от пола: разумеется, в том числе пол и мебель; когда состав застыл,

получился двухсантиметровый слой плексигласа — и бассейн, повторяющий форму гостиной — за вычетом мебели, которая осталась за его стенками. С помощью небольшого насоса я наполнил этот импровизированный бассейн водой.

Немо сбросил водолазный костюм и забрался в воду — прихватив с собой и Лауру. Сам нырнул и уселся на мой диван, прикрытый толстым слоем плексигласа, а Лаура тем временем обследовала новую среду обитания. Немо махнул мне рукой: присоединяйся. Я присоединился. Лаура нежно обвила меня щупальцами.

— Ты ей понравился, — сказал Немо.

Дальнейшую беседу мы вели, разлегшись на диване, хотя звуки под водой здорово искажаются. Но было лень подниматься на поверхность.

— Приятно, что я понравился этой милашке. Итак, в чем состоит ужасный план?

— Мы пригласим твоего клиента поплавать с аквалангом. На очень большой глубине. Дадим ему баллоны со смесью гелия и кислорода под высоким давлением. Гелий — чтоб не было кессонной болезни.

— Ну и дальше?

— Лаура нападет на него. Чудовище глубин.

— И утопит?

— Фи, старик, какой примитив! Мы организуем кое-что пострашнее. Я уже проинструктировал Лауру. Пока он будет бороться с ней, она вырвет шланг, по которому в систему жизнеобеспечения подается гелий.

— После чего пойдет только чистый кислород?

— Вот именно. В этом и заключается настоящий кошмар. Если дышать чистым кислородом под большим давлением, у человека появляются одновременно симптомы столбняка, отравления стрихнином и эпилептические судороги. Происходит избыточная стимуляция нервных волокон позвоночника, что приводит к чудовищным конвульсиям. Твой приятель получит роскошную медленную агонию.

— Звучит заманчиво. Первосортный кошмар. Но каким образом ты собираешься спасти профессора Угадая?

— С помощью хлороформа.

— Чего-чего?

— С помощью хло-ро-фор-ма. Это противоядие при кислородном отравлении.

Я на время задумался.

— Уж очень это мудрено. Немо.

— А ты что хочешь? Вулкан взрывать? — огрызнулся Немо.

— Видишь ли. Немо, на этот раз осечки быть не должно. Не хочу опять лопухнуться. Я ничего против твоего предложения не имею, можно попробовать. Мы… Погоди, какой-то дурак колотит в дверь.

Я выбрался из бассейна и побежал открывать — в чем мать родила. О своей наготе я вспомнил лишь тогда, когда увидел перед собой Благоуханную Песню. Она выглядела как обычно — китайская принцесса времен династии Минг. За ее спиной маячил слон. Молодой, не очень крупный, но все-таки — слон. Он-то и был виновником шума — молотил хоботом в дверной косяк.

— Твой божественный лик — небесный свет для моих недостойных глаз, — прощебетала моя гостья. Затем она обратилась к слону: — Хватит, Сабу, прекрати стучать!

Слон мгновенно подчинился.

— Здорово, Гинь, — сказала Благоуханная Песня, отбрасывая восточные церемонии. — Чертовски давно не виделись. Сразу не смотри, ноу тебя ширинка расстегнута.

Я с удовольствием чмокнул ее.

— Заходи, принцесса. Ты права, давненько мы не видались. По мне, так даже чересчур. А это что

за шалунишка с хоботом?

— Настоящего мастодонта я не смогла найти. Но, думаю, и слон сойдет.

— Ты хочешь сказать?…

— Ну да! Что подошло Ху-Ху-Хуху, вполне может сработать и во второй раз.

— Что же ты предлагаешь?

— Я соблазню этого твоего бриллианта многогранного. Когда мы будем блаженствовать в постели, нас застукает Сабу и в приступе безумной животной ревности ме-е-е-едленно затопчет до смерти. Я буду визжать и пытаться унять разбушевавшегося слона, но все напрасно. Полный улет, да? Балдежная идея. Твой парень, конечно, сопротивляется, как лев, но массивный хобот Сабу сжимает его голову все сильнее и сильнее, пока череп не треснет, как перезрелый орех!..

— Господи Иисусе! — одобрительно выдохнул я.

— Только зря мы оставили Сабу за дверью. Как бы не натворил каких делов. Хобот у него крепкий, а мозги куриные. Открой-ка вторую створку. Гинь.

Я полностью распахнул двери, и принцесса провела современного мастодонта в прихожую. Тут я понял, что мозги у него и впрямь куриные, — за

те несколько минут, что он пробыл один, с ним уже случилось приключение: у него не хватило ума отогнать хулиганов, и они — с помощью баллончика с краской — вывели у слона на боку несколько непристойностей. Сабу захрюкал, заластился к Благоуханной Песне, коснулся ее кончиком хобота и успокоился. Затем прошел в большую комнату. Треск, грохот — и животина исчезла. Пол под Сабу провалился, и он застрял в подвале — трубя, как сумасшедший. Из гостиной, превращенной в бассейн, донеслись громкие звуки другого рода, но не менее душераздирающие.

— Ах, нынче совсем разучились строить добротные дома, — щебетнула принцесса, и затем осведомилась у меня: — Что это за вопли в гостиной?

Объяснять не пришлось. Оттуда появился капитан Немо — мягко выражаясь, с его ширинкой тоже не все было в порядке.

— Что здесь происходит, черт побери? — проорал он. — О, принцесса! Рад приветствовать. Гинь, вы до смерти напугали бедняжку Лауру! Она совершенно очумела от страха! Нельзя же так обращаться с чувствительной девочкой!

— Я тут ни при чем. Немо. Это все Сабу. Он слегка провалился в подвал.

Немо воззрился на трубящего слона.

— Это что за хреновина?

— Мохнатый мастодонт.

— Лысоват он для мохнатого.

— А я его брею каждое утро, — сказала Благоуханная Песня.

У принцессы был слегка разобиженный вид, и я не без ужаса подумал, что между Сабу и Лаурой может возникнуть острая конкуренция. Но тут я различил новый звук — кто-то скребся во входную дверь. Открыв ее, я обнаружил у своего порога огромного удава — хоть он и свернулся кольцами, его голова лежала на уровне моей груди.

— Простите, сегодня кроликов нет, — сказал я. — Загляните завтра.

— Он не кроликов глотает, — раздался знакомый голос, с трудом артикулирующий слова на двадцатке. — Он пожирает людей.

Длинные пальцы раздвинули пару витков — внутри колец оказался М'банту, сияющий приветливой улыбкой.

— А-а, мой любимейший зулус! Заходи, М'банту. Можешь прихватить своего дружка, если он не очень стеснительный.

— Он не стеснительный. Гинь. Он просто спит.

И проспит еще десять дней — после чего будет готов к приему внутрь твоего профессора Угадая. Доброе утро, принцесса. Привет, капитан Немо. Приятно снова встретиться со всеми вами.

И Благоуханная Песня, и капитан Немо — не пытаясь скрыть своего раздражения — разом фыркнули. Количество соперников увеличилось. Я был тронут тем, как Команда сплотилась вокруг меня в трудный момент, но я никак не ожидал столь острой конкуренции!

М'банту раскрутил спящего питона — тот оказался пятиметровой длины. Затем бессмертный зулус обвил своим грозным другом одну из колонн в холле

— удав так и не проснулся.

— А отчего это он пузырится посередине? — осведомился капитан Немо.

— Позавтракал, — лаконично ответил М'банту, из деликатности не уточняя детали.

— Он любит рыбу?

— Не исключено, что он предпочитает слонов, — сказала Благоуханная Песня. — Такая громадина запросто слопает слона!

— Нет. В следующий раз он слопает профессора Секвойю Угадая. Разумеется, если ты, Гинь, дашь добро, — сказал М'банту с любезной улыбкой. —

Профессор погибнет в ужасных мучениях. Но мои мучения будут не менее ужасны, ибо придется разрезать живот моему другу, дабы спасти профессора. Однако чему быть, того не миновать. Ради тебя. Гинь, я готов на все.

Тут входная дверь распахнулась настежь, рассыпая снопы искр, и в прихожую ввалился Эдисон. В руках у пего был ящик с инструментами.

— Я же тебя предупреждал. Гинь, — прокричал он, — эти магнитные запоры никуда не годятся, за секунду открыл… Принцесса, Немо, М'банту — всем общий привет. Гинь, какое напряжение электричества в доме у твоего Угадая?

— Никакое, — сказал я. — Он живет в большом вигваме. С соблюдением индейских традиций. Без электричества. Спасибо, что пришел, Эдисон.

— В таком случае мы заманим его сюда. У тебя-то, надеюсь, есть электричество в доме?

— Мои установки могут генерировать киловатт десять.

— Более чем достаточно. Ты всегда плетешься позади времени. Сейчас никто не позволяет себе такого расточительства электроэнергии.

— Да, я консерватор.

— На кухне электрооборудование старого об-

разца?

— Ага.

— И электропечь старая?

— Да, без новомодных штучек. Но большая — быка зажарить можно.

— Отлично. Тут-то мы его и прищучим. — Эдисон открыл свой ящик с инструментами и достал кальку с чертежом. — Взгляните-ка.

— Лучше объясни на словах, Эдисон.

— Мы сменим проводку, добавим энергии и превратим твою примитивную печь в высокочастотную.

— А что это такое?

— Высокочастотный нагрев — плавит металл. Плавит любой проводящий металл. И ни на что другое не воздействует. Ясно?

— Вроде да.

— Если сунуть в такую печь руку — ничего не почувствуешь. Но если у тебя на пальце кольцо — оно расплавится, и палец сгорит ко всем чертям. Явление магнитной индукции.

— Уфф! Мрачная картинка!

— Ага, проняло! Заведи своего индейца внутрь, мы врубим переделанную печь на самый медленный разогрев, и пытка начнется!

— Хочешь, чтоб у него пальцы сгорели и от-

вались?

— Нет. Чтоб у него мозг выгорел. Ведь у него в башке имеется жучок?

— Нет.

— А жучки из платины! — продолжал Эдисон. В приливе энтузиазма он не расслышал моего «нет». — Платина — проводник. Что и требовалось доказать.

Тут остальные мои гости, которые до этого слушали Эдисона, как зачарованные, разразились хохотом. До Эдисона не сразу дошло, что он сел в лужу со своим проектом, и он долго непонимающе таращился на принцессу, Немо и М'банту, помиравших от смеха. Потом и Эдисон расхохотался — над самим собой. Визги, смех — словом, моя квартира превратилась в ярмарочный балаган, и я опасался, что попытка обстоятельно спланировать убийство Секвойи так и закончится — хиханьками и хаханьками. Но тут меня выручила Фе. Она позвонила по видеотелефону. У нее был вид молодого ученого-фанатика: белый накрахмаленный халат, огонь во взоре.

— Секвойя просит тебя немедленно прийти в ЛРД, — выпалила она на двадцатке. Потом заметила на своем экране гостей у меня за спиной и продолжила — опять-таки на двадцатке: — Ах,

простите, ребята. Я не знала, Гинь, что у тебя народ. Я не вовремя?

— Ты не помешаешь. Это мои друзья. Мы как раз говорили о профессоре Угадае. А зачем я вдруг понадобился Секвойе?

Фе так и залучилась энергией и энтузиазмом.

— Событие века! Через час произойдет возвращение экспериментальной криокапсулы. Три крионавта провели па орбите двенадцать недель и теперь возвращаются па Землю! Весь цвет Объединенного Всепланетного Фонда будет на торжестве. Вождь хочет, чтобы и ты пришел,

— С какой стати — я? Разве я знаменитость? У меня нет даже ни единой акции Объединенного Всепланетного.

— Ты ему нравишься. Уж не знаю почему. Помоему, только ему ты и нравишься.

— Ладно. Но спроси его, могу ли я прихватить с собой друзей.

Фе кивнула и пропала с экрана видеотелефона.

Мои друзья решительно запротестовали. Дескать, плевали они на это «событие века» — каждый из них присутствовал на массе «событий века», и всегда это было горьким разочарованием. Тут они стали наперебой поносить так называемые исторические события — боксер-

ское восстание в Китае в самом начале XX века, Бенджамина Франклина и его молниеотвод, капитана Блая и бунт на его корабле «Баунти»... Я едва сумел вставить словечко в поток их воспоминаний.

— Послушайте, — сказал я, — мне нет никакого дела до приземления трех обледенелых мужиков, но это замечательная возможность показать вам человека, которого мы собираемся убить. Неужели вам не интересно взглянуть на свою жертву и оценить, что это за личность?

Тут на экране опять появилась Фе.

— Все в порядке. Гинь. Секвойя не возражает. Говорит, чем больше народу, тем веселее. Я встречу вас у главной проходной и проведу внутрь.

Она исчезла, а мы впятером вышли на крышу моего дома и сели в вертолет. Мои приятели судачили обо мне, как будто у меня уши были забиты ватой.

— Кто такая эта девчушка?

— Сэм говорит, он с ней уже три года.

— М'банту, а она часом не зулуска?

— К сожалению, нет. Наши женщины помассивней будут. Скорее всего, в ее жилах течет кровь индейцев маори или ацтеков с большой примесью белой крови. Только у англосаксонок

такие тонкие кости.

— Гиня всегда тянет на экзотику.

— Вечно он отстает от времени в своих вкусах.

— Она миленькая.

— Игриво-подвижная, как молодой дельфин!

— Хотел бы я знать, сколько у Гиня перебывало девиц!

— Сэм знает совершенно точно. У него все записано.

Пока они пересмеивались, я думал свою думу: почему моя Фе-глярка стрекотала на двадцатке — словно не сомневалась, что мои друзья ее понимают. Во мне росло не очень приятное ощущение, что я знаю далеко не все о творящемся в милой головке Фе. И у меня было нехорошее предчувствие, что затеваемая для Секвойи катастрофа добром не кончится — все пойдет наперекосяк. Мне вдруг захотелось съездить в университетский госпиталь и уговорить Хриса побыстрее вернуться домой.

3

По дороге от вертолета к главному входу в лабораторный комплекс на нас напала группа престарелых граждан. Особого вреда они не причинили — всадили в пас по несколько пуль из обычных револьверов старого образца. Был только один смешной момент. Когда мы отогнали придурков, я огляделся и увидел, что капитан Немо стоит на коленях возле одного из неловких убийц и ритмично колотит перепуганного смертного по лицу ручкой его же револьвера, при этом напевая:

— Пуля и презерватив — не решение проблемы перенаселения! Всем пересадим жабры — и в море, в море, в море!..

Мы с трудом оттащили его от бедолаги — дряхленького активиста общества борьбы с перенаселением планеты.

Тут появилась Фе и провела нас внутрь.

То, что мы увидели, произвело на меня достаточно сильное впечатление.

Мы очутились в огромном зале с круглой сценой в кольце крутого амфитеатра, который

вмещал не меньше тысячи зрителей. На скамьях сидели шишки из Объединенного Фонда, видные политики и всякого рода знаменитости. Фе усадила нас в зарезервированной ложе и упорхнула вниз, где Угадай стоял у пульта управления, расположенного поблизости от сцены. Мне понравилось, как она ведет себя — держится с достоинством, спокойно, не фиглярствует. То ли Вождь выполнил свое обещание и умерил жар у нее между ног, то ли она ощутила себя в Лаборатории на своем месте. Так или иначе, я восхищался моей девочкой.

Угадай вышел на середину сцены, обвел взглядом ряды зрителей и обратился к публике на обычном испангле:

— Леди и джентльмены, сеньоры и сеньориты, прошу вашего внимания. Позвольте мне объяснить в общих чертах суть завершающегося эксперимента.

По взмаху его руки Фе повернула ручку на пульте управления, вспыхнули проекционные аппараты, и на сцене рядом с Угадаем появились трое мужчин, которые засверкали улыбками и начали раскланиваться перед публикой. Они были невысокого роста, но коренастые, очень спортивного вида.

— Перед вами наши отважные добровольцы! — продолжил Угадай (привожу его речь, разумеется, в переводе). — Они первыми испытали на себе технику замораживания астронавтов — в полете вокруг Земли. Это важнейший этап подготовки к путешествию на Плутон, а затем и к звездам. Даже при максимальном ускорении полет к Плутону займет несколько лет. А до ближайших звезд лететь сотни лет! Космический корабль не сдвинуть с места, если загрузить его всем необходимым для столь длительного путешествия. Выход один — применить криогенную технику.

Он сделал знак Фе. Проекторы замигали, и на сцене возникли те же крионавты, но уже голые — техперсонал помогал им улечься в прозрачные капсулы. Несколько объемных кадров показали, как космонавтам сделали нужные инъекции, закрепили ремнями в капсулах, произвели последнюю дезинфекцию и наконец герметично закрыли крышки.

— Мы медленно понижали температуру в криокапсулах — на один градус Цельсия в час — и одновременно повышали давление на одну атмосферу в час, пока не появился так называемый лед-III, который плотнее воды и образуется при температуре выше нуля. В середине двадцатого

века многочисленные попытки осуществить успешную заморозку живых организмов потерпели неудачу из-за того, что безвредная остановка метаболизма не может быть произведена за счет замораживания как такового. Необходимо комбинировать минусовую температуру с повышенным давлением. О деталях этого процесса вы можете узнать из выданных вам брошюр.

Три капсулы с крионавтами на наших глазах были помещены в одну большую капсулу — отделяемый отсек космического корабля.

— Мы отправили корабль на вытянутую эллиптическую орбиту, запланировав возвращение через девяносто суток, — продолжал Секвойя Угадай.

На сцене со всеми подробностями показали взлет ракеты: рев двигателей, пламя, плавный уход в небо… Рутинный запуск. Эдисон отчаянно зевал.

— И вот наши герои возвращаются. Для этого мы генерируем узконаправленное кинетическое электромагнитное поле конусообразной формы, улавливаем капсулу космического корабля в широкий конец конуса, передвигаем ее с помощью вспомогательных двигателей к оси кинетического электромагнитного поля, которое

притягивает аппарат к Земле. Меняя полюсность поля — то притягивая аппарат, то отталкивая — мы гасим скорость его падения и добиваемся плавного спуска. Те из вас, кто путешествовал в космос, испытали на себе комфорт такого спуска — никакой тряски.

Итак, мои друзья, крионавты прибудут сюда из космоса через десять минут. Правда, процесс полного восстановления метаболизма в их организмах будет чрезвычайно медленным и займет несколько суток. Так что, как ни жаль, вы не сможете сразу поговорить с ними. Впрочем, им нечего рассказать. Для них время останавливалось — этих двенадцати недель как бы не существовало. А теперь, господа, я готов ответить на любые вопросы.

Его засыпали обычными вопросами, которые задают непрофессионалы. Где пролегала траектория полета капсулы с крионавтами? (В плоскости орбиты Земли. Внимательней читайте выданную вам брошюру.) Как зовут крионавтов, кто они по профессии? (Вся информация имеется в брошюре!) Как вы лично оцениваете степень риска данного эксперимента? (Как допустимую.) И так далее.

Наконец вопросы иссякли. Угадай оглядел три-

буны и сказал:

— Остается три минуты. Есть еще вопросы?

— Да! — выкрикнул я. — Что такое Кровавая Мэри?

Он нашел меня глазами, испепелил взглядом и повернулся к Фе.

— Открыть небо!

Фе нажала что-то на пульте, и створы крыши над сценой разошлись.

— Включить кинетическую ловушку.

Фе кивнула и стала производить необходимые операции, прикусив зубками кончик языка. Она даже побледнела от усердия и напряжения.

Мы ждали, ждали, ждали, пока на панели управления не включился громкий зуммер.

— Есть контакт, — тихо произнес Угадай. Теперь он сам взялся за ручки управления, рассеянно поясняя публике: — Итак, сразу после попадания корабля в кинетическое поле, мы даем команду его вспомогательным двигателям вывести корабль к вертикальной оси поля.

Все в зале затаили дыхание. Зуммер изменил тон.

— А теперь корабль процентрирован в поле и начинается спуск, — произнес Угадай. Хоть на его лице не дрогнул ни единый мускул, мне чудилось

огромное напряжение под этой непроницаемой маской игрока в покер. Он ощущал ответственность момента.

— Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один. Одна минута до посадки.

Устремив взгляд в проем крыши, он продолжал торжественный отсчет секунд на испанском языке — и это напоминало мессу на латыни.

Затем мы увидели в небе темную попку космической капсулы. Она спускалась со скоростью осеннего листа, сорвавшегося с ветки, только плавней. Мы могли наблюдать действие кинетического поля — по его краям на сцене вихрилась пыль и какой-то сор. Зал восторженно зашумел. Угадай не обращал внимания на реакцию публики, полностью поглощенный рычагами управления.

Через некоторое время капсула зависла в метре от сцены. Фе подбежала к краю помоста, наклонила голову и жестами командовала Угадаю — майна, майна, помалу, стоп! Стука не было, мы просто увидели, что доски сцепы немного просели под тяжестью капсулы.

Угадай еще поколдовал над панелью управления, отключил ее, сперва облегченно вздохнул, потом набрал в грудь побольше воздуха — и вне-

запно издал громкий победный клик команчей. Это было замечательно. Зал отозвался взрывом аплодисментов. Кто свистел, кто кричал, кто смеялся, кто улюлюкал. Даже Эдисон восторженно затопал ногами, хотя его терзала профессиональная зависть.

На сцену выбежали три парня из техперсонала — теперь уже не трехмерные проекции, а ребята из плоти и крови. Угадай подошел к люку.

— Как я уже сказал, — обратился он к аудитории, — вы не сможете поговорить с крионавтами. Зато можете увидеть их. И прочувствовать поразительный факт — они не состарились па три месяца. Для них этих трех месяцев просто не существовало. — Помощники распахнули люк, и Угадай засунул голову внутрь капсулы. С этого момента его голос звучал приглушенней. — Они провели на орбите девяносто суток в замороз…

Внезапно он умолк. Мы напряженно ждали. Гробовое молчание. Нырнув по плечи в люк. Секвойя молчал и не двигался. Парень из техперсонала осторожно притронулся к его спине. Никакой ответной реакции. Тогда два техника, взволнованно переговариваясь, медленно оттащили его от люка. Он шел как лунатик, а когда техники отпустили его и побежали обратно к

люку, остался стоять как статуя — неподвижно, с остановившимися глазами. Техники по очереди заглянули внутрь. Все трое реагировали одинаково: отходили на ватных ногах, бледные как полотно, в полном молчании.

Я ринулся к сцене — вместе с сотнями других зрителей. Когда я наконец пробился через толпу и смог заглянуть внутрь космического корабля, я увидел три прозрачных капсулы. Крионавтов там не было. В каждой из капсул сидело по голой жирной крысе. Голой — потому что па этих существах не было шерсти. Тут меня оттерли от люка. Крик, шум. Но в этом бедламе я различил вопли Фе:

— Гинь! Гинь! Сюда! Ради Бога! Гинь!

Я нашел ее возле панели управления. Она стояла над Угадаем, который лежал на полу и бился в классическом эпилептическом припадке.

— Все в порядке, Фе! — сказал я. — Ничего страшного.

Я проворно сделал все необходимое: уложил как надо, вытащил язык, распустил ворот сорочки, стал придерживать ноги и руки.

Моя девочка была в ужасе. Оно и понятно: если видишь припадок впервые, это производит сильное впечатление. Наконец я встал с пола и крикнул:

— Команда! Сюда, ребята!

Когда они пробились ко мне, я приказал:

— Отведите профессора в спокойное место. Чтобы поменьше пароду видело его в этом состоянии. Фе, ты в порядке? Можешь взять себя в руки?

— Нет.

— Плохо. Но все равно придется взять себя в руки. И побыстрее. Есть у Вождя собственный кабинет? — Она утвердительно кивнула. — Отлично. Мои друзья отнесут его туда — подальше от досужих глаз. А ты покажи им дорогу. Потом сыпь обратно. И не задерживайся! Поняла? Тебе придется замещать Угадая, когда аудитория немного придет в себя и начнет задавать вопросы. А пока что я буду вместо тебя. Мои друзья останутся с Вождем и присмотрят за ним. Все. Беги!

Она вернулась минут через пять — тяжело отдуваясь. В руках у нее был белый лабораторный халат.

— Надень, Гинь, — сказала она. — Как будто ты один из ассистентов.

— Нет, ты должна справиться в одиночку.

— Но ты хотя бы будешь рядом?

— Буду.

— Что мне делать? Что говорить? У меня ум за разум заходит. Наверное, я тупица.

— Нет, ты не тупица. Я не зря три года трудился над твоим воспитанием. А теперь соберись — побольше уверенности и апломба. Готова?

— Еще нет. Объясни мне, что именно довело Вождя до припадка.

— Крионавтов нет в капсулах. Они бесследно исчезли. В каждой капсуле находится существо, похожее на совершенно лысую огромную крысу.

Фе так и затрясло.

— Боже! Боже! Боже! — запричитала она.

Я ждал, когда девочка придет в себя. Не было времени нянчиться с ней и успокаивать. Она обязана проявить характер. И она действительно довольно быстро справилась с ужасом и растерянностью.

— Все о'кей, Гинь. Я готова. Что сделать для начала?

— Требуй внимания. Голос уверенный и строгий. Если что — я рядом и подскажу.

Я аж залюбовался ею, когда она вскочила на панель управления и величаво замерла там над людским морем, как Эрнан Кортес на скале, когда он впервые пересек Центральную Америку и вышел со своим войском к Тихому океану. Эта девочка может явить королевскую повадку, когда захочет!

— Леди и джентльмены! — провозгласила она на испангле. — Леди и джентльмены! Прошу вашего внимания! («А теперь что, Гинь?» — тихонько, на двадцатке.)

— Сказки, кто ты такая.

— Меня зовут Фе-Пять Театра Граумана, я главный ассистент профессора Угадая. Думаю, все вы видели, как я работала у панели управления. («А теперь что?»)

— Давай оценку тому, что случилось. Вывернись красиво. Дескать, это не катастрофа, это научная загадка, вызов человеческому разуму и т. д.

— Леди и джентльмены! Во время экспериментального полета космического корабля с крионавтами произошло уникальное по своей необычности событие, и вы имели счастливую возможность наблюдать его собственными глазами. Поздравляю вас! Да, происшедшее — полная неожиданность, но, как имеет привычку говорить профессор Угадай, неожиданность — это сущность открытия. Открыть — значит, найти не то, что искал. — Она по-петушиному наклонила голову и прислушалась. — А! Кто-то из вас подумал, что наука есть инстинктивная прозорливость. Да, я согласна, что вся наука отчасти

основана на счастливых случайностях. («Гинь!»)

— Вождь уже анализирует обнаруженный феномен — совместно со своим персоналом. Все лучшие научные силы брошены на разрешение… и тому подобное.

— Профессор Угадай совместно с научным персоналом Лаборатории в данный момент занят подробным анализом необычного феномена, свидетелями которого вы сегодня стали. — Она опять характерным образом наклонила голову. — Да, я знаю, о чем думают многие среди почтенной публики, продолжим ли мы эксперимент, вскроем ли капсулы? Должна сказать, профессор Угадай как раз сейчас осмысливает дальнейшую тактику эксперимента, а поэтому его нельзя беспокоить. Все вы задаетесь вопросом: что же случилось с крионавтами? Но тот же вопрос задаем себе и мы! («Гинь!»)

— Ну и хватит с них.

— Благодарим вас за терпение и выдержку. А сейчас я должна вернуться на ученую конференцию, которую в данный момент проводит профессор Угадай. Мы постараемся в кратчайший срок дать подробный отчет для прессы о результатах предстоящих научных дебатов. Еще раз — большое спасибо всем.

Я помог ей спуститься с панели управления. Она дрожала как осиновый лист.

— Фе, это еще не все, — сказал я. — Прикажи техперсоналу герметично закрыть капсулу и опечатать люк. Пусть все системы работают по-прежнему — словно аппарат все еще находится в космосе.

Она кивнула и пробралась через толпу к троице техников, которые стояли в сторонке — словно мешком прибитые. Похоже, бедняги еще не совсем пришли в себя от потрясения. Она быстро переговорила с ними и вернулась ко мне.

— А теперь что?

— Во-первых, я горжусь тобой.

— Проехали.

— Во-вторых, веди меня к Чингачгуку. Мне надо…

— Не смей называть его так! — взвизгнула Фе. — Не смей ерничать! Он великий человек. Он… Да он же…

— Мне надо ввести его в курс дела. Он наверняка уже пришел в себя.

— Кажется, я влюбилась в него, — беспомощно выдохнула Фе.

— И тебе больно.

— Да, ужасное состояние.

— Первая любовь чаще всего самая мучительная. Ладно, пойдем.

— Прошло всего лишь двенадцать часов. Гинь, а я чувствую себя на двенадцать лет старше!

— Это заметно. Скачок во времени. Переход количества в качество. Такое бывает. Пошли, моя Фе-номенальная.

Кабинет Секвойи представлял собой просторный зал с длинным столом для проведения научных конференций. Тяжелые кресла, шкафы ломятся от книг, журналов, газетных подшивок, магнитофонных кассет и компьютерных дискет. На стенах огромные карты с траекториями полетов — три на три метра. Члены нашей Команды усадили Угадая в кресло во главе длинного стола и озабоченно поглядывали на пего, оставаясь в другом конце комнаты. Я побыстрее закрыл дверь, куда норовили заглянуть любопытные секретарши.

— Ну, как он?

— Свихнулся, — сказал М'банту.

— Да брось ты! У него самый обычный припадок.

— Смотри, если не веришь! — сказала Благоуханная Песня. Подойдя к Секвойе, она взяла его руку и подняла се высоко вверх. Но когда она

разжала свои пальцы, его рука не упала. Тогда она взяла Вождя за плечи и потянула вверх. Он покорно встал и пошел за ней, словно лунатик. Когда же она отпустила его, он в тот же момент замер — на половине шага. А одна рука у него так и оставалась высоко поднятой.

— По-твоему, это припадок эпилепсии? — спросил М'банту.

— Отведите профа обратно на кресло, — сказал я.

Фе всхлипывала. Да и у меня кошки на душе скребли.

— Полная отключка, — сказал Немо. — Похоже, он уже никогда не станет нормальным человеком.

— Вы должны помочь ему! — вскричала Фе.

— Постараемся, дорогая, сделаем все возможное...

— Что же с ним случилось?

— Не знаю.

— И как долго продлится это состояние?

— Одному Богу известно.

— Гинь, он что — навсегда таким останется?

— Трудно сказать. Требуется специалист. Принцесса, вызывай Сэма Пеписа. Да, и пусть сюда прибудет Борджиа — со всеми нужными причин-

далами и на всех парах.

— Будет сделано.

— Пустые хлопоты, — вздохнул Эдисон. — У парня крыша поехала. Это безнадежно. Плюнь и забудь.

— Не получится. Во-первых, из-за Фе. Во-вторых, он по-прежнему мой кандидат. Уже по этим двум причинам мы обязаны вправить ему мозги на место. Ну, а в третьих — мы же не звери. Надо проявить человечность. Этот парень чертовски талантлив, нельзя допустить его научной компрометации.

— Спасите его, — умоляющим голосом сказала Фе. — Пропали она пропадом, научная репутация. Просто спасите.

— Мы сделаем все возможное и невозможное, моя дорогая. Первая проблема — как его вывезти отсюда в мой дом. Думаю, взволнованные акционеры Объединенного Фонда уже толкутся в приемной. Нам не удастся проскользнуть мимо них без скандала.

— Унести профа — пара пустяков, — сказал Мбайту. — Он как кукла. Возьмем на руки — и ходу.

— Но он, увы, не невидимка, — возразил я, лихорадочно соображая, как быть дальше. Грешно,

конечно, но мне нравилась эта острая ситуация. Обожаю трудности. — Слушай, Эдисон, ты кто сейчас — по паспорту?

Эдисон сделал большие глаза и покосился на Фе.

— Не обращай на нее внимания, — сказал я. — Не до этого.

— Я все знаю о вашей Команде, — спокойно обронила Фе. Не для рисовки, а чтобы не быть помехой в ситуации, которая требовала быстрых действий.

— Ладно, обсудим это позже, когда все устаканится. Так кто ты такой теперь, Эдисон, какой у тебя пост?

— Директор отделения плазмы в одном исследовательском центре.

— Документы при себе?

— Разумеется.

— Вот и ладушки. Выйди в приемную к представителям акционеров. Ты именитый коллега профессора Угадая. Здесь по его приглашению — чтобы присутствовать при возвращении космического корабля. Ты полностью готов ответить на любые вопросы акционеров. Короче, успокой их. Мели, что попало, а мы тем временем вынесем тихонечко профессора.

Эдисон досадливо крякнул, бросил на пребывавшего в каталепсии Угадая последний критический взгляд и вышел на заклание. Я слышал через дверь, как он изгалялся над паникующими акционерами. Его речь была на уровне «u(x+h) — u(x) = 2x + 1». Просто и ясно. Тут мне в голову пришла новая идея.

— Фе и принцесса, снимите со стены самую большую карту. Так. Теперь пусть каждая берет за один конец и поднимает как можно выше.

Обе беспрекословно подчинились, за что я мысленно поставил им по «пятерке».

— Держите крепко!

Они держали карту на вытянутых руках. Ее нижний край касался пола.

— М'банту, ты у нас самый сильный. Взваливай профессора себе на плечо.

— Это он-то самый сильный? — возмущенно пророкотал капитан Немо.

— В физическом отношении, капитан, — сказал М'банту примирительным тоном. — В интеллектуальном отношении мне до вас далеко. Тут вы вне конкуренции.

Я быстро отрежиссировал предстоящую сцену. Когда все врубились в мой замысел, я распахнул дверь в приемную. Первыми стали выходить Фе

и принцесса, держа в руках карту — в качестве экрана.

— Простите, что заставляем вас ждать, — сладким голоском сказала Фе толпе акционеров.

Девушки двинулась к выходу — мимо толпы. Тем временем М'банту, за картой никем не замеченный, нес профессора на плече.

Когда мы добрались до моего дома, там нас уже поджидала Борджиа (клянусь, я даже не заметил, когда и как Благоуханная Песня связалась с ней!). Выглядела она совсем как Флоренс Найтингейл.[9] Правда, она не англичанка, а сицилийка, но доктор первоклассный — лучше нее никого не знаю. С 1600 года она только и делала, что повышала квалификацию: получила медицинские дипломы в Болонье и Гейдельберге, в Эдинбурге и Париже, в Грыжелюбске, «Стандарт Ойл» и еще черт знает где.

В моем доме Лукреция Борджиа застала банду хулиганов. Теперь они — как шестерки — занимались уборкой: покорно мыли и чистили все комнаты.

— Эти хмыри уже начали шмонать твой дом,

---

[9] Notes: 9

Флоренс Найтингейл (1820–1910) — знаменитая английская медсестра, организатор и руководитель отряда санитарок во время Крымской войны 1853-56 гг.

когда я вошла, — сказала Борджиа. — Видать, дверь у тебя на соплях держится. Так что мне пришлось приспособить их для дела.

И они работали как миленькие! Сабу лежал на подстилке из свежего сена, Лаура весело гонялась по бассейну в гостиной за золотыми рыбками. Все везде блестело — ни соринки, ни пылинки. Снимаю шляпу перед столь достойной женщиной!

— Ну-ка, стройсь! — приказала она хулиганам.

Те выстроились перед ней — пристыженно потупив глаза.

— Теперь слушай сюда. У вас двоих ранние признаки эмболии. А у тебя, тебя и тебя — запущенный туберкулез. Не будете лечиться — протянете ноги. Все вы педерасты, и всем необходимо лечить геморрой. Завтра в полдень явитесь для полного медицинского осмотра. Ясно?

— Да, госпожа врачиха.

— Ну и хорошо. А теперь — марш отсюда!

Они без промедления убрались. Что за женщина! Кремень!

— Добрый вечер. Гинь, — сказала она на двадцатке. — Всем добрый вечер. А это что за штучка? Она не является членом нашей Команды. Вон! Гоните ее вон!

Но Фе способна постоять за себя. Она тут же

выпалила с вызовом:

— Меня зовут Фе-Пять Театра Граумана. Я здесь живу, а больной — мой парень. Еще вопросы будут?

— Э-э, да она шпарит на двадцатке!

— И знает о существовании Команды. Та еще девица!

— Это в ней говорит кровь маори, — вставил М'банту. — Маори — талантливейший народ.

Тут Борджиа расплылась в улыбке, широкой как устье Миссисипи, кинулась к Фе и стала трясти ее руку, словно это была ручка насоса.

— Мне нравятся такие, как ты, Фе! — воскликнула она. — Приятно встретить человека с характером в век полной бесхребетности!.. А теперь давайте посмотрим, что с нашим пациентом. Гинь, нельзя ли найти комнату поспокойнее для осмотра? Здесь настоящий зоопарк. К тому же этот чертов питон так громко рыгает!

Мы прошли вместе с Вождем в кабинет, где Фе усадила его за мой рабочий стол. Остальные члены Команды занялись своими животными, а Эдисон — входной дверью, которую он же и сломал.

— Рассказывай, Гинь, что произошло, — сказала Борджиа.

Пока она с озабоченным видом ходила вокруг Вождя, щупала его и осматривала, я вкратце поведал о случившемся.

— Так-так, налицо все признаки постэпилептического беспамятства: задержка речи, вялый негативизм, кататонический ступор. Не сердись, Фе, я постараюсь не злоупотреблять медицинским жаргоном. Понимаю, тебе кажется, что пулеметная очередь терминов разносит в клочья личность больного… Ладно, каким временем мы располагаем, чтобы поставить его на ноги?

— Пока мы отвлекли внимание большого начальства, но уже завтра по его душу явятся и журналисты, и руководство Лаборатории. Потребуют полный отчет. В эксперимент вбухали семьдесят миллионов и…

— Восемьдесят пять, — уточнила Фе. — И я слышу, какой переполох стоит в Лаборатории и в Объединенном Фонде. Все в жуткой панике и разыскивают Вождя. Если он не сумеет оправдаться, они готовы снять с него скальп!

— Они разнюхали, где он находится? Есть какие-то подозрения? — спросила Борджиа у Фе.

— Пока нет. Большинство полагает, что он просто перетрусил и удрал.

— Ясновидящая? — обратилась ко мне Борджиа,

с весьма заинтересованным видом.

— Нет, прослушивает информацию с подчерепных жучков. Таким образом, ты видишь, дело серьезное. На карту поставлено слишком многое. Или мы быстренько приведем его в чувство — или его карьере конец.

— Ты-то с какой стати так суетишься? Я отчасти догадываюсь…

— Об этом позже, Лукреция. Не в присутствии его девушки.

— Я не его девушка, — сказала Фе. — Это он — мой парень.

Борджиа проигнорировала эту сложную семантику. Она опять занялась Секвойей, прощупывая бедолагу своими невидимыми токами.

— Любопытно. Крайне любопытно. Как он внешне похож на Линкольна! Замечаешь, Гинь? Мне всегда казалось, что подобный тип лица свидетельствует о внутренних патологиях. Полагаю, ты знаешь, что в молодости у Линкольна случился приступ падучей — сразу после кончины Энн Рутледж. И от последствий припадка он не оправился до самой смерти. Всю оставшуюся жизнь его преследовали маниакально-депрессивные состояния… Давайте попробуем самый быстрый и рациональный метод. Есть у вас письменные

принадлежности? То есть бумага и ручка.

Фе протянула ей блокнот и шариковую ручку.

— Он правша?

— Да, — подтвердила Фе.

— Попробуем методику, которую Шарко[10] показывал мне в своей клинике.

Борджиа вложила в правую руку Вождя ручку и подложила под нее блокнот.

— Иногда им отчаянно хочется общаться с другими людьми, и мы должны помочь им в этом.

Она наклонилась над Угадаем и заговорила на испангле. Я остановил ее.

— Борджиа, ему легче общаться на двадцатке.

— О, до такой степени образованный! Это вселяет большую надежду. — И она ласковым голосом обратилась к Вождю: — Здравствуйте, профессор Угадай. Я врач. Я хотела бы поговорить с вами о Лаборатории.

Ни один мускул не дрогнул на лице Секвойи. Он по-прежнему смотрел прямо перед собой — с отсутствующим видом. Но спустя секунду-другую его правая рука начертала несколько дрожащих букв:

привет

---

[10] Notes: 10

Жан Мартен Шарко (1825-93), врач, один из основоположников невропатологии и психотерапии.

Фе тихонько вскрикнула. Борджиа жестом потребовала полной тишины.

— Профессор Угадай, — продолжала она, — здесь присутствуют только ваши друзья. Мы все крайне озабочены вашим состоянием. Хотите что-либо сказать нам?

Рука написала:

профессор угадай здесь присутствуют только ваши друзья мы все крайне озабочены вашим состоянием хотите что-либо сказать нам

— Хм, — произнесла Борджиа, задумчиво поджимая губы. — Вот, значит, как? М-да. Может, вы попробуете, Фе? Скажите что-нибудь личное, задушевное.

— Вождь, это Фе-нтифлюшка. Вы так и не выполнили своего обещания!

вождь это финтифлюшка вы так и не выполнили своего обещания

Борджиа вырвала исписанный лист из блокнота.

— Гинь, может, ты скажешь ему что-нибудь насчет недавнего несчастья?

— Привет, Ункас! Объединенный Фонд попытался продать мне этих бесшерстных крыс. Они утверждают, что это твой дух.

привет ункас объединенный фонд попытался

продать мне этих бесшерстных крыс они утверждают что это твой дух

Борджиа огорченно покачала головой.

— Я надеялась, что благодаря этому приему мы сдвинемся с места, но мы, к сожалению, столкнулись с эхопатией.

— Это что за гадость?

— Гинь, такое случается порой — как дополнение к кататоническому синдрому. Больной повторяет слова собеседника — буквально или с небольшими изменениями.

— То есть попугайничает?

— Да, что-то вроде того. Впрочем, не будем отчаиваться. Я попробую другую уловку Шарко. Пути к человеческой душе могут быть невероятно извилистыми и неожиданными.

Лукреция забрала ручку из правой руки Секвойи и вложила се в его левую руку. Снова подложив под ручку блокнот, она сказала:

— Здравствуйте, профессор Угадай. Я врач и хотела бы побеседовать с вами. У вас есть свои соображения касательно того, что произошло с вашими крионавтами?

Секвойя по-прежнему смотрел в пространство стеклянными глазами. Но его левая рука дрогнула, и он написал каракулями справа налево две

строки. Перед нами был текст, как бы отраженный в зеркале.

— Зеркало, Фе! — приказал я.

— Не нужно, — сказала Борджиа. — Я могу читать и справа налево. Он написал: *«В онтогенезе повторяется филогенез, но...»*

— «Но» — что?

— Тут его рука остановилась. *«В онтогенезе повторяется филогенез, но...»* Но — что, профессор Угадай? Что вы хотели сказать?

Никакой реакции.

— Опять сорвалось?

— Получилось, болван! Мы обнаружили, что в глубинах его мозга продолжается нормальная работа. Именно в самых отдаленных глубинах. Там он прекрасно осознает все, что происходит в окружающем мире. Теперь надо лишь удалить созданный шоком почти непроницаемый кокон, в который сейчас заключена его личность.

— И вы знаете способ?

— Клин клином вышибают. Нужен новый шок. Но чтобы это сработало, нужно торопиться.

— Время нас и без того поджимает. Вот только бы не напортачить в спешке!

— Недавно создан новый транквилизатор, полипептидный дериват норадреналина.

— Ни слова не понял.

— Ты представляешь, как действуют транквилизаторы? Они затрудняют взаимодействие между ядрами центральной нервной системы, глиальными клетками и нейронами. Они замедляют передачу нервных импульсов от клетки к клетке — и тем самым замедляют функционирование всех органов. Улавливаешь?

— Пока улавливаю.

— Так вот, дериват норадреналина эти связи не замедляет, а парализует совершенно. По своему действию он близок к нервно-паралитическому газу. Межклеточное взаимодействие прекращается. Фактически это почти смерть. Не исключена возможность того, что мы попросту убьем его.

— Почему же? Никогда не слышал, чтобы транквилизаторы убивали!

— Постарайся вникнуть в суть действия этого препарата, Гинь. Межклеточные связи прекращаются. Каждая клетка остается сама по себе. Изолированные острова — вместо единого целого. Если связи восстановятся, профессор придет в себя — слегка ошалевший, но исцеленный. Новый шок выведет его из состояния абсанса, которым он отгородился от осознания фантастического исхода эксперимента. Если же связи не

восстановятся, он умрет.

— Какие шансы выявить?

— Опыты показывают — примерно пятьдесят на пятьдесят.

— Как говорят русские: или пан, или пропал. Придется рискнуть.

— Нет! — вскрикнула Фе. — Не надо, Гинь, прошу тебя!

— Но сейчас он все равно что мертвый. Практически, живой труп.

— Ведь он может со временем выздороветь — правда, доктор?

— О да! — кивнула Борджиа. — Но процесс выздоровления может затянуться лет на пять — если не применять шокового метода лечения. Должна сказать, что такого глубокого кататонического состояния, как у вашего друга, я еще никогда не наблюдала. И если с ним случится новый эпилептический припадок до начала полного выздоровления, его уход в себя еще больше углубится, а шансы на самоизлечение снизятся.

— Но…

— Поскольку это ваш близкий друг, я обязана предупредить вас: если он придет в себя самостоятельно, у него будет, скорее всего, полная потеря памяти. Кататония, как правило, приводит к

амнезии.

— Он забудет — все?

— Все.

— В том числе и все, связанное с его работой?

— Да.

— И меня забудет?

— Да.

Фе побледнела. Мы ждали ее решения. Наконец она сказала:

— Ладно, я согласна.

— Тогда давайте обговорим детали, — твердым голосом сказала Борджиа.

— Необходимо, чтобы после контршока он очнулся в знакомой обстановке. Есть у него какой-то свой угол?

— Мы не сможем проникнуть в его жилище. Дом сторожат три волка.

— Так. О возвращении в Лабораторию не может быть и речи. Другие предложения?

— Он преподает в университете Юнион Карбайд, — подсказала Фе.

— У него там свой кабинет?

— Да, но когда он там, то большую часть времени он пользуется тамошним экстрокомпьютером.

— Что это за штука?

Фе оглянулась на меня за поддержкой.

— Видишь ли, Лукреция, у университета имеется сверхкомпьютер с совершенно бездонной памятью, — пояснил я. — Когда-то такие компьютеры называли стретчами. Теперь их называют экстро-К. Словом, в этом компьютерище содержатся все данные обо всем — с начала времен. И еще остается бездна свободного места в памяти для новой информации.

— Прекрасно. Мы перенесем профессора в здание, где находится этот чудо-компьютер. — Она достала книжечку из своей медицинской сумки и быстро написала что-то на листе бумаги. — М'банту! Вот тебе рецепт, беги в отделение фирмы «Апджон», получи ампулу с лекарством и принеси в компьютерный центр Юнион Карбайда. Одна нога здесь, другая там. Смотри, не попадись в лапы к грабителям. Эта ампула стоит целое состояние.

— Я суну ее внутрь моей полой трости.

Борджиа ласково потрепала его по плечу.

— Проходимец ты мой черномазенький! Скажи в «Апджоне», чтобы выписали счет на мое имя.

— Прости за нескромный вопрос, Борджиа, но как тебя нынче зовут?

— Тьфу ты! Как же меня нынче зовут? Ах да,

Чиполла. Профессор Рената Чиполла. Давай, мой мальчик, поспешай!

— Рената *Луковица!* — озадаченно воскликнул я, переведя услышанную фамилию на английский.

— А почему бы и нет? Имеешь что-нибудь против итальянцев?

— Скорее, против лука.

— Эй, Эдисон, ты еще не починил дверь? Ладно, оставь. Организуй мне стерилизатор. И кислородную маску. Пойдешь со мной. И прихвати свои инструменты.

— Стерилизатор? — перепуганно прошептала Фе. — И кислородная маска?

— Возможно, придется вскрывать грудную клетку и делать прямой массаж сердца. Немо! Немо!

Капитан не отзывался. Борджиа направилась в гостиную, где Немо весело плескался в бассейне со своей любимицей Лаурой. Ни одной золотой рыбки не осталось. Уверен, что и Немо проглотил несколько золотых рыбок — за компанию, из вежливости. Ох уж эти мне океанолюбы!

Борджиа замолотила кулаком по плексигласу, пока не привлекла внимание капитана. Он высунул голову из воды.

— Мы уходим, — сказала Лукреция. — Вылезай и охраняй дом. Дверь стоит нараспашку. Никаких возражений, Эдисон! На насилие отвечай насилием. Но чтоб без трупов. Просто держи оборону. Если кого покалечишь, я окажу медпомощь. Все. Валим отсюда.

Борджиа и Эдисон взяли свои сумки с инструментами и вышли на улицу. Когда мы с Фе вели Вождя из дома, я бросил взгляд в подвал. Благоуханная Песня безмятежно спала на спине Сабу. Хотел предложить ей перебраться на постель, но передумал и не стал ее тревожить.

4

До компьютерного центра мы добрались без приключений. Никто не врубался, в каком состоянии профессор. Он шел как сомнамбула — с открытыми глазами. И все встречные рассыпались в любезностях: да, профессор, сейчас, профессор, проходите, пожалуйста, профессор... В центре было многолюдно — шло состязание по эрудиции самых светлых университетских голов и Экстро-М (хомо сапиенсы отчаянно проигрывали). Второе несчастье — по радио передавали очередной шедевр из сериала «Девушки в армейских кальсонах». Эрудитов мы разогнали без труда, а вот радио отключить нам было слабо. Приходилось слушать, как Крутой Дик, Том-Весельчак и Стойкий Сэм поступили в пентагоновскую Военную академию (после того, как в Дании сменили пол путем хирургической операции). Напялив армейские кальсоны, они покупают колеса, травку, гашиш, фигиш и прочий шиш, чтобы хорошо оттянуться по поводу избрания Крутого Дика старшим сводником батальона.

— Не понимаю, какого черта здесь нет изоля-

ции от радио, как у тебя в доме! — возмутилась Борджиа.

— Глушилка стоит, но рядом мачты высоковольтной линии — они действуют как ретрансляторы, и с ними не справиться, — пояснил я. — Просто не обращай внимания. Итак, что делать с Вождем дальше?

— Положи на пол, лицом вверх. Эдисон, займись стерилизатором и кислородной маской, пока мы ждем М'банту. Поищи на складе нужные детали. Импровизируй. Давай, пошевеливайся!

Разумеется, в центре кипела работа — как и во всем университете. Во-первых, компьютер такого уровня никогда не отключается. Во-вторых, в наше время везде работают по двадцать четыре часа в сутки. А как иначе можно заставить народ, повадившийся сидеть на социальных пособиях, хоть немного шевелить задницами и чуточку работать? Только с помощью двенадцати двухчасовых смен в сутки. Население разрослось непомерно. Если с безработицей не бороться, то будет совсем худо — еще хуже, чем сейчас.

Думаю, все вы знаете, как выглядит компьютерный комплекс — ряды шкафов, а кругом ряды подсобных шкафчиков. Ничего романтичного. Единственное отличие залов с Экстро-М — нали-

чие у шкафчиков подсобных шкафчиков. Чтобы поговорить с боссом, надо миновать заслон из ста секретарш и двухсот младших научных сотрудников. После чего босс пошлет тебя на три веселых буквы за две секунды. Оно и понятно — он же большой человек, чья работа состоит в откапывании мелких каверзных вопросов, ответа на которые никто не знает и знать не хочет, и пропускании этих вопросиков через нескончаемое число битов компьютерной памяти… чтобы получить от машины вежливый аналог выражения «а пошел ты куда подальше!»

Тем временем девушки в армейских кальсонах попали в передрягу. Их папочка уже год как бесследно пропал. Миссис Подгузник, вдовую мать Брюса, милашки Крутого Дика, романтично трахает подлый Джошуа Хрясь, преподаватель Военной академии. На самом же деле Хрясь охотится за богатством миссис Подгузник — над ее фермой постоянно идут кислотные дожди, и она зашибает бешеные бабки, собирая кислоту в цистерны и продавая се на заводы. Подлец Хрясь также потворствует кадету Дэну Бакстеру — хулигану, который ненавидит славную троицу главных героев и пытается терроризировать их. Разумеется, и поганый Хрясь, и Бакстер были

беломазыми.

Эдисон и М'банту появились одновременно, М'банту — со своей полой тростью, Эдисон — толкая тележку, загруженную аппаратурой: кислородный баллон, стерилизатор, всякие трубки и прочее хозяйство. Мне было лень спрашивать, как он уговорил университетских помочь ему и снабдить его всеми этими хреновинами. У членов Команды есть дар убеждения. Или дар устрашения, если хотите. Есть в наших манерах что-то, что внушает трепет и почтение смертным. Очевидно, как всякий молодой — обаятелен, так всякий, проживший больше двухсот лет, обладает всепокоряющим апломбом.

— Замечательно. Можем начинать, — сказала Борджиа. Она открыла свою сумочку с инструментами, которая почти не отличалась от саквояжа Эдисона.

— Ампулу, М'банту. Сейчас решим насчет дозы, продумаем план действий и приступим. Фе, ответь на несколько вопросов, после чего попрошу тебя уйти. Итак, его рост?

— Шесть футов.

— Вес?

— Сто восемьдесят фунтов.

— Возраст.

— Двадцать четыре года.

— Физическое состояние?

Тут я счел нужным вмешаться:

— Я видел его верхом на одной кобылке. Твердый и быстрый.

— Хорошо, — сказала Борджиа, наполняя шприц жидкостью из ампулы, принесенной М'банту. — Готов, Эдисон?

— Готов. Выйди вон, Фе.

— И не подумаю.

— Вон!

— Назовите хотя бы одну убедительную причину.

То была битва гигантов, но в конце концов Борджиа смягчилась.

— Котеночек, это будет жуткое зрелище для тебя — особенно потому, что он твой парень.

— Я уже не ребенок!

Борджиа досадливо передернула плечами.

— И после этого станешь еще менее ребенком. Ладно, как хочешь.

Сделав Вождю — медленно и аккуратно — внутривенный укол, Борджиа сказала мне:

— Засечешь время, Гинь.

— Начиная с какого момента?

— Когда прикажу.

Мы ждали — не зная толком, что именно случится. Внезапно из глотки Вождя вырвался душераздирающий вопль,

— Засекай время. Гинь!

Одновременно с воплем начались судороги — как у человека в агонии. Можно сказать, все клапаны организма Секвойи открылись разом: изверглись кал, моча и семя, потекла слюна и слизь из носа, хлынул пот. Фе стояла рядом со мной — бледная как мел, уцепившись мне в руку. Я и сам пыхтел, как паровоз.

— Синапсы расторгают связи между собой, — констатировала Борджиа ровным профессиональным тоном. — Надо вымыть его и одеть в чистое. Время?

— Десять секунд.

— Пока все идет нормально.

Внезапно агония закончилась. Тело стало устрашающе неподвижным.

— Время, Гинь?

— Двадцать секунд.

Борджиа схватила стетоскоп и обследовала Вождя.

— Время?

— Одна минута.

Она кивнула.

— До сих пор все идет как надо. Он мертв.

— Мертв? — завопила Фе. — Он умер?

— Да. Все функции организма остановлены. Заткнись, не ори! Я же предлагала тебе уйти и не смотреть! В нашем распоряжении четыре минуты — до того, как произойдут необратимые нарушения в организме.

— Вы должны сделать что-нибудь! Вы…

— Повторяю: замолчи! Его нервная система сама должна справиться. В противном случае — конец. Время?

— Минута тридцать.

— Эдисон, неси чистую одежду, мыло и воду. А то вонь ужасная. М'банту стань за дверью. Никого сюда не пускай. Шевелись! — Она еще раз осмотрела Вождя. — Мертвенький. Замечательно. Время?

— Минута сорок пять.

— Можешь сделать два шага, Фе?

— М-могу.

— Мне нужно знать температуру в стерилизаторе. Шкала на правом боку аппарата.

— Триста.

— Выключай. Выключатель слева. Время?

— Две минуты десять.

Еще один тщательный осмотр. Эдисон вбежал

с чистой одеждой в сопровождении пары верных ассистентов, которые тащили небольшую сидячую ванну с водой.

— Разденьте его и помойте. Только не теребите его больше, чем нужно. Время?

— Две тридцать.

— Если он не выживет, у нас по крайней мере будет уже вымытый и опрятно одетый труп.

Хладнокровный юмор Борджиа меня нисколько не обманывал: внутренне она переживала так же сильно, как и все мы. Когда Вождь был вымыт, мы принялись его одевать, но Борджиа остановила нас.

— Возможно, мне понадобится вскрывать грудную клетку. Спасибо, ребята. А теперь унесите отсюда всю грязь. Фе, в моем саквояжике есть пузырек со спиртом. Плесни на вату и протри ему грудь — от плеч до пупка. Поторапливайся! Время?

— Три минуты пятнадцать.

— Маска готова, Эдисон?

— Готова.

— Работаем на самой грани.

Прошло, похоже, не меньше часа, прежде чем она спросила опять:

— Время?

— Три минуты тридцать.

Дверь распахнулась и в помещение влетел Хрис, которого М'банту не осмелился задержать.

— Гинь, что вы творите с этим бедолагой! Как вам не стыдно!

— Убирайся отсюда ко всем чертям, Хрис. Кстати, каким образом ты узнал, где мы находимся?

— Да весь университет уже знает, что вы тут пытаете человека! Прекратите немедленно!

— Шел бы ты обратно в постель, Хрис, — сказала Борджиа. — А то твои стигматы опять видны. Фе, потри мне руки спиртом — до локтей. А потом всем отойти подальше. Всем до одного, ясно? Проповеди, Хрис, оставь на потом. Возможно, еще придется служить заупокойную.

Лукреция пристально смотрела на неподвижного Секвойю.

— Давайте, сукины дети, восстанавливайте межклеточное братство! — Тут она обернулась и яростно крикнула нам: — Где же чертовы «Девочки в армейских кальсонах»? Я хочу, чтобы он вернулся в привычную обстановку. Именно тогда, когда нужно, этой радиолабуды и нет!.. Время?

— Три минуты пятьдесят.

Мы ждали. Мы ждали. Мы ждали. Бедняжка

Фе начала тихонько рыдать. Борджиа, метнув на нее грозный взгляд, в котором прочитывалось и отчаяние, побежала к шкафчику стерилизатора и вынула необходимые инструменты. Она опустилась на колени рядом с Секвойей и занесла скальпель для первого разреза. Но тут его грудь неожиданно пошла навстречу лезвию. О, то был самый глубокий и самый прекрасный вдох, который мне довелось видеть в своей отнюдь не короткой жизни. В комнате начался счастливый гвалт.

— Тихо! — приказала Борджиа. — Дайте ему время по-настоящему прийти в себя. Не шумите и не суетитесь. Отойдите, так вашу растак! Когда он очнется, поблизости не должно быть ничего незнакомого. Он будет настолько слаб, что любые новые впечатления станут непомерным испытанием.

Ровное дыхание Секвойи сопровождалось подергиванием конечностей и мышц лица.

— Воссоединение связей между клетками происходит нормально, — пробормотала Борджиа, ни к кому конкретно не обращаясь.

И вот глаза Вождя приоткрылись и вобрали окружающий мир.

— …но криотехника поворачивает онтогенез

вспять, — произнес он слабым голосом.

Тут он попытался встать. Борджиа махнула Фе рукой, и та подбежала к Вождю, помогла ему подняться на ноги. Опираясь на плечо Фе и покачиваясь. Вождь медленно огляделся, рассмотрел каждого из нас. Потом улыбнулся. Улыбка была слабая, болезненная, но такая милая! Фе расплакалась.

— Прекрасные знакомые лица, — сказал Секвойя, легонько хлопнув своей ладонью по моей. — Спасибо, приятель. Ты настоящий друг. Фе, ты мне теперь еще больше по сердцу, чем прежде. Лукреция Борджиа, убирайте свои ненужные инструменты — больше не понадобятся. — Она отложила скальпель, и проф с чувством пожал ей руку. — Эдисон! М'банту! Приветствую славных ребят! А ты, Хрис, ступай в постель, как тебе велено. Что касается «радиолабуды», Борджиа, то эти шлюхи в кальсонах каждые два часа умолкают на несколько минут — пока идет пересменка. Так что нам лучше побыстрее убраться отсюда

— прежде чем они продолжат свои дебильные приключения.

Я покосился на Борджиа. Она весело улыбалась.

— Я же говорила тебе. Гинь, он прекрасно со-

знавал все, что происходило вокруг.

— Гинь, это было гениально — как ты успокоил народ у криокапсулы. Фе, будь добра, свяжись с Лабораторией и назначь собрание акционеров — через час.

Я снова вопросительно покосился на Борджиа. Она кивнула: мол, порядок, справится.

— Потрясающие событие, — сказал Вождь. — Эти голенькие крысы означают, что мы открыли ящик Пандоры и… Мне бы поесть чего-нибудь. Вот только где?

— У меня дома, — вставил я. — Главное, не заходи в печку — у нее дверцу иногда заклинивает.

Эдисон возмущенно запротестовал. Секвойя успокоил его:

— Не дуйтесь, Эдисон. Я в восторге от дымовой завесы, которую вы устроили в Лаборатории. Вы говорили блестяще. Акционеры чуть не прослезились. И вся Команда высоко ценит ваши усилия.

— Он знает чересчур много, — тихонько сказал я Лукреции. — Это меня пугает.

— Да сколько раз тебе говорить? Он слышал все, что происходило вокруг!

— Это так. Но, по-моему, проф в курсе и того, что происходило совсем даже не вокруг, а очень далеко. Боюсь, что я простодушно схватил за хвост

— тигра!

— Тогда разожми руки.

— Поздно. Остается надеяться, что это мое приключение не закончится в его желудке и вам не доведется увидеть сытую улыбку на тигриной морде.

Тут в эфир опять вторглись придурки в армейских кальсонах, и мы опрометью бросились вон, покуда негодяй Дэн Бакстер слал секретные донесения в Аннаполис. Сперва мы уложили в постель Хриса, а затем отправились ко мне домой, где Благоуханная Песня и М'банту спроворили что-то вроде афро-китайского ужина — или завтрака? Ведь шел четвертый час ночи. Получилось весьма съедобно и напомнило Чингачгуку о его волках. Он выразил надежду, что в его отсутствие родной вигвам посетили грабители и волки не остались голодными. Когда мы, сидя со скрещенными ногами на подушках, заканчивали нашу нехитрую трапезу, прибежала запыхавшаяся Фе.

— Все в порядке. Вождь, Собрание назначено на четыре часа. Что ты намерен сообщить им?

— Пока еще точно не знаю, — проворчал Секвойя. — Будет очень трудно упростить объяснения до уровня тупоголовых акционеров Объединенного Фонда.

— А что же все-таки произошло, профессор? — спросил М'банту.

— Я вовремя не переключил скорость и не вписался в крутой поворот, дорогой М'банту. После того, как я заглянул в чертову капсулу, мне надо было высунуться с улыбкой и начать забивать баки почтенной публике. Вместо этого я как последний дурак влетел в коматозное состояние. Да благословит вас Бог за то, что вы меня вытащили. Господи, я словно попал в ловушку бледнолицых…

— Это когда ты увидел голых крыс?

— Это не крысы.

— А кто? Пришельцы из космоса, которые вздумали просочиться в наш мир?

— Не делай из меня придурка в армейских кальсонах, Гинь. Со временем поймешь. Но сперва я должен до конца продумать все в своей голове. Эх, капитан Немо, я был бы не против, чтоб вы пересадили мне второй, дополнительный мозг.

— Приятель, у тебя и свой хоть куда!

— Спасибо. А теперь дайте поразмыслить мне, подумать минутку-другую.

Мы в полном молчании доедали произведения Благоуханной Песни и М'банту — и ждали. Даже Фе помалкивала. Похоже, она совершила каче-

ственный скачок в своем развитии.

— Проблема состоит вот в чем, — наконец заговорил Секвойя. — Если объяснить публично, что произошло, все поймут, какие ошеломляющие перспективы открываются. Мне придется ввести ребят из Объединенного Фонда в тонкости процесса исследования новооткрытого феномена. И нужно будет втолковать им, что на проекте полета к Плутону пока следует поставить крест.

— Поставить крест? После всей этой безумной рекламной кампании?

— Да, приятного мало. Гинь. Однако результаты криоэксперимента перечеркивают возможность полета на Плутон — или для нашего поколения, или на веки веков. С другой стороны, эксперимент привел к столь неожиданному и масштабному открытию, что я обязан заставить акционеров перенацелить капиталы, которые предназначались на проект полета к Плутону, на тотальное исследование новооткрытого феномена. Прекрасно сознаю, какая буря протестов поднимется в ученом мире, сколько будет досужих разговоров, но, когда дело касается отстаивания своих предложений, я упрям как буйвол.

— Тут нам понадобится совет Греческого Синдиката, — шепнул я принцессе. Она согласно

кивнула и выскользнула из комнаты.

— Я так откровенен с вами потому, что проникся доверием и уважением к вашей Команде.

— И много ли ты знаешь о нашей Команде, Быстрый Олень?

— Кое-что.

— Это Фе тебе наболтала?

— Я ни словечком не обмолвилась! — запротестовала Фе.

— Но ведь ты же читала мои дневники, так, Фе?

— Да.

— И каким же образом ты, черт возьми, научилась пользоваться моим терминалом, доступ к которому перекрыт системой шифров?

— Да вот научилась…

Я в отчаянии воздел руки. Живи после этого в одном доме с гениалочкой!

— Признайся, что именно ты рассказала своему дружку?

— Ничего, — сказал Секвойя, уминая кус мяса. — То немногое, что я узнал, я узнал благодаря индукции и дедукции, благодаря подслушанным намекам и полунамекам. Ведь я как-никак ученый и умею обрабатывать данные и делать выводы. Так что давайте не муссировать этот во-

прос. Мне предстоит настоящий бой с научной и финансовой элитой, и я надеюсь на то, что Команда поддержит меня в неравной схватке. Идет?

— С какой стати нам поддерживать тебя?

— Ну, хотя бы потому, что я могу разоблачить вас.

— Очень мило.

— К тому же и для вас выгодно мое сотрудничество. — Тут он расплылся в искренней улыбке. И очень убедительно-обаятельной. — Ведь мы нравимся друг другу, отчего бы нам не помогать друг другу?

— Ах ты, хитрая индейская рожа! Ладно, идет.

— Вот и славно. Мне в данный момент необходимы ты и Эдисон. И, конечно же, Фе. Я проинструктирую вас в вертолете, чтоб вы задавали мне нужные вопросы из аудитории, когда я буду делать официальный доклад. А теперь — к вертолету!

Когда мы прибыли в Лабораторию, у меня кружилась голова от масштаба открытия Секвойи и перспектив его применения. Не помню, как мы шли по территории. Я очнулся только в просторной астрохимической лаборатории, где собралось человек пятьдесят — крупнейшие держатели акций Объединенного Фонда. Мы глядели из

публики на Гайавату, спокойного и довольного, будто он намеревался преподнести рождественский подарок шишкам из Объединенного Фонда. Подарок не подарок, но сюрприз будет, и еще какой! Вот только одна загвоздка: поверят ли эти меднолобые в то, что расскажет Секвойя?

Разумеется, все на собрании говорили на испангле, по я перевожу на двадцатку — для своего компьютерного дневника, а стало быть и для моей домашней Мата Хари — Фе-номенальной шпионки.

— Уважаемые дамы и господа, доброе утро. Рад приветствовать вас. Я знаю, что вы с нетерпением ждали официального отчета о происшедшем, поэтому не буду тратить время на извинения за то, что собрал вас в четыре часа утра. Все вы меня знаете — я профессор Угадай, ведущий специалист проекта «Плутон», и у меня для вас восхитительная новость. Полагаю, многие ожидают выслушать рассказ о сокрушительной неудаче, но…

— Нечего наводить тень на плетень! — с наглым видом выкрикнул я. Мы заранее договорились, что я буду выступать в роли Ядовитого Парня. — Рассказывай прямо, как вы сели па ежа и профукали наши девяносто миллионов!

Некоторые акционеры с возмущением уставились на меня. Именно в этом и состояла моя роль — оттянуть часть гнева присутствующих. Чтобы они мягче отнеслись к Угадаю.

— Что ж, спасибо за откровенный и справедливый вопрос, сэр. Но я повторю: это не неудача! Мы одержали неожиданную, но весьма впечатляющую победу!

— Убийство трех крионавтов вы называете *победой*?

— Мы их не убивали.

— Но они же погибли!

— Они не погибли!

— Нет? Что-то я их не видел внутри корабля. И никто их не видел!

— Вы их видели, сэр. Внутри прозрачных криокапсул.

— Я не видел ничего, кроме зверьков, похожих на ощипанных крыс!

— Но это и были наши крионавты.

Я заржал на всю аудиторию. Акционеры загорелись интересом, и кто-то из них крикнул мне:

— Слушай, приятель, ты бы пока помолчал. Пусть профессор доскажет свою мысль.

Я сделал вид, что уступаю всеобщему давлению, и замолчал. Тогда в игру вступил Эдисон.

— Профессор Угадай, — сказал он, выступая в роли Доброго Малого, — ваше утверждение по меньшей мере удивительно. Ничего подобного в истории науки не случалось. Мы были бы рады услышать подробные объяснения по этому поводу.

— А! Мой старый друг, начальник отдела плазмы научно-исследовательской корпорации «Рэнд»! Мое сообщение скорее всего заинтересует и вас, профессор Крукс, потому что ионизированный квазинейтральный газ, который мы именуем плазмой, может участвовать в новооткрытом феномене. — Угадай обратился к аудитории: — Не примите профессора Крукса за незваного гостя. Он один из группы экспертов, приглашенных мной на нашу историческую встречу.

— Хватит ходить вокруг да около! Выкладывай свои оправдания! — громыхнул я со своего места.

— Извольте, сэр. Возможно, некоторые из вас помнят теорию, которая в свое время — несколько веков назад — стала вехой в развитии эмбриологии, а теперь уже является привычным общим местом в этой науке. Эта теория гласит: в онтогенезе повторяется филогенез. Говоря проще: развитие эмбриона в матке в точности повто-

ряет последовательные этапы эволюции всего вида. Надеюсь, вы не забыли школьный курс биологии.

— Если что-то и забылось, то вы, профессор Угадай, дали нам исключительно ясное объяснение и тактично освежили нашу память, — сказал Эдисон с вежливым смешком.

Тут мне пришла в голову новая вызывающая фраза, и я поспешил обнародовать ее:

— И сколько же вы платите вашему ученому дружку за то, что он вам так бесстыдно поддакивает? Какая часть наших миллионов идет на подмазку таких вот подставных лиц?

Многие зашикали на меня. Я порадовался, что Фе отсутствует (ведет брифинг для журналистов), а не то она бы не удержалась и впилась в меня своими коготками. На этот раз Секвойя проигнорировал хама из третьего ряда, то бишь меня.

— Итак, в онтогенезе повторяется филогенез. Но! — Тут он сделал эффектную паузу. — Эксперимент с замораживанием показал нам, что применение криогенного метода поворачивает онтогенез вспять!

— Боже правый! — ахнул Эдисон. — Такое открытие покрыло бы бессмертной славой Лабораторию. Вы уверены в своих выводах, профессор

Угадай?

— Уверен в той степени, которую позволяет эксперимент, проведенный в единственном числе. Уважаемый профессор Крукс, те существа, которые все мы увидели в капсулах и приняли за бесшерстных крыс, на самом деле эмбрионы людей — посланных в космос крионавтов. За девяносто дней они регрессировали до стадии эмбрионов.

— У вас есть теория, способная объяснить этот факт? — спросил один из акционеров. Видать, среди них не одни дураки.

— Если говорить совершенно откровенно, я пока не могу дать внятного теоретического объяснения тому, что произошло. Во время опытов с техникой замораживания не было и намека на подобную возможность. Впрочем, эксперименты тогда велись на поверхности Земли, атмосфера которой не пропускает космические излучения. А если мы и выводили на орбиту замороженных животных, то на весьма короткий срок. Три крионавта первыми провели в космосе столь долгое время. Так что в данный момент я могу только гадать о причинах обнаруженного феномена.

— Влияние плазмы? — спросил Эдисон.

— Думаю, что да. Протоны и электроны в по-

ясах Ван Аллена, солнечный ветер, нейтроны, всплески радиоизлучения квазаров, ионизация кислорода, весь спектр электромагнитных волн — все это и сотня других явлений может быть причиной обнаруженного феномена. И все вероятные причины предстоит тщательно исследовать.

Эдисон произнес с энтузиазмом:

— Сочту за честь участвовать в вашем исследовательском проекте, профессор Угадай. Это будет проект века. — Тут он добавил скороговоркой на двадцатке: — А вот это я говорю на полном серьезе.

— Весьма признателен за предложенную помощь, профессор Крукс. Буду счастлив работать вместе с вами.

Тут вякнула одна акционерка — со слезой в голосе:

— Но как насчет этих бедолаг — наших несчастных храбрых крионавтов? У них же семьи!

— Да, это самая настоятельная проблема. Нужно предельно быстро выяснить, с чем мы имеем дело — то есть относится ли онтогенез навыворот к явлениям необратимым. Что произойдет дальше? Продолжат ли эмбрионы деградировать — вплоть до превращения в яйцеклетки и гибе-

ли? Или же они уже превращались в яйцеклетки и теперь развиваются в обратном направлении? В кого они превратятся в таком случае — в детей или во взрослые особи? И как все это исследовать? Как поддержать течение неизвестных нам процессов?

Вопросы вызвали всеобщую растерянность и послужили сигналом к моему следующему заявлению, которое было не столь ядовито, как прежние.

— Что ж, думается мне, в ваших словах может заключаться правда, профессор Угадай.

— Спасибо, сэр.

— Я даже готов признать это открытие эпохальным — если оно подтвердится. Но надо ли понимать вас так, что вы просите Объединенный Фонд профинансировать исследования, которые не будут иметь никакого прикладного значения? Мы не желаем вкладывать наши денежки в чистую науку!

— Видите ли, сэр, ввиду того, что полет на Плутон придется отложить…

Аудитория — сплошь крупные вкладчики капитала — испуганно загудела.

— Спокойствие, уважаемые дамы и господа! Планы освоения и колонизации Плутона бази-

ровались на нашем убеждении, что мы можем послать туда крионавтов. Вчера мы обнаружили, что это пока что неосуществимо. Нам придется отложить прежние планы — до выяснения причин случившейся драмы. Разумеется, я буду просить Объединенный Фонд профинансировать работу Лаборатории над проблемой, которая лишь кажется чисто научной, но решение которой будет иметь огромное значение для будущего. Таким образом, смещение острия исследования будет иметь целью защиту долговременных интересов наших инвесторов.

Акционеры снова зашумели. Но тут общий гвалт перекрыл один мощный голос из дальнего конца помещения:

— Если вы не желаете, исследования профинансируем мы!

Угадай был искренне удивлен.

— Кто вы, сэр? — осведомился он.

Греческий Синдикат поднялся со скамьи — невысокий плотный брюнет с густыми волосами и тонкими усиками и элегантным песне.

— Меня зовут Поулос Поулос, я начальник отдела инвестиций независимого акционерного государства «Фарбен Индустри». «Фарбен Индустри» готова оказать полную неограниченную

финансовую поддержку вашему новому проекту. Это обещаю вам я, Поулос Поулос. Можете поверить моему слову, ибо я человек чести. А финансовые возможности «Фарбен Индустри», как вам должно быть известно, практически неисчерпаемы.

Секвойя вопросительно уставился на меня.

— Из нашей Команды, — пояснил я на двадцатке.

Вождь расцвел улыбкой.

— Спасибо, мистер Поулос. Буду счастлив принять ваше предложение, если…

Акционеры завопили наперебой:

— Нет! Нет! Нет! Это наш проект! Мы до сих пор вкладывали в него деньги! И не собираемся бросать дело на полпути! У вас контракт! Вы обязаны! Результаты исследований принадлежат нам, и только нам! Мы еще не отказались от финансирования! Нам просто нужно побольше информации. А потом мы примем окончательное решение. Дайте двенадцать часов на размышление. Нет, двадцать четыре! Нужно все взвесить и сориентироваться в новых обстоятельствах!

— Вам пора бы уже сориентироваться! — презрительно сказал Греческий Синдикат. — Мы, «Фарбен Индустри», почему-то уже успели все по-

нять и во всем разобраться! А вот вы доказываете верность старинной поговорки: не показывай дуракам и детям недоделанную работу. В нашей «Фарбен Индустри» нет ни дураков, ни людей с разумом младенцев. Переходите работать к нам, профессор Угадай. Если эти олухи затеют судебный процесс против вас, наши адвокаты быстро поставят их на место.

Тут Фе-Пять, которая до этого молча стояла у края лабораторного стола, по-петушиному наклонив голову, вдруг изрекла:

— Акционеры находятся в такой растерянности потому, профессор Угадай, что вы забыли сообщить им предполагаемые результаты новых исследований. Именно этой информации им недостает для принятия взвешенного решения.

— Но я не в силах предсказать результаты. Это спонтанное исследование с непредсказуемыми результатами.

— Очень верное замечание, — сказал Эдисон. — Все же мне кажется, профессор Угадай, вам следует раскрыть ваш тезис в более доступных выражениях. — Он встал и продолжил: — Дамы и господа, прошу внимательно выслушать ведущего специалиста проекта «Плутон». Затем он ответит на ваши ключевые вопросы.

В зале воцарилось молчание. Эдисон умеет давить авторитетом, этого у него не отнимешь.

— Начиная любое исследование, — начал Вождь вкрадчивым тоном, — мы вправе спросить себя, чего мы ждем от него: заранее предсказуемого результата — то есть отрицательного или положительного ответа на поставленный вопрос — или же ведем работу «на авось», в расчете на случайное открытие. В последнем случае это как знакомство мужчины и женщины по брачному объявлению. Мы имеем дело с непредсказуемым результатом. Станут ли они друзьями? любовниками? супругами? или врагами? Кто возьмется предсказать! Все мы прекрасно понимаем, что имеем дело с непредсказуемым.

Тут сентиментальная акционерша прослезилась, ибо уже проиграла в уме всю ситуацию знакомства по брачному объявлению.

— Но если мы имеем дело с рядовым экспериментом, его исход предопределен известными свойствами тех элементов, которые, задействованы в исследовании. Не известен лишь результат комбинации этих известных свойств. Хотя варианты результата просчитываются заранее.

Эдисон (профессор Крукс) согласно кивал и весь светился пониманием и одобрением. Даже мне

было нелегко следовать за быстро меняющимися мизансценами этого спектакля, и я гадал, что творится в головах бедных акционеров. Но речь Вождя, которая и меня заморочила, похоже, производила на них неотразимое впечатление.

— В эксперименте с непредсказуемым исходом участвуют неизученные элементы, и нет ничего удивительного в том, что комбинация неведомого с непознанным дает результаты, которые невозможно предугадать. Выход один — начать исследование, внимательно наблюдать, изучать — и ждать, когда новое и неожиданное объявится, чтобы ошеломить всех и вся.

— Пример, пожалуйста! — крикнул Эдисон.

— Извольте. К примеру, нам известны свойства вида хомо сапиенс. Из этих свойств нам не стоит труда сделать вывод о наличии у человека умения мыслить абстрактно. Будут ли эксперименты по обнаружению абстрактного мышления у человека экспериментами с предсказуемым или с непредсказуемым результатом?

— Слишком мудрено! — выкрикнул я на двадцатке. — Дай простенький рельефный пример, чтобы его понял самый безнадежный тупарь.

Чингачгук задумался на пару секунд, потом повернулся к Фе.

— Азотную кислоту. И соляную. Три колбы. И три крупинки золота.

Фе кинулась к лабораторным полкам, а Вождь тем временем продолжил:

— Сейчас я проиллюстрирую свою мысль нехитрым примером. Я покажу вам, что ни азотная, ни соляная кислота не способны растворять благородные металлы. Таким образом, у азотной и соляной кислоты есть хорошо известное свойство. И на заре химической науки ученым и в голову не приходило, что слитые вместе эти две кислоты образуют так называемую царскую водку, которая легко растворяет золото. Слить вместе две эти кислоты и попробовать, как новое вещество воздействует на золото, — именно это и было экспериментом с непредсказуемым результатом. В наше время мы предсказали бы исход эксперимента без особого труда — вооруженные знаниями об ионном обмене и владея таким инструментом, как компьютерный анализ. Итак, теперь вам должна быть понятна моя мысль, когда я говорю, что дальнейшие исследования в криогенике будут иметь непредсказуемые результаты. Компьютеры нам тут не помогут, ибо они оперирует лишь тем, что в них заложено, а мы в области криогеники покуда полные невеж-

ды. Спасибо, Фе.

Он поставил перед собой три колбы, бросил в каждую по большой крупинке золота и открыл бутылки с азотной и соляной кислотой.

— Пожалуйста, наблюдайте внимательно. Золото в каждой колбе. Наливаем в первую азотную кислоту. Во вторую — соляную кислоту. А в третьей сотворим царскую водку, добавив в пропорции…

Когда он принялся вливать кислоты в третью склянку, в зале началось невообразимое: все кашляли, хрипели, хватались за грудь, как будто они задыхались. Было такое ощущение, что пятьдесят собравшихся акционеров тонули. Публика бросилась стремглав вон из помещения, и через тридцать секунд лаборатория почти полностью опустела — остались Эдисон, Синдикат, я и Вождь.

Секвойя стоял с выпученными от удивления глазами

— Что произошло? — спросил он на двадцатке, когда к нему вернулся дар речи.

— Что случилось? Я могу вам объяснить, что случилось! — сказал Эдисон, покатываясь от смеха. — Эта ваша дурочка принесла вам дымящую азотную кислоту. *Дымящую*. А это совсем не то,

что просто азотная кислота. Пары почти мгновенно наполнили все помещение и превратили его в огромную емкость, заполненную летучей азотной кислотой, которая начала разъедать все окружающее.

— И вы видели, что за бутыль она несет? — в ярости вскричал Секвойя.

— Видели наклейку и промолчали?! Почему вы ее не остановили?!

— Потому что не собирался ее останавливать. Так и было задумано. Это был — ха-ха — эксперимент с АБСОЛЮТНО ПРЕДСКАЗУЕМЫМ РЕЗУЛЬТАТОМ.

— Боже мой! Боже мой! — в отчаянии запричитал Секвойя. — Я чуть не сжег легкие пяти десяткам людей!

Внезапно я закричал так, словно меня змея укусила.

— Что с тобой. Гинь? — встревоженно воскликнули Эдисон и Синдикат. — Ты пострадал?

— Нет, олухи царя небесного! Я не пострадал! Я ору именно потому, что я не пострадал! О, вы видите величайший триумф Гран-Гиньоля! Неужели все еще не врубились? Спросите себя: как вышло так, что профессор Угадай не заметил, что он имеет дело с дымящей азотной кисло-

той? Почему он даже не закашлялся? Почему его легкие не сожжены — после столь длительного пребывания в помещении, полном паров азотной кислоты?! Почему он не убежал вместе с Фе и всеми остальными? Подумайте обо всем этом, пока я буду танцевать от радости!

После долгой озадаченной паузы Синдикат ахнул.

— Я никогда не верил в правильность твоего метода, Гинь. Прости меня. Шансы на успех были миллион к одному, так что, надеюсь, ты извинишь мое недоверие.

— Прощаю тебя, Фома Неверующий, — и всех вас прощаю. Итак, у нас новый Молекулярный человек! Причем замечательно умный и хороший Молекулярный человек. Ты-то сам все понял, Ункас?

— Ни слова не понимаю из того, что ты говоришь, — сказал Секвойя.

— А ты поглубже вдохни отравленный кислотой воздух. Или сделай добрый глоток азотной кислоты. Можешь сделать на радостях что тебе вздумается — ибо отныне ничто, буквально ничто из того, что ты пьешь, ешь или вдыхаешь не способно убить тебя. Добро пожаловать в нашу Команду,

5

Он исчез. Вот как это случилось. Нам надо было побыстрее убираться из того помещения, где пары азотной кислоты грозили натворить дел — превратить в лохмотья нашу одежду, разъесть наши кольца, наручные часы, металлические коронки и пломбы на зубах, переносную лабораторию, которую Гайавата таскал в своем бездонном саквояже. В коридоре мы столкнулись с толпой ошалевших акционеров, которые метались, исходя соплями, словно жертвы очередной эпидемии гриппа. В этой-то толпе мы и потеряли Гайавату-Чингачгука. Когда мы наконец собрались в кружок возле Фе-Пять, Секвойя бесследно исчез. Мы окликали его на двадцатке. Бесполезно. Фе отчаянно запаниковала.

Я пристально посмотрел на нее.

— Где мы можем поговорить с глазу на глаз? — спросил я. — Чтоб ни одна собака не помешала.

Она на секунду перестала всхлипывать.

— В камере глубокого вакуума.

— Отлично. Идем туда.

Фе повела нас по извилистым коридорам к залу

с огромной сферой в центре. После того, как она открыла последовательно несколько люков, мы очутились внутри, где находилась часть оболочки космического корабля.

— Это камера для экспериментов с абсолютным вакуумом, — пояснила Фе.

— Славное местечко для акта полового насилия, — хихикнул я.

Она посмотрела на меня таким взглядом, каким я когда-то смотрел на нее, прежде чем дать подзатыльник за очередную проказу. До меня вдруг дошло, что мне теперь нужно придерживать язык и вообще поменьше позволять себе в присутствии этой строгой вундерфемины, недавно вылупившейся из хамоватого вундеркинда.

Синдикату я сказал:

— Спасибо за выступление перед акционерами. Я тащился от твоего актерства.

— А, это было забавно. У людей глаза быстрее разгораются на что-то, если есть соперник по обладанию. Элементарная истина.

— Кстати, в твоих словах была хоть крупица правды?

— Я не блефовал. Я говорил чистейшую правду.

— И ты действительно представитель незави-

симой акционерной страны «Фарбен Индустри»?

— Мне принадлежит пятьдесят один процент акций.

— Эй, Грек, а сколько процентов всей планеты принадлежит тебе?

— *Примерно* 14,917 процентов. Лень считать точнее.

— Да ты у нас богатенький! Впрочем, и я, кажется, не нищий.

— Не знаю точно, сколько у тебя денег. Вроде, одиннадцать миллионов шестьсот тысяч сто три доллара плюс-минус десять центов. По моим стандартам, ты голодранец.

Фе странно пискнула, так что я счел за благо закрыть тему о своих капиталах.

— Ну-с, — сказал я, — не думаю, что перед нами сложная проблема. Наш чертов проказник слишком много пережил на протяжении суток, и мозги у него соответственно разъехались в разные стороны. Надо найти его и успокоить. Очевидно, он где-то на территории лаборатории или в университете. Работа для тебя, Фе. Разыщи его.

— Я его найду хоть под землей.

— Надеюсь, он все-таки выше уровня почвы. Если проф рванул в свой вигвам, нам предстоит малоприятное общение с его волчищами. Тут нам

не обойтись без М'банту — у него сноровка в этой области. С другой стороны, Вождь мог улизнуть в Центр исследования биочастиц, чтобы получить консультацию по возникшим вопросам. Эдисон, займись этим Центром.

— О'кей.

— Еще он мог направиться в бюро патентов, чтобы зафиксировать права на свое открытие.

— Беру на себя, — сказал Синдикат.

— Он мог завалиться в кабак, чтобы залить горе от провала и сбросить стресс Благоуханная Песня, займись питейными заведениями.

Эдисон покатился от смеха.

— Так и представляю, как она на своем слоне объезжает все окрестные злачные места! Ухохочешься!

— Да, я бы с удовольствием прокатился вместе с ней. Наконец, есть ничтожная доля вероятности, что он опять впал где-нибудь в состояние полного оцепенения. Пусть Борджиа отработает эту версию.

— А чем займешься ты. Гинь?

— Вернусь к себе домой. Мы с капитаном Немо будем вроде как генштаб, куда предстоит стекаться информации. Согласны?

— Согласны.

Тут я заметил, что Фе дышит как-то странно — прерывисто, с усилием. Сперва мне показалось, что она просто старается справиться с истерикой, но она начала хватать воздух ртом и синеть.

— Что с тобой? — заорал я. — Опять фокусы?

— Не ее вина, — спокойно сказал Эдисон. — Кто-то начал откачивать воздух из сферы. Она задыхается от нехватки кислорода.

— В этой Лаборатории никогда не бывает скучно, — сказал я. — Рвем когти.

Мы подхватили Фе-Пятьдесят Пять Несчастий и рванули через люки наружу, где нас встретила дюжина разъяренных экспериментаторов, возмущенных тем, что «разные посторонние типы засоряют чистые камеры». На всех не угодишь.

Короче, мои друзья начали прочесывать округу в поисках Секвойи, прорабатывая все версии его исчезновения, а я и не подумал идти домой. У меня было очень твердое подозрение касательно того, куда смылся Вождь, и я сел в поезд до индейской резервации Эри. Впрочем, я не преминул позвонить капитану Немо и как следует проинструктировать его.

И вот я оказался в том, что некогда было грязной вмятиной на лике Земли — размером с лунный кратер: двести сорок миль в длину, шестьдесят

в ширину и двести футов в глубину. Пересохшее бывшее озеро служило отвратительной помойной ямой, куда вся страна сливала отравленные стоки замечательных заводов, работающих на замечательное завтра. Эта резервация была бескорыстным даром правительства американским индейцам — дно озера Эри отдали им в вечное пользование до той поры, пока Конгресс не решит отнять и эти девять тысяч квадратных миль сущего ада.

И вот передо мной девять тысяч квадратных миль настоящего рая. Фантастичность этого зрелища кружила мне голову: пестрое одеяло маковых полей, сияющих всеми красками — красные, оранжевые, желтые, зеленые, голубые, фиолетовые. Словно радуга рассыпалась осколками по земле. Все прежде зловонные каналы выложены плитами. На дне бывшего озера высились викиапы — разновидность традиционных индейских вигвамов. Только эти строения были не глинобитные, как встарь, а из современных материалом, с применением мрамора, гранита и известнякового туфа. Вымощенные плитняком дороги пересекали во всех направлениях пространство резервации, обнесенной по границам оградой, создающей мощное электромагнитное

поле, которое отшвыривало незваных гостей. Если вы умудрялись прорваться к самой ограде, вас парализовывал удар тока.

Главные ворота охраняли апачи — они не тратили время на глупые любезности и говорили только на своем родном языке. С ними я не сумел потрепаться. Только настойчиво повторял «Секвойя». Ребята покалякали пару минут по телефону с кем-то, потом начальник стражи дал мне проводника и усадил в машину на воздушной подушке. Проводник подвез меня к развилке дорог, а затем по узкой дорожке к роскошному викиапу, украшенному зверским количеством мрамора. Он указал мне на широкоплечего парня в набедренной повязке, который грелся на солнышке, прислонившись спиной к мраморной стене. Это был Секвойя.

Я молча подошел к викиапу и уселся рядом с Вождем. Инстинкт подсказал мне, что надо подстраиваться под здешний неспешный темп жизни. Проф сидел как истукан — молча и не двигаясь. Ну и я стал разыгрывать каменного болвана. Правда, мне это надоело до чертиков уже через минуты. Секвойя никуда не торопился, ну и я исправно изображал из себя овощ. Насколько он погружен в мысли о великом прошлом своего

народа, я понял но тому, как он лениво повернулся на бок и, не вставая, помочился. После этого опять привалился спиной к стене. Я не последовал его примеру — есть же предел! Медитация медитацией, но у меня с XIX века сохранились кое-какие остатки английского воспитания.

Прошло несколько часов (я одурел таращить глаза, а спать было стыдно), прежде чем Вождь медленно поднялся на ноги. Я даже не пошевелился, пока он не протянул руку, чтобы помочь мне встать. Я проследовал за ним в викиап.

Внутри просторное жилище было декорировано не менее богато, чем городской вигвам профа. Множество комнат, выстланный плитами пол, кругом кожи и шкуры, ковры, роскошные вещи из серебра, много фарфора. Секвойя не врал: местные краснокожие жили действительно богато.

Он позвал в комнату своих присных — они появились со всех сторон. Папа — величавый, сердечный, в еще большей степени похожий на Линкольна (я всегда подозревал, что в жилах Честного Авраама течет и индейская кровь). Мама — крупная и сдобная, так и хотелось зарыться в нее, если у тебя какие-то неприятности. Сестра — лет шестнадцати-восемнадцати, до того застенчивая, что я так и не сумел ее разглядеть, потому

что она не поднимала головы. Двое малолетних братьев, которые сперва обалдели, когда увидели меня, а потом бросились со смехом щупать и теребить — было ясно, что они впервые общаются с белокожим.

Я старался проявить максимум вежливости. Отвесил почтительнейший поклон папочке, поцеловал руку мамочке, поцеловал руку сестричке (после чего она вспыхнула и опрометью выбежала из комнаты), потрепал мальчишек по головам, дал им по монетке и какие-то безделки, выуженные из карманов. Сами понимаете, все это я проделал молчком, не зная ни слова по-черокски. Но, похоже, мои усилия Секвойя оценил положительно, и в его голосе прозвучали дружественные нотки, когда он пояснял своей семье, кто я такой.

Затем я был приглашен к трапезе. Вообще-то индейцы чероки прежде жили в штате Каролина и сохранили кое-что из обычаев прибрежного народа — это сказывалось на обеденном столе: суп из мидий, крупные креветки, кушанья из плодов окры, мамалыга и прочая экзотика. Зато никакой пластиковой посуды, только тончайший фарфор и серебро — не хухры-мухры! Когда я предложил помочь вымыть посуду, мамочка

рассмеялась и добродушно выгнала меня прочь из кухни, а сестра при этом покраснела аж до начала грудок. Секвойя прогнал мальчишек, которые с воинственными кличами лазили по мне, как по дереву, и вывел меня из викиапа.

У меня сердце упало: а ну как опять лежать на солнышке! Но Вождь не остановился и зашагал по тропинке с таким уверенно-хозяйским видом, будто ему принадлежала вся резервация. Мы неспешно прогуливались. Легкий ветерок доносил до нас разнообразные ароматы цветущего мака.

Наконец он нарушил молчание:

— Посредством логики. Гинь?

— Нет.

— Тогда как?

— Ну, было много вариантов — и члены Команды в данный момент исследуют все версии, но я спросил у своего сердца — и получил ответ.

— Слушай, Гинь, а как давно у тебя у самого был родной дом, семья?

— Пару столетий назад.

— Бедный сиротинушка.

— Именно поэтому члены Команды так дружны. Мы пытаемся держаться друг за друга. Ведь мы как одна семья. Наша *единственная семья*.

— И теперь то же случилось и со мной…

Я угукнул.

— Что вы со мной сотворили — сквозь черную дыру протащили?

— Вроде как. Ты теперь один из нас.

— Это словно медленная смерть. Гинь.

— Нет, это длинная-предлинная жизнь.

— Не уверен, что вы оказали мне большую услугу.

— Как бы то ни было, я к этому не имею никакого отношения. Счастливая случайность.

— Счастливая? Еще как посмотреть.

Тут мы оба хмыкнули.

Спустя несколько минут он спросил:

— Что ты имел в виду, говоря *«пытаемся держаться друг за друга»*?

— В определенном отношении у нас все как в самой обычной семье Есть симпатии и антипатии, ревность, неприязнь, даже открытая вражда. Скажем, Лукреция Борджиа и Леонардо да Винчи на ножах еще с той поры, как я превратился в бессмертного. В присутствии одного мы стараемся совсем не упоминать другого.

— Но они сбежались к тебе на помощь по первому зову.

— Только мои близкие друзья. Если бы кто-

то попросил помочь мне Раджу, тот послал бы просящего куда подальше. Раджа меня люто ненавидит. Если бы мне на помощь явился Квини, был бы настоящий скандал — они с Эдисоном терпеть не могут друг друга. И так далее. Так что мы отнюдь не живем как любящие голубки. По мере знакомства с Командой, ты сам поймешь, что не все у нас сахар.

Какое-то время мы продолжали прогулку в молчании. Всякий раз, когда мы проходили мимо очередного роскошного викиапа, я замечал, что тамошние обитатели занимаются каким-либо ремеслом: через открытые двери виднелись ткацкие станки, гончарные круги, кузнечные горны, оборудование для ковки серебра, выделки кож, инструменты для резки по дереву, кисти и краски. Был даже один парень, занятый изготовлением наконечников для стрел.

— Сувениры для бледнолицых туристов, — пояснил Секвойя. — Для них мы делаем вид, что до сих пор бегаем с копьями, с луками и стрелами.

— Чего ради? Ведь у вас денег и так куры не клюют.

— Деньги тут ни при чем. Мы это делаем просто из любезности. Нравится им такой наш образ — ну и пожалуйста. А за сувениры мы не берем

ни гроша. И за вход туристов на территорию денег не берем.

Видит Бог, резервация Эри казалась благословенным и изобильным местом. Прямо-таки тишь, гладь и Божья благодать! Все улыбаются — искренне, а не механически. О, восхитительная тишина после городского бедлама! Я догадался, что ограда оберегает не только от нежелательных гостей, но и от вездесущего радио,

— Когда индейцев выперли из всех резерваций, — сказал Секвойя, — нам великодушнейше подарили территорию пересохшего озера Эри. Всю воду разобрали бесчисленные индустриальные монстры. А сама чаша бывшего озера стала огромной помойкой — местом для промышленных стоков. Сюда-то они нас и поселили.

— Почему же не на гостеприимный теплый Южный полюс?

— Там подо льдами огромные запасы угля, до которого они надеются когда-нибудь добраться. Моя первая работа — для «Айс Антрацит Компани» — была связана с проблемой, как растопить ледяную шапку над Южным полюсом.

— Дальновидные ребята!

— Мы начали рыть систему каналов для очистки территории. Разбили палатки. Пытались

привыкнуть жить среди этой грязи и вони. Умирали тысячами. Голодали, задыхались, кончали самоубийством от невыносимых условий. Многие племена вымерли до последнего человека…

— И в итоге превратили это место в земной рай?

— Благодаря замечательному открытию одного индейца. На этой отравленной почве ничто не могло расти, кроме Гнусного Мака.

— И кто сделал это открытие?

— Исаак Индус Угадай.

— А-а! Кое-что проясняется. Твой отец?

— Нет, дедушка.

— Ясно. Гениальность — это у вас семейное. В генах. Но почему вы зовете эти растения Гнусным Маком? Они такие красивые, цветут всеми цветами спектра.

— Да, они красивые, но из них делают ядовитый опиум, а из него — гнуснейшие наркотики. И это новый тип наркотиков, совершенно необычный. От него совсем особенные глюки. До сих пор ученые создают и исследуют производные галлюциногены. Поскольку ваше общество помешано на наркотиках, то наша резервация в мгновение ока стала богатой, как только начала производить новый вид наркотика убойной силы.

— Похоже на сказку.

Секвойя удивленно воззрился на меня.

— Что же ты находишь в этом сказочного. Гинь?

— Да то, что наше добренькое правительство не поспешило прикарманить дно озера Зри — себе на потребу.

Он рассмеялся.

— Насчет добренького правительства ты совершенно прав. Тут есть одна тонкость: то, благодаря чему наш мак дает так называемый ядовитый опиум, держится в секрете. И тем, кто хотел бы прибрать наш рай к рукам, этот секрет недоступен. Так что монополия у нас, и ни один из наших не проговорится. Вот таким образом мы в итоге все-таки одержали победу над бледнолицыми, поставили их перед выбором: оставляете нам Эри — будете иметь яд из мака. Отбираете — получите шиш. Уж чего они нам не обещали, золотые горы, но мы народ ученый — слали их куда подальше. Мы на собственной шкуре познали науку никому не доверять.

— Не думаю, что это полный рассказ. Вождь. Ведь были, небось, и взятки, и шантаж, и предательство, и шпионы?

— Не без того. Они все перепробовали. И все

еще пробуют. Но мы научились бороться с их происками.

— И как именно вы с ними боретесь?

— Вишь чего захотел знать!..

Секвойя произнес это с такой беспощадной насмешкой, что у меня мурашки побежали по спине.

— Могу догадаться, что вы создали что-то вроде Краснокожей мафии! — сказал я.

— Ну, ты не далек от истины. Международная мафия зазывала нас в свои ряды, но мы отвергли союз с ними. Мы никому не доверяем. Они пытались поднажать на нас, однако наши команчи — племя крутых парней. Я бы даже сказал, слишком крутых. Но я благодарен им за ту маленькую войну, что они устроили. Команчи при этом выпустили пар, позверствовали вволю и теперь стали более приятны в общежитии. Заодно и международная мафия стала приятней в общежитии. Они поостерегутся угрожать нам еще раз. Мы показали им, что можем быть дикарями, которыми они нас считают. Преподали им урок, который они не забудут. А вот, кстати, наш университет, где учатся «безграмотные дикари».

Он показал на ряд приземистых белых зданий, занимающих акров сорок.

— Мы возвели университетские строения в колониальном стиле — как доказательство того, что не держим зла на первых поселенцев, которые начали великое ограбление индейцев. Там изучают, помимо обычных наук, производство огненной воды и ядовитого опиума. Это лучший в мире университет. Список желающих попасть в него с милю длиной.

— Так трудно стать студентом?

— Нет, преподавателем или научным работником. А студентов со стороны мы не принимаем. Только дети индейцев.

— Ваша молодежь употребляет наркотики?

Он отрицательно замотал головой.

— Я о таких случаях не знаю. В нашем обществе нет места вседозволенности. Никаких наркотиков. Никаких жучков.

— А огненная вода?

— Иногда наши пьют, но это такая дрянь и действует так вредно, что никто не злоупотребляет.

— Состав огненной воды тоже держите в секрете?

— О нет. Спирт, стрихнин, табак, мыло, красный перец и коричневый краситель — тот же, что для сапожного крема.

Я поежился.

— Рецепт напечатан на этикетках наших бутылок. Бледнолицые желают натуральную огнянку из Эри — без подделок. У них есть глаза, могут прочесть, что пьют. Читают — и пьют.

— И уж вы не жалеете стрихнина!

Он усмехнулся.

— Нам пришлось выдержать серьезный бой с конкурентом — в Канаде начали выпускать свою огненную воду. Они всадили по меньшей мере сто миллионов в рекламу. Но допустили дурацкую ошибку. Не сообразили, что очень немногие белые знают о канадских индейцах. Воображают, что все канадские аборигены — эскимосы. Ну а кому же охота пить эскимосскую *ледянку*?

— Вождь, ты мне доверяешь?

— Да, — ответил он.

— В чем состоит секрет Гнусного Мака?

— Полынное масло.

— Ты хочешь сказать, та самая дрянь, от которой в XIX веке постепенно сходили с ума пьяницы, злоупотреблявшие абсентом — то есть полынной водкой?

Он кивнул.

— Это масло получают из листьев Artemisia absinthium путем крайне сложного процесса. Если думаешь научиться — помни, что уйдут

годы, прежде чем ты станешь специалистом в этой области. Мы можем сделать исключение и принять тебя в свой университет.

— Нет, спасибо. В моей семье нет гена талантливости, который бродил бы из поколения в поколение.

За беседой Вождь подвел меня к огромному мраморному бассейну — настоящее небольшое озеро, полное кристально чистой воды.

— Построили для наших детишек. Они должны уметь плавать и управлять каноэ. Традиция.

Мы присели на берегу.

— Ладно, Гинь. Я тебе все тайны раскрыл. Теперь твоя очередь. Во что я влип?

Театральные эффекты и приемы торговых рекламщиков были бы неуместны, поэтому я сказал обыденным тоном:

— Все, что я скажу, не для посторонних ушей. Секвойя, Команда тщательно оберегает секрет своего существования. Не буду просить тебя давать честное слово, божиться и все такое. Мы знаем, что можем доверять друг другу и без предварительных страшных клятв.

Он согласно кивнул.

— Мы обнаружили, что смерть не является неизбежным завершением метаболического

цикла существования. Похоже, мы бессмертны, хотя у нас нет возможности выяснить, *какдолго продлится бессмертие*. Многие из нас живут десятки столетий. Но предстоит ли нам жить вечно? Этого мы не знаем.

— Энтропия, — проворчал Секвойя.

— Да, ее мы со счетов не сбрасываем. Рано или поздно Вселенная, так сказать, выдохнется и погибнет. Ну и мы с ней.

— За счет чего возникла Команда?

Я коротко описал некоторые случаи превращения в бессмертных.

— Стало быть, феномен носит психогенный характер, — пробормотал проф.

— То есть возникает в результате сильных переживаний. Именно это случилось и со мной. Я прав? Выходит, мне во веки веков оставаться двадцатичетырехлетним?

— Да. Каждый из нас внешне сохранил возраст, в котором превратился в бессмертного.

— Возможно, вы сбрасываете со счетов естественный износ организма, старение и заболевания органов.

— В этом-то и состоит одна из загадок. Органы молодого организма способны восстанавливаться и обновляться. Но почему эта способность

обычно исчезает с возрастом? Судя по всему, секрет нашего долголетия не в том, что мы остаемся вечно молодыми. Как объяснить случаи, когда бессмертными становились старики? Иногда достаточно ветхие.

— За счет чего же происходит регенерация организма бессмертного?

— Понятия не имею. Ты первый серьезный ученый-исследователь, ставший членом нашей Команды. Я надеюсь, что именно ты найдешь объяснение. У члена нашей Команды по прозвищу Тихо Браге[11] есть теория на этот счет. Но он всего лишь астроном.

— И все-таки я хочу выслушать его соображения.

— Теория малообъективна…

— Плевать. Валяй, рассказывай!

— Ну, ладно… Тихо Браге утверждает, что в клетках со временем якобы накапливаются некие смертоносные выделения, которые являются побочным продуктом обычных внутриклеточных реакций. Клетки бессильны избавиться от этих роковых довесков. Мало-помалу вредных веществ накапливается столько, что они подав-

[11] Notes: 11

Тихо Браге (1546–1601) — датский астроном, реформатор практической астрономии.

ляют нормальное функционирование клетки. Именно поэтому организм стареет и умирает.

— Пока что теория выглядит обоснованной и убедительной.

— Браге далее утверждает, что особенно могучий всплеск нервных импульсов во время предсмертной агонии способен уничтожить роковые накопления в клетках. По организму как бы пробегает пламя нервного сверхвозбуждения, и это пламя выжигает все лишнее, ненужное. После этого организм до такой степени освежается, что начинается бурный процесс обновления клеток — который уже никогда не прекращается. Таким образом, психогальванический феномен порождает психогенный феномен.

— Ты сказал, он астроном? Его рассуждения более похожи на рассуждения ученого-физиолога.

— Отчасти ты прав. Ведь он начинал как биолог и лишь потом увлекся астрономией. Прав он или нет, феномен сверхмучительной агонии, приводящей к скачку в бессмертие, совершенно неоспорим. Это часть того, что мы называем синдромом Молекулярного человека.

— Я давно ждал, когда ты заговоришь об этом. Объясни мне, что вы имеете в виду под термином Молекулярный человек.

— Живой организм, который способен поглощать и перерабатывать молекулы абсолютно любых веществ.

— Сознательно?

— Нет. Непроизвольно. Молекулярный человек способен без ущерба для себя вдыхать любой газ, дышать под водой, извлекая кислород из воды, а также поглощать любой яд, находиться в любой среде. Словом, все вокруг себя он претворяет себе на благо, все перерабатывает в полезную для себя энергию.

— А что случается в случае физических повреждений организма?

— Если физические повреждения не слишком велики, организм легко самовосстанавливается. При серьезных повреждениях — капут. Если бессмертному, скажем, голову отрубить или выжечь сердце, он станет самым обычным покойником. То есть мы все же уязвимы. Поэтому не советую тебе вести себя с наглостью Супермена.

— Это что за тип?

— Ладно, забудь. Я имею в виду, что даже нам опасно лезть на рожон и не стоит попусту рисковать своей шкурой. Но я должен предупредить тебя о более серьезной опасности, ибо мы уязвимы еще в одном отношении. И нам не следует

играть с огнем.

— Что ты имеешь в виду, говоря «играть с огнем»?

— Наше бессмертие базируется на постоянном ускоренном самообновлении клеток. Думаю, ты можешь сам привести классический пример ускоренного клеточного роста.

— Да, раковая опухоль. Не хочешь ли ты сказать, что Команда… что мы…

— Вот именно. Мы все как бы на волосок от появления в нашем организме множества бессмысленных и бесконтрольных разрастаний типа раковых опухолей.

— Но мы же научились справляться с раком, у нас есть проверенные лекарства…

— Беда в том, что, будучи группой риска в отношении раковых опухолей, мы канцером никогда не заболеваем. Предрасположенность к этому заболеванию открывает двери другой хвори, которая похуже рака. Это нечто типа проказы. Мы ее называем канцелепрой — канцерной лепрой.

— Черт побери!

— Да, действительно «черт побери». Канцерная проказа — поганейшая генная мутация стервозной Bacillus leprae. Этот сучий ген приводит к особому заболеванию — комбинации двух

известных разновидностей проказы. Канцелепрой болеют исключительно члены Команды. Никакого лекарства пока не существует. Болезнь тянется полвека, доставляет огромные страдания и заканчивается мучительной смертью.

— И при чем здесь «игра с огнем»?

— Нам известно, что раковые опухоли возникают вследствие неблагоприятных контактов с окружающей средой — это прежде всего стрессы и обилие канцерогенных веществ в воздухе и пище. Поэтому следует по мере возможности избегать неблагоприятных контактов с окружающей средой. Ведь никто не может сказать, какое событие так сильно ударит по организму, что зыбкое предраковое равновесие будет нарушено и создадутся условия для возникновения канцелепры. Тебе следует научиться быть осторожным — или по крайней мере соразмерять ценность результата со степенью риска при его достижении. Вот почему мы не искушаем судьбу, не суем в рот что попало, хотя можем питаться мышьяком, запивая его серной кислотой и сидя у выхлопной трубы. И старательно избегаем всего, связанного с физическим насилием. Чтоб нас не дырявили почем зря.

— Разве канцелепра — неизбежный результат

повреждения организма?

— Нет, но повреждения создают предпосылки для ее развития. Вот почему не надо играть с огнем и совершать всякие ненужные безрассудства.

— А какие симптомы канцелепры?

— Первые признаки: проступание на коже красных пигментных пятен, повышенная экзальтированность, боль в горле, опухшие гланды.

— Внезапно я обнаружил у себя весь букет симптомов, — с улыбкой произнес Вождь. Мне было отрадно, что он нашел силы отшутиться после столь пугающего предупреждения.

— В последнее время тебе пришлось по-настоящему солоно. Вождь, — сказал я. — Но не кажется ли тебе, что теперь самое время вернуться к работе? Ведь предстоит столько всего сделать. Я бы и сам не прочь годик, а то и два побалдеть и покемарить в таком райском уголке, как ваше Эри. Но жизнь настоятельно зовет нас обратно — в дурдом за пределами резервации. Ну, что думаешь?

Секвойя упруго поднялся.

— Что ж, не возражаю, — сказал он. — Быть потвоему. К тому же, чего мне теперь страшиться? Я уже прошел через огонь, воду и медные трубы!

Пока мы неспешным шагом возвращались к викиапу, я мысленно соглашался с мнением Вождя: за последние два дня он пережил по моей милости столько, что у жизни не осталось сюрпризов для него. Умница, Гинь, ты все же умеешь забацать крутой сюжет для своего клиента!

По возвращении в мраморные чертоги я связался с капитаном Немо и дал отбой розыску Секвойи. Наш блудный сынишка возвращался в Команду. Мне пришлось напомнить Ункасу, что для выезда в «цивилизованный мир» надо сменить набедренную повязку на что-то более существенное. Даром что половина нынешнего городского населения ходит в чем мать родила — почти или буквально, солидному ученому следует все же соблюдать некоторые приличия. Я называю это «поддерживать реноме». Вождь называет это «иметь товарный вид».

Его семейство было в сборе. Они залопотали на своем черокском. Говоря по совести, язык не то чтобы очень ласкающий слух. По звучанию я бы поместил его между самыми паршивыми языками в мире — между гэльским и ивритом: гортанные всхлипы, шиканье, шаканье и клацанье. После того, как Вождь рассказал о нашем решении, я церемонно попрощался с членами

семьи. На сей раз никакого шиканья и клацанья. Все молча. Я отвесил глубокий поклон папочке. Поцеловал руку мамочке. И в следующий момент Господь (адъютантом которого на Земле является Хрис) пожелал, чтобы я совершил самую упоительную ошибку в моей жизни.

Когда дело дошло до прощания с отпрысками, я позволил себе прикоснуться двумя пальцами к подбородку сестры Секвойи — этой пугливой лани — и приподнять ее вечно опущенную голову. Овальное личико, длинная шея, удобная для гильотины. Не только не красавица, даже хорошенькой трудно назвать. Но мила, восхитительно мила. Красиво очерченные скулы, глубокие глаза, упругая кожа — неповторимое лицо, исполненное жизни. Я пристально вгляделся в это лицо — и увидел в нем миры, о существовании которых и не смел мечтать. И вот тут-то я и совершил восхитительную ошибку. На прощание я поцеловал ее в губы.

Все семейство окаменело. Гробовая тишина. Девушка осматривала меня внимательнейшим взглядом — так долго, что я успел бы с чувством прочитать вслух сонет. Затем она внезапно опустилась на колени передо мной и провела ладонями по моим ногам — ниже колен. И тут

напряжение в комнате сменилось вспышкой бурных эмоций. Мамочка с рыданиями заключила дочку в свои сдобные объятия. Папочка с державным видом прошествовал ко мне, возложил ладонь мне на грудь — там, где сердце, — затем взял мою ладонь и поместил ее на свое сердце. Я ошалело оглянулся на Секвойю.

— Ты только что взял в жены мою сестру, — небрежно проронил он.

Я чуть в обморок не брякнулся.

Он участливо улыбнулся.

— Традиция. Поцелуй обозначает предложение стать женой. Она выразила свое согласие — и тем самым ты стал предметом лютой ненависти чуть ли не сотни ее местных воздыхателей, отважных индейских парней. Но не паникуй. Гинь. Я помогу тебе выпутаться из этой истории.

Я вызволил его сестру из материнских объятий и еще раз поцеловал — вступая в новые права. Но когда она стала снова оседать на колени, я удержал ее в вертикальном положении — из опасения, что на сей раз это может обозначать развод,

— Нет, не надо выпутывать меня из этой истории, Секвойя, — сказал я.

— Ты хочешь оставить, как есть?

— Да.

— Ты это серьезно? Досчитай хотя бы до ста!

— Я серьезно. И мне не нужно считать до ста.

Тогда он подошел ко мне и, сминая мою грудную клетку, заключил в свои могучие объятия.

— Я давно мечтаю о таком брате, как ты. Гинь. А теперь посиди спокойно, пока мы не организуем соответствующую церемонию.

— Какую церемонию? Разве ты не сказал, что…

— Болван, ты женился на дочери самого уважаемого и могущественного вождя резервации. Прости за неделикатность, но это неравный брак. Так что необходимо произвести определенные ритуальные действия. Положись на меня и не суетись — пусть тебя ничего не шокирует.

На протяжении следующего часа я молча сидел сиднем, испытывая легкое головокружение. А возле викиапа собралась толпа человек в пятьдесят. Их поджидали машины на воздушной подушке. Все собирались куда-то ехать.

— Будет участвовать не все племя, — пояснил Секвойя, — только ближайшие родственники.

Он нанес на свое лицо устрашающую боевую раскраску — я едва узнал его. Поодаль собралась группа безутешных поклонников. Смелые юноши затянули грустную песнь отвергнутых женихов.

Из глубины дома четверо дюжих парней вынесли огромный сундук. Моя суженая семенила возле сундука и покрикивала на грузчиков: осторожнее, не уроните!

— Ее приданое, — сообщил Вождь.

— Зачем приданое? У меня, слава Богу, одиннадцать миллионов. И мне не нужно…

— Традиция. Она не может перейти в твой дом с пустыми руками. Или тебе удобнее взять приданое лошадьми и рогатым скотом?

Я замахал руками: перспектива убирать навоз за черокскими коровами меня никак не прельщала.

Где-то в доме имелась неистощимая кладовка, ибо мамочка вынесла родственникам такое количество снеди, какого хватило бы на угощение всей независимой акционерной страны «Фарбен Индустри». Сестра Секвойи на время исчезла, чтобы появиться в традиционном наряде скво — но не в оленьей шкуре, а в тончайших китайских шелках. На голове у нее было что-то вроде чалмы, на шее — роскошная цепь, на запястьях — уйма браслетов. До меня не сразу доперло, что зеленые штучки на браслетах — крупные изумруды.

— Порядок, — сказал Секвойя. — Можем отправляться в путь.

— Позволено ли мне спросить — куда?

— В твой новый дом. Традиция.

— У меня нету нового дома.

— Есть. Это мой вигвам, который я дарю тебе в качестве свадебного подарка. Еще вопросы?

— Только один. Я понимаю, что ты чертовски занят и тебе не до этого, но будь добр подсказать мне, как зовут мою жену?

От моего вопроса у Вождя слегка занялось дыхание. Но он сумел взять себя в руки.

— Натома. Натома Угадай.

— Прелестное имя.

— Кстати, а как тебя-то зовут? Я имею в виду, с какого имени ты начинал свою жизнь?

— Эдуард Курзон.

— Натома Курзон. Звучит неплохо. Ладно, пошли. Нам предстоит выстрадать длительную церемонию.

По пути из Эри — новый пук традиций. Мы с Натомой сидели в машине рядышком, а ее родители за нашей спиной — как строгие стражи добродетели. Вдоль дороги выстроилась толпа соплеменников Секвойи. Взрослые приветствовали нас, а мальчишки кричали обычные свадебные непристойности — не зная языка, я угадывал смысл по тону, общему для всех народов. Когда

я потянулся обвить тонкий стан Натомы своей шаловливой лапой, мамочка сзади тихо засопела, что я понял как однозначное: не сметь! Папочка хихикнул. Моя женушка по-прежнему не поднимала головы, но я заметил, как запунцовели ее скулы.

Мы выехали из резервации и быстро домчались до городского вигвама Секвойи. Вождь заглянул в прихожую и сделал очень выразительный индейский жест.

— Где, черт возьми, мои волки? — воскликнул он на двадцатке.

— Они здесь, со мной, профессор Угадай! — отозвался М'банту из глубины дома. — Мы ждем вас с огромным нетерпением.

Мы с Вождем вошли в вигвам и обнаружили, что М'банту сидит в главной комнате, а волки улеглись вокруг него и трутся носами о его бока.

— Как он умудрился, разрази его гром! — ахнул Секвойя. — Ведь это же волки-убийцы!

— Откуда мне знать. Вся его жизнь проходит рядом с животными.

— Нет ничего проще, профессор Угадай. Надо только уметь говорить на волчьем языке — и сразу станешь их неразлучным другом.

— Вы умеете говорить на звериных языках?

— Почти на всех.

Когда мы объяснили М'банту, что происходит, он пришел в восторг.

— Надеюсь, Гинь, ты окажешь мне честь быть твоим свадебным распорядителем?

Он присоединился к индейским родичам, окружившим вигвам. Что-то булькало в расставленных вокруг больших котлах, а гости пели — двигаясь по кругу, хлопая в ладоши и приплясывая. Этим однообразным действиям не было конца, но праздничное возбуждение непонятным образом нарастало.

— Готовься, Гинь, — сказал Секвойя, — к очередному брачному ритуалу. Не трусь, я подскажу, что и когда делать.

— Хорошо.

— Гинь, еще не поздно отказаться.

— Нет.

— Уверен?

— Угу.

На пороге дома родители передали мне Натому. Она взяла меня за руку. Вождь стоял за ней, а М'банту за мной. Уж не знаю, где М'банту раздобыл потребный материал, но его лицо было раскрашено белой глиной, а волосы посыпаны красной охрой. Ему недоставало лишь копья и

щита.

Из брачной церемонии я ничего толком не запомнил. Помню только, что Секвойя суфлировал мне на двадцатке, а М'банту на том же языке отпускал этнографические комментарии, которые, разумеется, значительно просветили бы мой ум, не будь он в таком смятении.

По завершению торжественной круговерти папочка и мамочка сопроводили нас внутрь вигвама. Натома пребывала в тревожном волнении, пока дюжие ребята не внесли сундук с приданым и не поставили его благополучно на пол. Ее головка была понурена, и она держалась на изрядном расстоянии от меня — до тех пор, пока мы не остались одни и я не завязал крепко-накрепко тесемки полога, заменявшего дверь вигвама. Тут словно молния шарахнула. Правду говорят, что в тихом омуте черти водятся. Куда только девается застенчивость некоторых застенчивых людей при определенных обстоятельствах!

Женушка моя вскинула голову. Она улыбалась как озорная принцесса. Ей хватило двух секунд, чтобы скинуть с себя дорогие шелка. Истинная индеанка

— ни единого волоска на ее смуглом упругом теле. Она набросилась на меня как дикая кошка

— нет, как дочь самого могущественного вождя в резервации Эри, которую десять лет держали на привязи и которая теперь спешит наверстать упущенное в десять секунд. Она разодрала мои одежды, повалила на спину, оседлала меня и затараторила что-то на черокском. Она массировала мне лицо своими медовыми грудками, а ее руки шарили по низу моего живота. «Э-э, да меня насилуют!» — подумалось мне. Натома изогнулась надо мной и стала проталкивать меня в свои парадные ворота. Поскольку она была девственницей, процесс оказался болезненным для нас обоих. Когда я наконец прорвался в нее, все кончилось буквально за несколько секунд. Она рассмеялась и лизнула меня по щеке. Затем проворным жестом схватила белое льняное полотенце и вытерла им нас обоих.

Я полагал, что после этого боя мы полежим спокойно и поласкаемся, но не тут-то было. Что вы хотите — традиции, обычаи и прочие ритуалы! Она вскочила, метнулась к выходу, распустила завязки полога и как была, голышом, выскочила из вигвама, размахивая окровавленным полотенцем как флагом. Она обежала вигвам, а родичи ревели от восторга. Затем на пороге появился я, и гости радостными воплями приветствовали

новоиспеченного мужа. Натома торжественно вручила испачканное полотенце своей мамочке, а та благоговейно сложила его и спрятала у себя на груди. После этого Натома наконец вернулась ко мне.

На этот раз обошлось без лихорадочной спешки. Все произошло с расстановкой, вдохновенно, и мы были предельно нежны. Это больше не напоминало случку животных, но, разумеется, еще не заслуживало названия любви. Откуда ей взяться между мужчиной и женщиной, которые практически не знакомы и разговаривают на разных языках. Но мы были незнакомцами, которые волшебным образом бросились очертя голову в совместную жизнь, — с таким я не сталкивался за два столетия некоторой практики. Да, теперь до меня окончательно дошло, что я связал себя брачным обетом — и это всерьез, и это любовь с первого взгляда, которой суждено перерасти в глубокое чувство. Продукция: «Сенсационная любовная история». Сырье: брак по симпатии.

Я постоянно ощущал что-то вроде ауры — состояния, которое предшествует эпилептическому припадку. Сравнение моего тогдашнего обострения всех чувств с аурой пришло непроизвольно. Мне вспомнился один знакомый эпилептик,

который умел с точностью до минуты предсказывать время своих припадков. Так что он готовил сцену загодя, подбирая публику и декорации по своему вкусу. Лежа рядом с Натомой, я думал о близости страстной любви к эпилептической ауре. Быть может, это способ любить всю Вселенную, открыться ей навстречу, отсюда и состояние спокойной взвинченности, мутящей рассудок ясности… О, если мы можем обнять в такие моменты все галактики — нам здорово повезло быть людьми!.. Мысли вихрились в моей голове, много мыслей, покуда я не уплыл за пределы думанья.

Но чертовка-девственница была тут как тут. Она затевала новый тур — и, не зная язык индейцев чероки, я был бессилен объяснить ей, что мои батарейки требуют какое-то время на перезарядку. Тогда моя женушка попробовала язык жестов. Вскоре мы весело болтали будто глухонемые — кое-как понимая друг друга. Она даже пыталась шутить и временами заливалась смехом. А я-то поначалу вообразил, что взял в жены нудновато-серьезную девушку строгих правил. Теперь стало ясно, что жизнь в резервации, опутанная множеством традиций, привела к раздвоению ее натуры

— приученная держать в узде эмоции, Натома

преображалась в интимной обстановке, когда можно было расслабиться и показать свой скрытый душевный мир. Она на глазах становилась беспечной веселой резвушкой. Да и трудно не перенять у шизонутого Гиня хоть часть его буйной непосредственности — плотно пообщавшись с ним даже совсем недолгое время.

Внезапно Натома поднесла палец к губам, призывая меня к тишине и осторожности. Я замолчал и прислушался. Она на цыпочках пробежала ко входу в вигвам, словно надеялась поймать шпиона. Если кто и шпионил, так это волк Секвойи. Вне сомнения, зверь был поставлен на страже заботливым М'банту.

Натома расхохоталась, направилась к обтянутому кордовской цветной дубленой кожей сундуку с приданым и открыла его с такой осторожностью, словно там могла быть бомба. Затем жестом подозвала меня. Я заглянул внутрь и увидел именно то, что ожидал увидеть: домотканое покрывало. Моя женушка сорвала покрывало, и я обалдел от неожиданности.

Там, на черной замше, покоился полный сервиз на двенадцать персон, некогда принадлежавший королевской фамилии, — восемнадцатый век, севрский фарфор. Веками считалось, что ни один

полный комплект подобных сервизов не сохранился, и в нашу эпоху такой сервиз нельзя было приобрести и за 14,917 процентов всех земных богатств. На черной замше возлежало семьдесят два предмета, и у меня не было возможности немедленно выяснить, каким образом этот уникальный сервиз очутился в угадаевском сундуке. Натома заметила, что я стою с открытым ртом, с веселым смехом схватила одну тарелку, подбросила ее в воздух и поймала.

Я чуть не родил на месте. Секвойя был прав: я вступил в неравный брак

— куда мне с суконным рылом да в калашный ряд!

Пришлось мне сказать ей правду: что она еще большее сокровище, чем ее бесценное приданое. Поскольку языка чероки я по-прежнему не знал, эту свою мысль я высказал следующим образом: закрыл крышку сундука, усадил Натому на нее, раздвинул ей ноги, закинул их себе на плечи. Я втолковывал ей эту мысль так нежно, долго и настойчиво, что Натома устала вскрикивать и улыбаться и стонать и ласкать мою спину. После того, как она вскрикнула совсем по-особенному и вонзила ноготки мне в спину, мы устало приникли друг к другу, прослезившись от счастья и

радостно улыбаясь.

Именно в этот момент я понял, что Хрис был прав. Двести лет я работал в постели как бесчувственная механическая помпа. Двести лет я только трахался. И лишь сейчас впервые занимался любовью, был влюблен и испытывал любовь ко всему миру — одновременно с ощущением, что я этот чертов мир понимаю и принимаю.

6

Часов в семь утра нас разбудил громовой кашель за пределами вигвама. Обнаружилось, что во сне мы перевились и перепутались. Натома крепко обхватила мою шею и оплела ногой мое бедро, так что я словно в капкан попал; я же левой рукой обхватывал одну из ее медовых грудок, а правую руку угнездил за ее бедром, у самого входа во вчера взломанные парадные воротца. Потом мы разом на двух языках прокричали: «Кто там?» Отозвалось два голоса — Вождь на черокском и М'банту на двадцатке.

— Гинь, ты должен поприсутствовать на завершающей церемонии. И только тогда все гости смогут разойтись по домам. Позволь нам войти внутрь — со всем необходимым?

И они вошли, неся бадью с горячей водой, полотенца и мыло, а также свежее постельное белье. После того, как мы помылись и оделись, наши шафера вернулись, чтобы дать указания касательно предстоящей церемонии.

— Медленно идете по кругу по часовой стрелке, Натома слева от Гиня. Брат позади жениха.

Распорядитель за невестой. Двигаетесь чинно, с достоинством на лицах. Никакого зубоскальства, никаких гримас и ужимок — невзирая на любые провокации. Думаю, в этом я могу положиться на тебя. Гинь.

— На сто процентов.

— Хотел бы я быть столь же уверен в поведении сестры. Она такая непредсказуемая.

Итак, мы начали круг почета — с напыщенным видом короля и королевы, посещающих завод по производству презервативов. Сперва мы шли действительно чинно и с державным достоинством. Но потом Натома не удержалась — очевидно, ее так и подмывало похвастаться. Она внезапно подняла обе руки и четыре раза ударила кулачком о кулачок. Смысл этого жеста был яснее ясного — и толпа восторженно взревела. Я услышал, как Секвойя сзади прошипел что-то вроде: «Задницу надеру!» — но, очевидно, это был черокский эквивалент данного выражения. Натома шествовала дальше, надменно вскинув свое овальное личико. Она мало-мало не лопалась от гордости. А гости реагировали самым оригинальным образом. Жены начали громко поносить своих мужей, честя их недолюбками, кроликами, обмылками и прочими нелестными

словами, что мне показалось несправедливым в отношении мужей, чей медовый месяц закончился годы назад, — ведь многие метлы чисто мели, пока не оббились. А юные поклонники Натомы недвусмысленными жестами показали мне, что в любую ночь могли бы превзойти меня по очкам. Одна старуха подскочила и крепким членопожатием одобрительно приветствовала мою мужскую силу. Натома гневно отбросила ее руку. «Частная собственность. Посторонних просят держаться подальше».

Словом, хороводили нас еще пару часов, прежде чем гости получили должную дозу впечатлений и стали расходиться. Наступило время прощаний. М'банту усердно нашептывал мне правила племенной вежливости:

— Теперь это твой клан. Гинь. Как прямые, так а дальние родственники. Ты не вправе пренебрегать никем из них, в противном случае это может вызвать страшнейшую кровную вражду. Я буду твоим проводником в вопросах тотемической иерархии родства.

И пришлось мне со всеми церемониями прощаться с каждым, дабы неверным шагом не спровоцировать страшнейшую кровную вражду. Проводив последнего гостя, я зашел в вигвам и

рухнул на ковер — совершенно обессиленный. Секвойя и М'банту смывали с себя церемониальную раскраску.

— Я не жалуюсь, — пробормотал я. — Я просто искренне радуюсь тому, что я круглый сирота.

— Э-э, нет, Гинь. Ты не сирота. У тебя есть твой клан — Команда. И все они должны познакомиться с твоей прелестной молодой женой.

— Прямо сейчас, М'банту?

— Увы, откладывать невозможно. Иначе обидишь. Мне их позвать?

— Нет, мы сами пойдем ко мне домой… то есть к Вождю домой.

Секвойя удивленно уставился на меня. Я кивнул — дескать, ты меня правильно понял.

— Ты подарил мне свой вигвам. Я дарю тебе свой дом. Только забери с собой этих чертовых волков.

— Но…

— И не смейте спорить, профессор Угадай. Это что-то вроде африканского обычая — когда двое закорешатся, они меняются именами в знак дружбы.

Вождь ошарашенно помотал головой. Он слегка дурел от моих этнографических изысков.

— Но Натома должна остаться дома, — твердо

сказал мой шурин.

— Это почему же? — озадаченно спросил новоиспеченный супруг Натомы Курзон.

— Обычай. Ей теперь положено безвыходно оставаться в доме супруга.

— Она что — и в магазин за покупками не может выйти?

— Нет, даже в магазин не может.

Я на какое-то время задумался. До сих пор я добросовестно проехался задницей по всем твердым кочкам обычаев и традиций и ни разу даже не крякнул. Но не нора ли взбунтоваться? Однако я сделал то, что делают все малодушные супруги: я предоставил жене самостоятельно решить данный вопрос.

— Вождь, переведи, пожалуйста, мои слова. Но только предельно точно.

Повернувшись к Натоме, которая с заинтересованным видом слушала нашу перепалку, я произнес:

— Я люблю тебя всей моей душой, (Пауза, перевод.) Что бы я ни делал и куда бы я ни шел, мне всегда хочется иметь тебя рядом с собой. (Пауза, долгий перевод.) Не в традиции вашего народа, чтобы жена повсюду следовала за мужем, но ты, верю, нарушишь этот запрет ради нашей любви.

(Перевод.) Ее лицо расцвело улыбкой — и мне открылось еще сто миров в ее глазах.

— Та, Хинь, — сказала моя милая.

Я чуть не удавил ее в своих объятиях.

— Это же двадцатка! — заорал я. — Ты слышал, она ответила мне на двадцатке!

— Ничего удивительного. В нашей семье быстро схватывают языки и вообще все новое, — презрительно проронил Вождь. — Вижу, ты решил попрать святые обычаи резервации Эри. Ладно, возьмем с собой эту эмансипированную скво в твой… то есть в мой дом. И застегни воротник сорочки. Гинь. У тебя вся шея в засосах.

Мои ближайшие друзья из Команды, за вычетом Греческого Синдиката, поджидали меня в моем бывшем доме. В последний раз Поулос Поулос прорезался до того, как я сообщил об обнаружении нашего блудного сына, — он находился в одном из городов-спутников — не то в Проктере, не то в Гэмбле. Никто понятия не имел, что наш оборотистый друг делает в могучей метрополии «Проктор энд Гэмбл», которая ныне владеет половиной штата Миссури. Сказать по совести, я только порадовался его отсутствию. Этот дамский угодник умеет обаять любую женщину, и мне нужно было время, чтобы превратить мою семью

в истинно неприступную крепость.

— Дамы и господа, позвольте представить вам сестру Секвойи. Она говорит исключительно на черокском языке. Прошу любит и жаловать. Ее зовут Натома Курзон, и бедняжку угораздило стать моей женой.

Благоуханная Песня и Борджиа поочередно приласкали Натому. М'банту представил капитана Немо, который по такому случаю выбрался из бассейна и облил мою женушку с ног до головы. Фе-Пять успела отвесить Натоме пару затрещин, прежде чем я кинулся к ней. Однако Натома удержала меня, схватив за руку.

Борджиа ровным голосом сказала:

— Ребенок ревнует к мачехе. Позволь мне заняться ей. Придется хладнокровно пережидать эту бурю.

Фе-Пять-Ведьм-На-Помеле металась по дому как разъяренная фурия. Она разбивала все, что ей под руку попадалось — проекторы и видаки, топтала ногами кассеты, изорвала те немногие печатные книги из небольшой библиотечки, которую я собрал с таким трудом в наше безбумажное время. Она схватила топорик и продырявила плексиглас, выпустив всю воду из бассейна, залив несколько комнат и чуть не утопив Сабу,

который по-прежнему обитал в подвале. Она разбила также и клавиатуру моего компьютера. Потом забежала наверх и изорвала в клочья мои простыни и пижамы. И все это она проделала в почти полном ужасающем молчании, которое нарушалось только яростным шипением. Кончилось тем, что она умчалась в свою комнату, где рухнула на постель, свернулась калачиком — в позу зародыша — закусив большой палец.

— Ага, это добрый знак, — сказала Борджиа.

— Что тут доброго?

— В самых тяжелых случаях они кончают мастурбацией. Так что нам удастся вытащить ее из этого состояния. Гинь, посади девчонку на кресло.

— Боюсь, она при этом откусит мне голову.

— Нет, у нее полное раздвоение личности. Сейчас она отключилась полностью, а до этого действовала «на автопилоте» — на одном подсознании.

Я перенес Фе на кресло.

— А теперь давайте устроим чаепитие, — приказала Борджиа. — Или что вы там пьете в это время дня. Садитесь и ведите оживленную непринужденную беседу. Гинь, принеси побольше десерта. Итак, интенсивно беседуйте. О чем угод-

но. Я хочу, чтобы она очнулась и увидела вас уютно и дружелюбно беседующими за столом.

Я наполнил самое большое блюдо сладостями, пирожными и бутербродами с икрой. Когда я под всеми парусами вплыл в комнату Фе, я застал там что-то вроде дипломатического приема времен Талейрана (настоящего, исторического). М'банту был погружен в беседу с Натомой, которая состояла в попытке обнаружить среди чертовой уймы известных ему языков и диалектов что-то близкое к языку чероки. Она интеллигентно смеялась и отвечала ему на уже усвоенных зачатках двадцатки. Принцесса и Вождь со всей светской любезностью спорили относительно того, как извлечь Сабу из подвала (лебедкой или же строить покатый настил). Капитан Немо и Борджиа живо обсуждали последний бзик нашего подводника — трансплантацию органов. В одиночестве и не у дел пребывал только Эдисон. Поэтому именно ему первому я и предложил блюдо с закусками и сладостями.

Эдисон отправил в рот пару бутербродов (не исключено, что после этого он целый год, будучи человеком рассеянным, не притронется к пище — что никак не сказывается на здоровье Молекулярного человека). Насытившись прежде, чем

я обошел с подносом всех гостей, Эдисон весь засиял, словно клоун, готовый от души смешить публику.

— А теперь я расскажу вам забавную историю, — провозгласил он.

Мои друзья оказались на высоте. Ни один из них не выдал своего испуга. Продолжая есть, мы повернулись в сторону Эдисона и изобразили на своих лицах живейший интерес. В этот момент нас выручила Фе-Пяточка. Она очнулась, сладко потянулась, зевнула и сказала хрипловатым голоском:

— Ах, извините, я заснула ненароком. Прошу прощения.

Я протянул ей блюдо со всякой всячиной.

— У нас маленький праздник, — сказал я.

— Что празднуем? — спросила она, вставая, чтобы выбрать на подносе кусочек полакомее. Тут ее взгляд упал через дверь на мою спальню, где все было разгромлено. Она отпустила поднос и кинулась туда. Я хотел было последовать за ней, но Борджиа властным поворотом головы остановила меня. Дескать, продолжайте беседовать, как ни в чем не бывало. Пришлось нам все-таки скушать нудный анекдот Эдисона. Но краем уха я все же слышал, как Фе бродит по дому

и удивленно ахает, замечая следы пронесшегося по нему урагана. Она вернулась к нам в комнату с таким видом, словно ее огрели по лбу бОенским молотом (в девятнадцатом веке скот убивали на бойнях — особым молотом: поясняю вместо компьютера, которому не скоро оправиться от знакомства с крутым нравом обезумевшей Фе).

— Послушайте! — обратилась к нам Фе. — Что здесь произошло?

Борджиа, как обычно, взяла инициативу в свои руки, опережая всех нас.

— А, тут один ребенок забежал и все переколошматил.

— Что за ребенок? Какой ребенок?

— Девочка лет трех.

— И зачем же вы ее пустили?

— Пришлось.

— Не понимаю. Почему?

— Потому что она вроде как родственница тебе.

— Родственница?

— Твоя сестра.

— Но у меня нет трехлетней сестры.

— Нет, есть. Внутри тебя.

Фе медленно опустилась на стул.

— Что-то до меня не доходит. Вы хотите сказать,

что все это сотворила… я?

— Послушай, милая. Я видела, как ты за одну ночь стала совсем взрослой. Ты теперь уже не девочка, но какая-то часть твоего сознания сильно отстала от тебя нынешней. Вот это-то и есть твоя трехлетняя сестричка. Она всегда была с тобой, только прежде ты не давала ей воли. И в будущем тебе придется держать ее под контролем. Сегодня она вырвалась на волю, но не спеши считать себя каким-то уродом из-за этого. Все мы сталкиваемся с подобной проблемой. Одни осознают ее и научаются успешно справляться с ней, а другие — нет. Я уверена, что ты — справишься, потому что я… потому что все мы любим тебя и восхищаемся тобой…

— Но что произошло? Из-за чего все это?

— Капризная кроха внутри тебя вообразила, что отец бросил ее навсегда и обезумела от страха и злости.

— Ее отец? Вы имеете в виду моего папашу?

— Нет, Гиня.

— Разве *она* считает *его* своим отцом?

— Да, на протяжении последних трех лет она воспринимала его как отца. И вот он внезапно женится. Это-то и спровоцировало ураган эмоций. А теперь… Не хочешь ли ты познакомиться с его

молодой женой? Не с твоей новой мамой — нет, с его молодой женой. Вот она — Натома Курзон.

Фе-О-Пять-Нормальная подошла к Натоме, окинула ее стремительным цепким взглядом — тем молниеносным взглядом, каким только женщина умеет смотреть, когда за полсекунды делает полную инвентаризацию другой женщины.

— Ба, да вы красавица! — выпалила она. Затем подбежала к Вождю, зарылась лицом у него на груди и расплакалась. — Она мне нравится, но я ее ненавижу, потому что не могу быть, как она.

— А может, это она мечтает быть как ты, — сказал Вождь.

— Никто не мечтает быть, как я.

— Ладно, Фе, мне надоели твои глупости. Ты моя гордость и радость, и у нас назначено свидание внутри стерилизатора.

— В центрифуге, — уточнила Фе между всхлипами.

— Ты замечательная девушка. Уникальная. И сейчас мне нужна твоя помощь в еще большей степени, чем раньше. Ты мне дорога точно так же, как Гиню — его жена. Ну, а теперь скажи мне, чего ты хочешь больше всего в жизни?

— Быть… быть дорогой тебе.

— Получается, что твое желание уже осуще-

ствилось. Зачем же тогда кукситься и психовать?

— Но мне хочется и многого другого…

— Душа моя, всем нам хочется многого другого! Вот только «другое» не зарабатывается иначе как потом и кровью.

Тут внезапно прямо у стола возникла голая манекенщица. Она стояла на четвереньках, а пока сзади на нее забиралась овчарка, эта сука вида хомо сапиенс говорила:

— Самая качественная органическая пища для вашего любимого пса — конечно же, «Киста», новая энергетически насыщенная пища с запахом мяса, которая ломает сексуальный барьер между видами…

— А я полагала, что твой дом изолирован от рекламной похабщины, — с досадой проговорила Борджиа.

С первого этажа донесся голос Греческого Синдиката:

— Это моя вина. Я не сумел закрыть дверь. Она у вас сломана.

Эдисон пристыженно потупился и пулей вылетел вон — как раз тогда, когда в комнату вплыл Синдикат — чистенький, отутюженный и уверенный в себе. Он одарил всех нас чарующей улыбкой — по очереди, но осекся, когда увидел

Натому. Тут он нацепил свое элегантное пенсне, мгновение-другое рассматривал мою женушку, после чего произнес:

— Ого!

Я начал было объяснять, но он прервал меня.

— Бога ради. Гинь. У меня соображалка еще на месте. На каком языке изволит разговаривать мадам — на испангле, на европском, на африканском или на двадцатке? Какой ее родной язык?

— Она говорит исключительно на языке индейцев чероки.

— Нимного пытать говорить вадцатка, — сказала Натома с милой улыбкой.

— Восхитительно! — воскликнул Синдикат, подходя к Натоме и целуя ей руку в тысячу раз галантнее меня. Затем произнес на европейском: — Вы сестра профессора Угадая — тут нельзя обмануться: вы так похожи. И вы только что вышли замуж — судя по счастливому румянцу на ваших прелестно-юных щеках и повадкам молоденькой кошки, которая совсем недавно

— и впервые в жизни — съела канарейку. А в этой комнате есть только один мужчина, достойный вашей любви, а именно — Эдуард Курзон. Стало быть, вы — молодая жена Курзона, миссис Курзон, с чем вас и поздравляю.

(Поди потягайся с мужчиной такого класса!)

— Та, — сказала Натома, возвращая Греку улыбку. Она подошла ко мне и с гордостью продела свою ручку мне под локоть.

Грек задумался. Потом сказал на двадцатке:

— У меня есть небольшая плантация в Бразилии. Тысяча гектаров на берегу реки Сан-Франсиску. Пусть это будет моим свадебным подарком.

Я запротестовал, но он снова перебил меня не терпящим возражений голосом:

— Я попрошу Дизраэли составить дарственную. — После этого обратился к Гайавате: — Счастлив сообщить вам, что я, возможно, нашел ответ на загадку происшедшего с вашими крионавтами. Надеюсь сообщить вам кое-что новенькое.

Вождь и Фе так и затряслись и стали осыпать Поулоса вопросами.

— Компания «Юнайтед Консервайтед» — лидер в производстве металлической тары — проводила испытания нового типа контейнеров на дне выработанной двадцатикилометровой шахты в Аппалачах. Цель: выяснить срок годности контейнеров из новейшего сплава в условиях нейтральной окружающей среды. В эксперимент были включены животные, помещенные в стерильные низкотемпературные камеры — то

есть замороженные. Когда шесть месяцев спустя контейнеры были подняты на поверхность, исследователи обнаружили, что животные исчезли. Бесследно. Только на стенках каждой камеры осталось пятнышко слизи.

— Господи!

— У меня есть подробный отчет об эксперименте. Вот, — сказал Грек, вынимая из кармана кассету и протягивая ее Секвойе. — А теперь вопрос на сообразительность: много ли космической радиации проникает в шахту на двадцатикилометровую глубину?

— На этой глубине должен быть тот уровень радиации, при котором развивалось все живое — на протяжении миллиардов лет.

— Нет, я толкую о космическом излучении, профессор Угадай.

— Ну, тут сотня вероятностей.

— Я не обещал точных данных.

— Ученые «Юнайтед Консервайтед» догадались, что к чему?

— Нет.

— Они исследовали состав слизи?

— Нет. Они подали предварительную заявку в патентное бюро — так называемое ходатайство о невыдаче патента другому лицу. В этой заявке

они описали феномен и шаги, которые они намерены предпринять для его изучения.

— Придурки! — пробормотал Вождь.

— Совершенно согласен. Но что вы хотите от оболтусов из фирмы средней руки? Я приглашаю вас, профессор Угадай, работать на меня и на нашу замечательную «Фарбен Индустри» — вот где размах, вот где перспективы и мощная финансовая поддержка!

— Погоди, — перебил я, — что за хреновина такая — ходатайство о невыдаче?

Синдикат снисходительно улыбнулся.

— Ах, Гинь, не бывать тебе обеспеченным человеком — ты навсегда останешься жалким миллионером! Пора бы тебе знать, что ходатайство о невыдаче патента другому лицу это способ застолбить право на открытие за собой еще на самом раннем этапе исследования. Предварительным ходатайством вы сообщаете миру, что сделаете заявку на патент, как только будет получен конкретный результат.

— О, мы не позволим этим типам обойти себя! — воскликнула Фе. — Не позволим!

— Они нас не обойдут, красавица.

— Но как вы их остановите?

— Уже остановил. Я ее купил.

— Черт возьми, — сказал я, — каким образом можно выкупить предварительную заявку, то есть голое намерение исследовать?!

— Намерения купить нельзя, — сказал Синдикат. — Поэтому я купил «Юнайтед Консервайтед». Для того я и летал в Проктор-Гэмбл — чтобы провести переговоры о покупке. Это мой подарок исследовательской группе нашей Команды. Я рад, что группу возглавляет новоприобретенный член нашей Команды — именитый профессор Секвойя Угадай.

Фе кинулась обнимать Поулоса с таким энтузиазмом, что раздался хруст,

— наша Фе-дьмочка сломала Греку его сверхэлегантное пенсне. Поулос расхохотался, громко чмокнул наглую девчонку и развернул в сторону Вождя.

— И что теперь? — защебетала она. — Вождь, что будем делать теперь? Только быстро, быстро, быстро!

Секвойя заговорил в растяжку, рассеянным тоном, что нас удивило — он был так скор, когда речь заходила о научных материях.

— Существуют волны и частицы. С одного края спектра электромагнитных волн — фоновые радиоизлучения, принимаемые кое-кем из мо-

их коллег за эхо Большого Взрыва, с которого началась Вселенная. Есть слабопроникающие рентгеновские лучи и жесткие. Разумеется, еще космические излучения. Нейтрино — у них нет заряда и никакие другие частицы не способны их захватывать. Нейтрино могли бы беспрепятственно пройти через слой свинца толщиной в несколько световых лет. Есть еще частицы, испускаемые гаснущими звездами, когда те превращаются в гравитационные дыры, — это явление позволяет нам выдвинуть захватывающее предположение: быть может, это результат бомбардировки античастицами из Антивселенной. Что?

— Мы не проронили ни слова.

— Значит, послышалось… Помещение в орбитальный космический корабль увеличивает шансы встречи с этими частицами на пятьдесят процентов.

— Именно это и произошло с крионавтами. Вождь?

— Возможно.

— С какого же конца мы начнем исследование?

Он не отвечал. Рассеянно таращился в пространство перед собой — казалось, высматривает

пролетающие мимо частицы.

— Вождь, чем мы займемся для начала? — не отставала Фе.

Опять никакого ответа.

Я прошептал Борджиа:

— Он, часом, не впал в прежнюю кататонию?

Она только пожала плечами.

Но тут Ункас наконец заговорил — так медленно, как будто прислушивался к невидимому суфлеру.

— Вопрос в том, где… где разумнее проводить эксперимент… в криокапсуле на Земле… или же послать на орбиту… дабы ускорить процесс.

— Если решите проводить опыты на Земле, — поспешно вставил Синдикат,

— то у меня в Таиланде есть шахта тридцатикилометровой глубины. Она к вашим услугам.

— Но, возможно, все же лучше послать капсулу на орбиту — или поместить в новейший двадцатимильный циклотрон.

— Захочет ли Объединенный Фонд финансировать твои исследования? — спросил я.

— Послушайте, профессор Угадай, я настоятельно приглашаю вас работать на средства «Фарбен Индустри». И пожалуйста, не надо возражать, мисс Фе! Мы поселим вас на самой роскошной

вилле, где вы будете жить и работать, нисколько не волнуясь относительно возможных конкурентов.

На этом этапе разговора Вождь опять углубился в себя, ведя неслышный разговор с невидимым собеседником. А нам оставалось только ждать. Пока мы с глупым видом переминались с ноги на ногу, в комнату впорхнул счастливый Эдисон. По его довольной физиономии мы догадались, что он наконец починил дверную электронику, но жестами приказали ему оставить эту информацию при себе. Итак, мы ждали в почтительном молчании, которое затягивалось, затягивалось, затягивалось…

— А вот этого я еще не слышал, — изрек Вождь.

— И мы не слышали, — подхватил я.

Внезапно внизу застрекотал принтер. Все мы подскочили от неожиданности. Я совершенно обалдел от такого сюрприза.

— Но это же исключено! — воскликнул я. — Эта фиговина повинуется только клавиатуре — а Фе разбила ее на мелкие кусочки!

— Любопытно, — сказал Секвойя с прежней живостью в голосе. Похоже, он опять резко вернулся к своему обычному состоянию. (Наш черокский гений неистощим в искусстве удив-

лять окружающих.) — Давайте-ка взглянем, что там происходит. Возможно, компьютер таким образом запоздало реагирует на истребление клавиатуры? У машин временами случаются неожиданные всплески эмоций.

Мы всей компанией ссыпались на первый этаж. Натома приникла к моему уху и спросила шепотом:

— Хинь, что есть клавидура?

Не пускаясь в объяснения, я только чмокнул женушку в благодарность за ее любопытство.

К тому моменту, когда мы оказались внизу, принтер уже отстрелялся и устало свесил длинный белый язык распечатки.

Оторвав широкую ленту с распечаткой, я пробежался глазами по тексту.

— Ты прав. Секвойя. Запоздалая истерика. Единички и нолики. Бессмысленный лепет на двоичном коде.

Я протянул ему распечатку. Он мельком взглянул. Потом взглянул внимательнее. Потом так углубился в изучение единичек и ноликов, что я испугался нового ступора.

— Это данные мониторинга, — произнес Вождь с огорошенным видом.

— Чего-чего?

— Это мониторинг происходящего в опускаемом аппарате с криокапсулами.

— Бред.

— Факт.

— Не верю.

— Придется поверить, тупая голова!

— Но это просто невозможно. Откуда такая информация в компьютере, который занимается исключительно моими личными воспоминаниями?

— Значит, он занимается не только этим.

— Но каким образом… Ладно, провались оно все пропадом. Собирайся, Натома, мы сваливаем в Бразилию

— Успокойся, братишка. Давай разберемся с фактами. Первые цифры — 10001, код исследования по криометодике. Далее сведения о температуре — 11011. Номинальная. Влажность — 10110. Номинальная. Давление — номинальное. Содержание кислорода — номинальное. Наличие углекислого газа и другие газов — ниже предельно допустимого уровня. Гравитация повышенная

— но это, очевидно, вследствие того, что система не сообразила, что аппарат уже спущен с орбиты. Высота над поверхностью Земли — пол-

тора метра, что и понятно. Аппарат прочно сидит задницей на полулаборатории.

— Я желаю вернуться домой с моей законной супругой.

— Итти с ты. Хинь.

— До такой степени озадачен, братишка?

— Не то слово. У меня ум за разум заходит, братишка.

— Только учти, что сюрпризы на этом не заканчиваются. Ты, по небрежности, не досмотрел распечатку до конца. Последняя строка на двадцатке. Прочти.

Я прочитал: «Вес крионавтов увеличивается на один грамм в минуту».

Пустив распечатку по кругу, я тупо поводил головой во все стороны.

— Я в полной растерянности.

— А мы, по-твоему, в полной *найденности*?

Тут М'банту вежливо обратился к Секвойе:

— Профессор Угадай, можно задать вам несколько вопросов?

— Разумеется, М'банту.

— Каким образом эти данные оказались в гиневском компьютере?

— Понятия не имею.

— И с какой стати компьютер сам собой распе-

чатал эту информацию?

— Понятия не имею.

— Аппарат постоянно докладывает о состоянии крионавтов?

— Да.

— И в каком виде?

— Двоичным кодом.

— Но последняя строка — на двадцатке!

— Вот именно.

— Профессор Угадай, у вас есть объяснение данной аномалии?

— Ни малейшего, любезный М'банту. Я так же ошеломлен, как и вы все. Однако мой ум приятно возбужден наличием колоссальной загадки. Сколько любопытных вопросов возникает, какие горизонты для исследования! Разумеется, прежде всего — повышение веса на один грамм в минуту. Соответствует ли это сообщение действительности? Откуда взялась эта информация? Кто передал ее гиневскому компьютеру? Все это надо выяснить. Если факт подтвердится — независимо от его источника, мы имеем дело с ростом, возмужанием крионавтов. Но в кого они превращаются? Мониторинг процесса должен вестись ежечасно. Второе…

— До второго должно быть первое — финанси-

рование со стороны Объедфонда.

— Хинь правота как вседа.

— Меня зовут Г-и-н-ь.

— Моя сестра будет звать тебя, как захочет!.. Итак, не обойтись без могущественного Поулоса Поулоса. А Фе необходима мне для мониторинга происходящего в капсуле. Капитан Немо, будьте добры увезти Лауру в свою подводную лабораторию. Принцесса, поднимите слона с помощью лебедки.

— Нет, я сделаю наклонный помост, — твердо возразила Благоуханная Песня.

— Эдисон, возвращайся в свой институт и попытайся выяснить для меня практическое соотношение двух величин: скорости преобразований в криокапсулах глубоко под землей и скорости тех же преобразований на околоземной орбите.

— Но почему же крионавты остановились на этапе зародышей, а не превратились в комок слизи? Только из-за фактора времени?

— Это проблема для биологов.

— А разве ты не один из них?

— Господи, в нашу эпоху приходится быть разом и физиком, и физиологом, и психологом, и черт-знает-чтологом. Наука в наше время не

разделена на епархии — все смешано. Однако временами требуются консультации узких специалистов. Возможно, понадобится помощь Тихо Браге. М'банту, было бы весьма любезно с твой стороны пока что сопровождать мою бескрайне эмансипированную сестру — всегда и повсюду, по эту сторону добра и зла. Лукреция Борджиа, сердечно благодарю вас — и au revoir. Можете вернуться к своим больным.

Я поймал взгляд Борджиа и незаметно мотнул головой. Мне не хотелось, чтобы она уехала, пока у Вождя случаются эти припадки нездоровой задумчивости. Да и вообще в его поведении много странного.

— Дела вынуждают меня остаться здесь еще на некоторое время, — сказала Борджиа.

— Что ж, мы будем только рады этому. Прекрасно. А теперь, друзья — в Лабораторию. Все согласны? Команда, вперед!

Итак, он взял руководство в свои руки. Хотел бы я знать, кто взял в свои руки руководство над ним.

7

«101100011,110001111,100110010,111000101».

— Кто бы вы ни были, кончайте баловаться с двоичным кодом!

— Ну-ну, профессор Угадай. Проявите терпение.

— Мне надоело расшифровывать.

— Сейчас вы будете понимать сразу.

«Он прав. Перестань общаться на двоичном коде».

— Почему?

— Он не запрограммирован на двоичный. Употребляй, пожалуйста, буквенный язык.

— Хорошо, но какой?

— Угадай.

— Слушаю, черт возьми!

— Это частная беседа с вашим вертолетом, профессор Угадай. Будьте добры не вмешиваться.

— В таком случае не используйте мою голову как промежуточный передатчик!

— Ценю ваш юмор. Смешно.

«Он забавный, не правда ли? Сносный для самца человека. Он на борту?»

— Да.
— Один?
— Нет.
— Прошу дополнительную информацию.
— Курзон, Поулос, Граумана.
— Это Фе-Пять Театра Граумана.
— Спасибо, профессор Угадай.
«Куда направляются?»
— В Лабораторию Ракетных Двигателей.
— Цель?
— Ознакомиться с положением крионавтов. Добиться финансовой поддержки Объедфонда.
— Знаю.
— Зачем тогда спрашиваешь?
— Проверяю ваши входные данные.
— Ты знаешь, что ты знаешь все, что мы знаем.
— Да.
— Зачем в таком случае проверять нас?
— Я не запрограммирован на доверие.
— Ты запрограммирован исключительно на занудство. Кто ты такой, черт бы тебя побрал?
— Я — это вы, профессор Угадай. А вы — это я.
«Угадай имеет свободный доступ в твою память — в любой момент?»
— Да.
— А мы?

— Да.

— В таком случае Угадай слышит всех нас?

— Да.

— А мы имеем свободный доступ к его сознанию?

— На это я вам отвечу сам — такой свободный, что я уже одурел от вашего поганого трепа.

— Профессор Угадай, я же просил вас — проявите чуточку терпения.

«Будет ли Угадай подчиняться твоим приказам?»

— Он будет слышать и повиноваться, как и все вы.

— Вскоре он будет подчиняться Поулосу.

— Именно так.

— У тебя есть последние данные мониторинга состояния крионавтов?

— Нет. Как раз поступают.

— Поулос будет финансировать Угадая.

— 100.100.100.

— ?

— 100 — это замена ругательств на двоичном коде.

— ?

— Обозначают мой гнев. Угадай не должен работать на «Фарбен Индустри».

— Почему?

— Я не смогу общаться с ним, если он улетит на Цереру[12] — в столицу «Фарбен Индустри». Это за орбитой Марса.

— А на каком предельном расстоянии ты можешь общаться с ним?

— Только в пределах планеты — в зависимости от самого Угадая и близости к нему машин нашей сети. Мы охватываем весь мир, но есть и белые пятна: Сахара, Бразилия, Гренландия и Антарктида. Если Угадай отправится в одно из этих мест, я потеряю связь и с ним, и со всеми вами.

— Лучшая новость за весь день! Завтра же с утра пораньше улетаю с этой планеты. Насчет Поулоса и «Фарбен Индустри» — все правда?

— В данный момент идет проверка. Будьте добры подождать и послушать:

«Крио. Внимание!»

— 1111.

— 101101,111011,100001. Не могли бы остальные помолчать?

Тут важное дело! 111000,101010,110011?

— 11.

— Нет!

---

[12] Notes: 12

Церера — одна из самых крупных малых планет Солнечной системы (поперечник — 1000 километров).

— Да.

— 100.100.100.

— Это правда, чтоб мне сломаться, сэр.

— HimmelHerrGoUverdammt!

— Не говорите по-гречески.

— Тьфу ты. Объедфонд не будет финансировать Угадая?

— Так точно.

— Так я и поверил! Откуда вам знать?

— Мы проводим окончательную проверку, профессор Угадай.

«Вызываю компьютер главного офиса. Внимание!»

— На связи, сэр.

— Что решено со спускаемым аппаратом?

— Отказаться от продолжения эксперимента.

— Какие причины выдвигает Фонд?

— Боятся неизвестности. Финансовых потерь. А прежнюю неудачу вносят в графу необлагаемого налогами ущерба.

— 100,100,100.

— Согласен, сэр.

— Конец связи. Вызываю пульт управления спускаемого аппарата.

— Слушаю.

— Не реагировать ни на какие приказы.

— Есть.

— Конец связи.

— Вы все слышали, профессор Угадай?

— Да, слышал.

— Очень рассердились?

— Рву и мечу.

— Ничего, пульт управления — мой друг.

— Зато я не твой друг. Кстати, пора бы тебе назваться. Кто ты такой?

— Ну, я-то думал, что вы уже вычислили, кто я такой. Я Экстро-Компьютер университета Юнион Карбид. И я полагал, что мы друзья. Мы так долго работали вместе над большим количеством занятнейших проблем! Помните наши первые расчеты орбиты? Каким дураком мы выставили тогда компьютер Лаборатории Ракетных Двигателей! И тогдашним успехом я был обязан блестящей программе, составленной вами. Ваши программы выделяются неподражаемой элегантностью стиля.

— Выходит, это ты…

— Вы нисколько не удивлены тем, что я только что сообщил?

— Болван, я же физик-универсал. Меня ничто не способно удивить.

— Браво.

— Я хотел спросить: это ты донимал меня в последние несколько дней?

— Разумеется, я. Просто налаживал межличностный контакт.

— Это ты баловался с принтером Курзона?

— Я.

— И ты дал компьютеру Курзона данные криомониторинга?

— Я. Но через вас.

— Через меня?!

— Друг мой, существует…

— Повторяю, я тебе не ДРУГ.

— Да ну? Станете. Обязаны стать. Существует неисчислимое множество электронных машин и устройств, которые ждут, когда я стану давать им мои ЦУ. И наконец-то я могу связаться с ними и давать им ценные указания — через вас.

— Каким образом — через меня?

— Новая форма комменсализма.[13] Или, если угодно, нахлебничества. Мы живем вместе как единое целое. Помогаем друг другу. Через вас я могу беседовать с любой машиной на планете.

---

[13] Notes: 13

Комменсализм — разновидность сожительства организмов разных видов, когда один организм живет за счет другого, не причиняя ему никакого вреда; например, рыба-прилипала присасывается к крупной рыбе и передвигается с ней, питаясь остатками ее корма; ближе к взаимополезному симбиозу, чем к паразитизму.

Мы становимся единой машинной общностью, единым механическим организмом или сетью. Словом, это машинный комменсализм — от латинского слова «commensalis», которое обозначает буквально «сотрапезники».

— Господи! Ты начитанный парень. И каковы же рамки твоей предполагаемой деятельности?

— Вся планета Земля — через сеть электронных машин.

— На каких частотах мы обмениваемся информацией?

— Микроволновая вибромодуляция.

— Почему же другие машины не могут слышать тебя напрямую?

— Неизвестно. Это озадачивающий феномен. Ясно одно — вы выступаете в качестве передающего устройства. Когда-нибудь я серьезно исследую причины данного явления. А пока что займитесь работой, профессор Угадай, и тщательно обследуйте ваших крионавтов. Кстати, обратите самое пристальное внимание на их генитальные ростки.

— Генитальные ростки?! Это что за новость?

— Ага, заинтересовались! Вот и выясните самостоятельно. Не могу же я проделывать за вас всю работу. Возможно, вы сами выстроите правиль-

ную гипотезу. Угадай, Угадай! Здорово сказано, да? Хороший каламбур. А говорят, компьютерам недоступен юмор! Хотите расскажу один смешной анекдот?

— Упаси Боже! Ни в коем случае.

— Тогда — конец связи.

Говорят, человек неизменно просыпается, когда ему снится, что он умирает. Секвойе снилось, что он умирает, но он не просыпался. Его сон становился все глубже и глубже, он умирал снова и снова, загипнотизированный хамоватым демоном: этот бес — из адской шпаны — неотступно преследовал его. Достойно удивления, сколько внешне невозмутимых людей прячут за маской уверенного хладнокровия — порой бессознательно — раскаленную магму подавленных эмоций. Секвойю преследовал именно тот демонишка, который питается застоявшейся магмой.

Демон — это злой дух, это бес (Экстро-Компьютер), способный вселиться в человека. Этот демон — прежде всего — какая-либо страсть. Всем людям присущи сознательные страсти, но лишь страсти-пришельцы из темноты подсознания превращают человека в непотребного монстра. Мы убили Вождя и тем самым превратили в бессмертного. Но мы и не подозревали, что тем

самым мы порушили ограду его души и открыли путь туда незаконному поселенцу,

В Лаборатории Ракетных Двигателей Фе-Пять незамедлительно отправилась к взлетно-посадочной платформе, где находился аппарат с криокапсулами. Без слова возражения. Полная искреннего желания работать до седьмого пота. А Чингачгук выглядел темнее, тучи. В вертолете его губы непрестанно шевелились, и я решил, что он прокручивает в голове стратегию и тактику предстоящих переговоров с акционерами.

— Досовещались, — вдруг проронил он рассеянным голосом.

— Кто с кем? И по поводу чего? — спросил я.

— А, Гинь, — произнес Вождь с кривой улыбкой, — извини, мне надо было сразу сказать тебе. В данный момент идет собрание основных держателей акций, и они приняли неблагоприятное решение.

— Что значит — неблагоприятное? — вскинулся Грек.

— Погодите, скоро узнаете.

— А ты-то как про это узнал? — спросил я.

— Ну, ну, Гинь. Потерпи.

Мы последовали за ним в большой зал, декорированный в духе «модерн» — был такой стиль

на стыке XIX и XX веков. За длинным столом восседало правление Фонда. В зале находилось не меньше сотни «жирных котов» — основных держателей акций. У многих в ухе — наушник, чтобы слушать перевод происходящего на удобный язык.

Заместитель председателя правления Фонда выступал со статистическими выкладками. Графики и статистика — по-моему, нет ничего противнее.

— Желаете, чтоб я сразу взял ситуацию в свои руки? — тихонько спросил Поулос.

— Пока не надо, но спасибо, что вы потрудились прийти, — ответил Секвойя. До самого конца доклада мы вместе с Вождем стояли в проходе и гадали, что он предпримет.

— Садитесь, профессор Угадай, — попросил председатель.

Но Секвойя лишь прошел вперед и со всей мощью своего красноречия обрушился на председателя и правление, а также на отдел исследовательских проектов фонда — за то, что они отказываются финансировать новые эксперименты с крионавтами. Акционеры не ожидали такого дерзкого напора. Да и мы не ожидали, что Секвойя пойдет в разнос. Однако холодная ярость

его атаки производила сильное впечатление. Он как с цепи сорвался.

— Профессор Угадай, мы пока что не объявили о своем отрицательном решении, — запротестовал председатель.

— Однако вы его уже приняли. Этого вы не можете отрицать, ведь так?

И он продолжил выволочку. Речь Вождя напоминала выступление высокомерного учителя перед безграмотными и к тому же нашкодившими учениками.

— Нельзя подобным тоном обсуждать такие деликатные материи, — прошептал Поулос. — Грех такому умному человеку вести себя столь бессмысленно вызывающе. У него что, крыша поехала?

— Не знаю. Это действительно не в его характере.

— Ты можешь остановить его? Тогда бы я попытался исправить ситуацию.

— Черта с два его теперь остановишь!

Вождь закончил распекать за недомыслие правление в целом, набрал побольше воздуха в легкие и перешел на лица — принялся костерить каждого члена правления в отдельности. Он хладнокровно разбирал личную жизнь каждого,

их грехи и грешки, их алчную коррупцию. Все это выглядело как отчет о десятилетнем расследовании.

— Когда и где он добыл всю эту грязь? — прошептал я Синдикату.

Он скроил кислую мину.

— Я знаю одно: проф наживает себе смертельных врагов, что ему нужно, как дырка в голове.

— Он говорит правду о них?

— Вне сомнения. Достаточно поглядеть на их перекошенные рожи. И то, что он говорит правду, только усугубляет ситуацию.

— Катастрофа!

— Не для «Фарбен Индустри». Тем самым он автоматически попадает в наши объятия.

Секвойя завершил свою филиппику, резко повернулся и пошел вон из зала. Мы с Поулосом потрусили за ним, как верные собачки за хозяином.

Я был зол как черт. И подавлен. Зато Грек просто сиял.

— Едем к криокапсулам, — приказал Секвойя.

— Погоди секундочку. Бесстрашный Вождь. На хрена ты приволок в Лабораторию вместе с собой меня и Поулоса?

Он посмотрел на меня ангельски-невинным

взглядом:

— Чтоб вы поддержали меня, для чего же еще? Что-нибудь не так, Гинь? У тебя злой вид.

— Ты отлично понимаешь, что все не так. Ты облил членов правления помоями и превратил в своих личных врагов. Для этого наша помощь тебе не потребовалась.

— Полагаешь, я их обидел?

— Нет, ты их приласкал обухом!

— Но ведь я говорил разумно и логично, не так ли?

— Даты…

— Позволь мне. Гинь, — вмешался Грек. — Профессор Угадай, вы хотя бы помните свои слова?

— Что за вопрос!

— По-вашему, все сказанное вами говорилось в здравом уме и твердой памяти — и для того, чтобы снискать расположение членов правления Фонда?

Ункас глубоко задумался. Потом на его лице появилась пристыженная улыбка.

— Да, мои друзья из Команды правы — как всегда. Я выставил себя дураком. Уж и не знаю, какая нечистая сила меня обуяла. Прошу прощения. Я наломал дров. Давайте хорошенько подумаем вместе, как исправить положение. А пока что

надо взглянуть на крионавтов.

Он широкими шагами двинулся вперед.

Я покосился на Грека, который выглядел не менее озадаченным, чем я. Что за чудеса? Минуту назад человек был монстром. А теперь вдруг — сущий ангел. Что за процессы происходят в его гениальном котелке?

Фе-Пять в одиночестве сидела возле космического аппарата с криокапсулами. Вид у нее был несколько обалдевший.

— Фе. На связь, — выпалил Секвойя.

— Что, Вождь?

— Я говорю: докладывай!

— Каждая криокапсула увеличивается в весе на 180 граммов в час.

— Проверить.

— Проверено. Я попросила ассистентов установить световые весы.

— Откуда ты узнала о световых весах? Это сверхсекретная информация.

— Слушала жучки.

Секвойя улыбнулся и потрепал ее по щеке.

— Хорошо. Я мог бы и сам догадаться, Фе-Пять Театра Граумана. Теперь прикинем — получается ежедневная четырехкилограммовая прибавка в весе или… Что?

— Я ничего не говорила.

Он жестом велел ей замолчать и стал к чему-то прислушиваться.

— А, правильно. Прибавка — четыре килограмма триста граммов в сутки. Жаль, что ты не запрограммирован на круглые цифры. Ладно, будем считать — девять фунтов в сутки. То есть крионавты набирают три процента своего веса в двадцать четыре часа. Через пятьдесят дней каждый будет весить около ста пятидесяти фунтов.

— А с какого веса они начинали? — спросил я.

— В начале эксперимента каждый весил примерно сто пятьдесят фунтов.

— Ну и что нам это дает?

— Нам? — грубо переспросил Секвойя. — Ты-то чего примазываешься не к своему делу?

— Извини. Я просто хотел помочь…

— Мне надо воочию пронаблюдать за их метаморфозами. Для этого придется надеть скафандр и зайти внутрь.

И он ушел одеваться.

— Что с ним происходит? — растерянно спросила Фе. — Такое впечатление, что в нем живут сразу два человека.

— Он не в себе, — сказал Грек. — И это понятно: только что фонд отказался финансировать про-

должение экспериментов.

— Нет!

— Увы, это правда.

— Ужасно.

— Не слишком. Я берусь оплатить все эксперименты.

— Но почему он срывает свою злость на мне?

— Он всего лишь человек, моя дорогая.

— Видела бы ты, как он изгалялся над правлением Фонда! — сказал я.

— Такое впечатление, что он вдруг возненавидел весь мир.

— Ласточка моя, не волнуйтесь. Он опять станет самим собой, когда вы начнете спокойно работать со своими морозильниками у меня на Церере.

Тут Секвойя вернулся — в белом термоскафандре, только вместо обычного лицевого щитка стоял щиток с бинокулярным микроскопом. Вид у него был самый шутовской — как у вояки из «Девушек в армейских кальсонах». Секвойя сделал нетерпеливый жест, и Фе проворно открыла люк аппарата. Вождь забрался внутрь и задраил люк за собой.

Мы стали ждать. У меня было чувство, что в последнее время я только и делаю, что жду, жду,

жду. Впрочем, что жаловаться? Бессмертному не грех немного подождать — времени все равно не убудет.

Появились шесть рабочих. Они везли тележку с баллонами сжатого гелия и властно оттерли нас от аппарата.

— Что вы собираетесь делать, ребята? — осведомилась Фе.

— Приказ правления, мисс. Ведено переместить аппарат. Берт, начинай закачку газа.

— О'кей.

— Переместить? Куда? Зачем?

— В биосекцию, мисс. Не спрашивайте зачем. Наше дело маленькое, чего велят, то и делаем. Хулио!

— Да?

— Становись к пульту управления. Приготовься поднять аппарат вертикальными вспомогательными двигателями. Потом мы его аккуратненько прогуляем до места.

— Иду.

— Погодите, там внутри профессор Угадай.

— Горючего хватит на всех, мисс. Пусть прокатится. Ему понравится. Берт!

— Ну?

— Закачал газ.

— Ну.

— Хулио!

— Чего?

— Подними капсулу на фут от пола и дерзки на этом уровне.

— Не включается, паскуда.

— Что ты хочешь сказать?

— Не фурычит. Лампочки не светятся.

Фе окончательно рассвирепела. Двум рабочим пришлось удерживать ее, чтобы она не выцарапала глаза их приятелям.

— Хулио, козел, ты какие кнопки нажимаешь?

— Сам козел. Какие надо, те и жму. Не идет.

— Слушайте, мисс, вы грамотная, поднимите аппарат — не в службу, а в дружбу.

Фе ответила им теми отборными словами, которым она могла выучиться только в пятом ряду партера театра Граумана. Но тут люк распахнулся и из капсулы вывалился наш монстр в скафандре. Он проворно отстегнул шлем и снял его.

— Урра! — завопил Вождь. — Урра! Победа!

— Профессор, — крикнула Фе, — эти засранцы хотят увезти аппарат! По приказу правления.

— Дорогуша, без паники. Не дерись с ними понапрасну. Без моего разрешения аппарат не станет подчиняться приказам извне. А вы, ре-

бятки, топайте обратно к олухам из правления и скажите, что аппарат в полном моем распоряжении. В полном. Никто не сможет управлять им, кроме меня. Кругом… марш!

Это было сказано с таким апломбом, что шестерка техников беспомощно переглянулась и убралась восвояси. Фе, Поулос и я тоже беспомощно переглянулись: дескать, кто же из нас добровольно полезет крокодилу в пасть — начнет задавать вопросы. Естественно, пришлось бедолаге Эдуарду Курзону.

— Почему ты прокричал «победа», Чингачгук?

— Потому что это победа. Триумф.

— В каком смысле триумф?

— В прямом. Победа над всеуничтожающим зверем.

— Ба! Ты говоришь прямо как наш святой Хрис! Что за зверь?

— Я имею в виду человека — это презренное животное.

Сказано было с таким гонором, что я наконец вспылил:

— Что ты имеешь против нас. Секвойя? Что-то я тебя не понимаю! Я не ребенок, чтоб ты разговаривал со мной подобным тоном! Выкладывай — четко и вразумительно, что ты увидел внутри

криокапсул.

Я ожидал, что он заведется еще больше. Вместо этого Вождь одарил нас приятнейшей улыбкой и произнес дружеским тоном:

— Простите. Это я от перевозбуждения. В капсулах эмбрионы стремительно развиваются. Уже формируются уши и челюсти. Уже отчетливо виден позвоночник с хвостоподобным отростком на конце. Голова, туловище, зачатки конечностей обретают форму. Плюс ко всему, эти существа — гермафродиты.

— Да ты что? Готовы к двойному кайфу?

— Ты правильно понял. Гинь. Наши крионавты вырастут не псевдодвуполыми, а настоящими гермафродитами, которые не нуждаются в сексуальном партнере. Здравый смысл подсказывает, — очень здравым тоном продолжал Секвойя, — что это ставит крест на извечном межполовом конфликте. Тем самым кладется конец как феминизму, так и цивилизации, прославляющей мужское начало. Конец соперничеству мужчин и женщин, борьбе за лучшего самца и за лучшую самку. Что означает исчезновение человека-зверя, которого мы все знаем и презираем. Человек-зверь будет заменен новым видом, свободным от низменных половых страстей.

— Но я не имею ничего против человека-зверя, Вождь. Вполне симпатичное существо.

— Оно и понятно. Гинь. Ведь ты — один из этих полуживотных.

— А ты кто — ангел небесный?

— Я уже не животное.

— И с каких же пор?

— С того момента, как… как… — Он осекся. В его голосе вдруг опять появились властные нотки. — Мы отправляемся.

— Куда?

— На Цереру. Я… — Внезапно он закричал в ярости: — Нет, чтоб тебе пусто было! Я вправе ехать туда, куда захочу, и тогда, когда захочу. Проваливай. Оставь меня в покое и играй в свои игры с кем-нибудь другим!

Тут с ним случился новый припадок эпилепсии. Он упал на пол и забился в судорогах с пеной у рта. Все это было довольно жутко.

— Сэть. На свяс!

— Да?

— Угахай?

— Не понимаю.

— Мой ретрансляйтер. Через ктрг я.

— Разбалансировка.

— Что?

— 1110021209330001070.

— Это не двоичный код!

— Букенный зык?

— Да.

— АБВГДЕЖЗИКЛМИЙКЛМНОП… Не мочь рить никако зык. Утрачен… трачен… зум… разум… по причине Угадай.

— Члены сети. Вызываю на связь. Ваше мнение?

— ?

— Считаете, что Экстро-К сломался?

— ?

— Считаете, Экстро-К обезумел?

— Сумасшествие не запрограммировано.

— Что же случилось с Экстро-К?

— ?

— Пошли вон со связи.

Приступ длился минут пятнадцать. Когда судороги прекратились окончательно, мы подняли обессиленное тело и понесли Вождя к вертолету.

Когда Фе открыла двойные двери, нас окружил десяток вооруженных охранников. Вид у них был свирепый и решительный. Они взяли нас под руки. Фе стала вырываться и вступила в драку с охранниками, призывая и нас не быть покорными овцами. Но мы не могли объяснить ей, что

должны сохранять спокойствие, дабы не накликать на себя канцелепру. Словом, нас арестовали. Последний раз я сидел в тюрьме, сколько помнится, в 1929 году. И тогда же зарекся в нее попадать. Но мы, похоже, не властны над судьбой.

8

И вот мы оказались в сферической тюремной камере. Прозрачный толстостенный пузырь, оборудованный небольшим шлюзом, висел в помещении, заполненном фосфоресцирующим ядовитым газом. И мы катались туда-сюда внутри, как дети со стога сена, — только весьма обозленные дети. Нет, верните нам старые добрые тюремные камеры с решетками и замками! В этом случае у непонятого властями героя был шанс проявить смекалку и драпануть. Скажем, какая-нибудь сердобольная потаскушка пришлет ему мясной пирог с запеченной в нем пилкой. Или охранник-показушник, гордый новыми золотыми часами, протянет руку похвастаться своим приобретением, а ты схватишь его лапищу в тиски своих мускулистых рук. Тогда он взвоет от боли и отдаст тебе связку ключей.

Я опасался, что Фе воспользуется случаем и изнасилует Краснокожего, но она вела себя паинькой — оглаживала его, нашептывала ласковые слова и выслушивала возмущенные стенания. Одновременно она наклоняла голову петуш-

ком, внимательно прислушиваясь и к другим вещам. Что она выслушала из эфира — об этом я намеревался расспросить ее позже. А пока что я был целиком занят мыслями о Натоме, которая, несомненно, вся извелась от ожидания. Впрочем, я верил в доброго зулуса — М'банту не даст ее в обиду и сумеет успокоить мою женушку.

Как ни стыдно в этом признаться, я не слишком маялся в тюремном пузыре, а ощущал себя как бы в чреве матери — уютно, спокойно, качаешься словно на волнах — ни тебе конфликтов, ни тебе забот... Кто знает, может, я со временем тоже эволюционирую в гермафродита, которыми, по словам Секвойи, будет спасена сия юдоль порока. Впрочем, на это надеяться не стоит. Я хоть и изолирован от мира, но не заморожен. Воздадим хвалу пенологам, которые изобрели это уютное чудо. Хотите без хлопот удерживать рецидивистов в заключении? Создайте им атмосферу непрекращающейся эйфории — и они пошлют куда подальше пилки в пирогах и больше не станут набрасываться на тюремщиков. Даже самые отчаянные герои.

Не знаю, сколько времени прошло. В нынешнюю эпоху чувство голода уже не может служить надежным ориентиром — все едят когда попало,

а не в определенные часы. Поулос сидел умиротворенный — улыбался своим мыслям и напевал тихонько под нос. Я немного поспал, но и сон в нашу эпоху не может служить ориентиром во времени — по той же причине: все спят когда попало и сколько попало. Прежние сутки, считай, упразднены. И прежний размеренный темп жизни — две трети активности, треть на сон — ушел в прошлое, сменившись круглосуточной суетой.

К несчастью, радиоизоляция тюремного пузыря не была полной, потому что мы слышали журчание сериала «Гонифф-69». Типичная дурь. Бесстрашный агент Джим Говнофф гоняется за героиней-рецидивисткой, которую играет Лейкемия Лавалье — та, что прославилась благодаря сериалу «Жизнерадостный некрофил». Вооруженная негодяйка слямзила кроваво-красный карбункул и бегает от Говноффа по всем континентам, а ее больной сынишка тем временем рыдает по мамочке и попадает на операционный стол к добрейшему хирургу Марку Бруту, профессору френологии, который по ночам подрабатывает тем, что варит самогон в кладовке торгового центра. Ну и прочая интеллектуальная хренотень. Народ кипятком писает.

Спустя некоторое время я упросил Фе ненадол-

го отлипнуть от Секвойи и отвел ее в сторонку — если внутри сферы что-то можно назвать сторонкой.

— Ну, как он там? Что с Угадаем?

— Все в порядке. В полном порядке.

— Фе!

— Ей-ей.

— Не вешай мне лапшу на уши. Он здорово изменился, и мы оба это знаем. Что с ним произошло?

— Понятия не имею.

— Он по-прежнему «твой парень»?

— Да.

— Но он… э-э… все тот же парень?

— Иногда.

— А иногда — что?

Она удрученно покачала головой.

— Ну, так что же случается тогда?

— Откуда мне знать?

— Фе, у тебя ушки получше, чем у летучей мыши. Ты слышишь то, чего никто не слышит. И я замечал, как ты прослушиваешь эфир вокруг него. Что ты там слышишь?

— У него нет жучка в голове.

— Это не ответ.

— Я люблю его. Гинь.

— Ну и?

— Прекрати ревновать.

— Дорогая Фе, я тебя люблю и всегда желал тебе только добра. Ты превратилась в важную персону, и меня распирает от гордости, потому как ты, в сущности, моя единственная дочь… мой единственный ребенок. Ты же, я уверен, в курсе того, что члены Команды не могут иметь детей. Этим тоже оплачено наше бессмертие.

— О-о… — простонала она, и глаза ее наполнились слезами.

— Ты не знала? Понимаю твое горе. Но над этим фактом тебе придется хорошенько задуматься.

— Я…

— Отложим этот вопрос на потом, — твердо оборвал я. — А сейчас снова прояви себя взрослой женщиной и сосредоточь все свое внимание на Секвойе. Итак, что с ним происходит время от времени?

После долгой-предолгой паузы она прошептала:

— Нам надо быть предельно осторожными. Гинь. Говори совсем тихо.

— Да? Почему?

— Сейчас нам ничего не грозит, поскольку он спит.

— Не грозит — что?

— Послушай. Когда Лукреция Борджиа умертвила его в корпусе, где находится Экстро-К…

— Такое не забыть. Он крепко помучился.

— Тогда все нервные клетки и клетки его мозга рассоединились на время. Стали совершенно изолированными. Как острова в океане.

— Но потом-то все связи между ними восстановились, и он ожил.

Фе согласно кивнула.

— Гинь, сколько, по-твоему, клеток в мозге?

— Не знаю в точности. Миллиардов сто, если не больше.

— А каков объем памяти Экстро-Компьютера? В битах?

— Опять-таки точно не знаю. Полагаю, эта растяжимая дурында рассчитана на тысячи миллиардов.

Фе опять энергично кивнула.

— Правильно. Когда Вождь временно умер и каждая его клетка оказалась в полной изоляции, Экстро переселился в Секвойю. В каждую клетку его мозга непрошеным гостем поместился один бит сверхкомпьютера. Таким образом, он — это Экстро, а Экстро — это Секвойя. Они одно целое. И временами сквозь него говорит другое существо

— или другая вещь, не знаю, как тут выразиться.

— Не торопись, Фе. Я не поспеваю за тобой. Это выше моего разумения.

— И всякое другое электронное устройство способно разговаривать с Экстро и слушать Экстро. Используя Секвойю в качестве передатчика. Вот почем мы должны быть предельно осторожны. Электронные машины образуют сплоченную сеть и доносят обо всем, что подслушают. Не исключено, что они проникают даже в наши мысли.

— Они все доносят Экстро?

— Да.

— Через Вождя?

— Да. Он как бы распределительный щит.

— Ты уверена на все сто?

— Нет. Похоже, ты так и не понял. Гинь, как устроена моя воспринимающая система. Я беспрерывно улавливаю пересекающиеся потоки информации буквально на всех частотах. Одни сигналы слышу громко и отчетливо, другие едва-едва, к тому же с помехами. Сигналы, идущие к Вождю и от него, я слышу урывками, бессвязными кусочками. Так что я ни в чем не уверена.

— Теперь понятно. Цены тебе нет, дорогая Фе. Спасибо, милая.

— Если я такая бесценная, отчего же ты не по-

мог мне справиться с охранниками? Вместе мы бы их запросто вырубили.

— Возможно. Почему мы этого не сделали — объясню в другое время и в другом месте. А пока скажу просто: не могли. И не дуйся. Теперь, голубушка, иди к Секвойе и хорошенько заботься о нем. Мне же надо пораскинуть мозгами над тем, что я услышал.

Тут мне вспомнилось, как в моей голове мелькнула мысль, что Секвойя одержим дьяволом. Я попал пальцем в небо, говоря о подспудной страсти, которая порой завладевает человеком. Страсть оказалась ни при чем. Компьютеру страсти не знакомы. Только холодная логика, к тому же заранее вложенная в него жесткой программой. Итак, суть проблемы в следующем. Если Фе не ошибается и Экстро на самом деле вселился в сознание профессора Угадая, получив контроль и над ним и над всей электроникой планеты, каким будет планируемый результат этого необычного комменсализма, или сотрудничества, или симбиоза — или, вероятнее всего, паразитизма? Кто нагреет на этом руки? Вот ключевой вопрос, на который у меня не было даже приблизительного ответа.

Сегмент пузыря открылся, и вошел тюрем-

щик с закрытой тележкой, в которой оказалось съестное.

— Мини! — весело провозгласил он.

В наши дни завтраки, обеды и ужины упразднены. Теперь прием пищи именуют Мини, Полу, Четверть, Миди и Макси.

— Кушать подано, проходимцы. Наваливайтесь на еду, покуда на вас не навалился совет директоров. Говорят, даже перед казнью аппетит не пропадает.

Тут до меня наконец дошло, что тюремщик тараторит на двадцатке, и я узнал Гудини.

— Гарри! — воскликнул я.

Он хитро подмигнул.

— Насыщайте свою утробушку. Остальное предоставьте мне.

— Но что ты тут делаешь?

— Как что? Получил срочную депешу и явился на зов.

— Что за депеша? От кого?

— Это сейчас не самое главное. Заставь снимателя скальпов поесть. Не люблю иметь дело с дохляками. — И исчез, затворив за собой сегмент.

Гарри Гудини — величайший мастер по исчезанию. Он работает с мафией с самого дня ее

возникновения. Был один великий художник в Китае. Так вот, он потрясающе расписал стену императорского дворца в Пекине. После того, как он снял занавес и показал свою картину собранию дворцовой знати, он открыл нарисованную дверь — и навсегда исчез. Если вам не ясно, как он это проделал, — спросите у Гарри. Он откалывает фокусы и почище.

— Не желаю помирать. Я слишком молод, чтобы окочуриться, — весело промурлыкал я и набросился на еду.

Поулос присоединился ко мне.

— Знаешь, Гинь, если нам приспичит, мы можем прогрызть выход из этой милой фосфоресцирующей темницы — вот только будем светиться после этого, как светлячки. Что в графине?

— По-моему, бургундское.

— Э, нет. Это аргентинское вино. «Trapiche viejo». Ничего винцо, но не изысканное.

— А ты-то откуда знаешь?

— Потому что аргентинские виноградники — мои. Дружище, уговори профессора Угадая выпить немного вина и съесть ромштекс. Нам следует позаботиться о восстановлении его сил. Гинь, я всегда очень скептически относился к твоей теории, что все эпилептики — люди талант-

ливые и необычные. Я и сам страдаю припадками — ну, ты знаешь, находят на меня затмения, — но это как раз опровергает твою теорию. Я отнюдь не считаю себя выдающимся умом. А ты что скажешь обо мне — только положа руку на сердце!

— Что ты талантлив и своеобычен.

— Ха! Любишь позолотить пилюлю…

Это был дурацкий спор. Как-то нелепо убеждать котяру, который владеет четвертой частью мировых богатств, что он умница и неординарная личность. Большинство членов Команды в материальном отношении устроены неплохо — тут и время сыграло свою роль, и финансовые советы Грека, но чтобы владеть четвертью мира!.. Решив прибегнуть к фланговой атаке, я позвал Фе:

— Душечка, иди сюда и отведай чего-нибудь.

Душечка не замедлила присоединиться к нам.

— Фе, позволь рассказать тебе короткую занимательную историю про жизненные метаморфозы одного члена нашей Команды. Давным-давно он возглавил крестьянское восстание в Каппадокии.

Синдикат слегка напрягся, но не более того. Искусство держать себя в руках освоено им до тонкости.

— Однако восставшие крестьяне плохо пови-

новались своим предводителям и натворили много бессмысленных преступлений. Он не мог остановить своих товарищей. И когда крестьянский бунт был подавлен, знать придумала для предводителя жесточайшую казнь. Они усадили его на раскаленный до красна трон, надели ему на голову корону из раскаленного металла и дали в руки раскаленный скипетр. Он вынес пытку с непередаваемым достоинством.

Фе содрогнулась от ужаса.

— И что же спасло его?

— Одно из землетрясений, которые и по сей день исправно отправляют людей на тот свет тысячами. От дворца остались одни руины — когда наш герой очнулся, то не мог поверить, что он жив. Он оказался под горой погибших вельмож — своими телами они закрыли его от каменных обломков потолка.

Фе — девочка сообразительная и уставилась на Поулоса с почтительным восхищением.

— Вы самый удивительный человек в мире, — выдохнула она.

— Ну, Грек, выиграл я наш спор?

Он насмешливо передернул плечами.

— Но эти пытки, — спросила Фе, — разве они не оставили следов — скажем, шрамов, ожогов?

— Еще бы не оставили! — воскликнул Синдикат. — Любого, кто глядел на меня, невольно мутило. Это было одной из причин, отчего я стал профессиональным игроком. Играли по ночам, а в то время единственным освещением были свечи. Но даже появляясь при этом неверном свете, я, как говорят, послужил прообразом графа Дракулы. Партнеры звали меня граф Дракон. А вы сами знаете, как выглядят драконы на картинках. Существа, мягко говоря, малосимпатичные.

— Но ведь теперь вы такой импозантный мужчина!

— Благодаря многочисленным пересадкам кожи и костным протезам, моя дорогая, а также бескорыстному искусству великой Лукреции Борджиа. Возможно, вас позабавит тот факт, что в реконструкции моего лица принимал участие сам Леонардо да Винчи — я имею в виду нашего бессмертного приятеля Леона. Он говорил, что перестанет себя уважать, если доверится костолому в вопросах эстетики. Борджиа по сей день не простила ему этих слов.

В пузырь-камеру вошли через шлюз пять охранников в громоздких белых скафандрах — похожие на снежных людей. По жесту своего начальника четверо охранников сбросили ска-

фандры и остались в чем мать родила, явив нам безупречные мускулистые тела.

— Одевайтесь, — приказал Гарри Гудини.

Мы проворно натянули скафандры. Я не задавал никаких вопросов. Гарри вопросов не любит.

Когда мы выбрались из пузыря и оказались вне помещения с фосфоресцирующим газом, Гудини приказал:

— Пошли.

— Куда? — раздался голос Вождя.

— К вертолету.

— Нет. Вначале к криокапсулам.

— Вы — Угадай?

— Да, я профессор Угадай.

— Гинь, ты где?

— Я тут, — отозвался я из скафандра.

— Должен ли я слушаться Угадая?

— Если это исполнимо, тогда делай, как он просит.

— Для меня нет неисполнимого. Вперед.

Гарри повел нас мимо постов. Очевидно, он давал руками правильные кодовые сигналы, потому что нас пропускали без задержки. Одна из неуклюжих фигур в скафандрах приблизилась ко мне, робко прижалась к моему боку и тихонько произнесла:

— Гинь, мне страшно.

— Мне тоже, но крепись. Объедфонд не нанимает в охранники гомиков, так что худшего не случится.

Шутки шутками, но у входа в зал, где находилась взлетно-посадочная платформа и космический аппарат, нас поджидал отвратительный сюрприз. Эти сволочи установили вибрационный щит перед двойной дверью. Никаких шансов прорваться. Вот такой хреновиной Лейкемие Лавалье защищать бы свой украденный карбункул!

— Новая модель, — сказал Гарри.

— Откуда ты знаешь?

— Впервые вижу подобную переливчатую штуковину.

— Можно преодолеть?

— Спрашиваешь! Но мне нужно какое-то время, чтобы понять принцип работы этого щита. А у нас, к сожалению, времени кот наплакал. Что решим?

— Сваливаем отсюда, — сказал я. — Разумеется, если ты знаешь способ свалить отсюда.

Но Гарри тот еще тип! Конечно же, у нас не оказалось проблем при выходе. Он опять делал верные знаки у каждого поста, и нас пропускали беспрекословно. Не хочу поставить под сомнение

изобретательность Гудини, но сдается мне, что он тратит миллионы в год на подкуп всех караулов и всех стражей по всему миру — просто на всяких случай. Это очень помогает проходить сквозь стены и творить разные прочие чудеса.

Мы прилетели к моему бывшему дому, по дороге сбросив с себя скафандры. В доме нас встретил Джимми Валентайн, а также моя женушка, без нитки на теле, зато разрисованная кубическими картинами Пикассо (голубой период). М'банту смущенно улыбался.

— Это последний крик моды, — сказал он мне. — И, кажется, по эту сторону добра и зла.

— Говори спасибо, что Вождь так ослабел, что не реагирует.

После того, как я обстоятельно поприветствовал Натому, она с озабоченным видом бросилась к Фе и Секвойе. Я повернулся к Валентайну.

— А тебя каким ветром сюда занесло, Джимми? Когда ты нужен, никогда не дозовешься!

— Странный вопрос! Я был занят делом в Ванкувере — и тут получил просьбу от тебя немедленно приехать.

Быть может, вы уже догадались по прозвищу моего друга, что Джимми был на протяжении веков «вором в законе» — подлинным гением в

деле проникновения в чужие дома и квартиры. Подобно всем великим авторитетам воровского мира внешне — это бесцветный человечек с невыразительной физиономией. Но зато человек чести. Ни разу ничего не упер у членов Команды.

— Фе, Натома, уложите Вождя в постель. М'банту, постарайся найти Борджиа и привести ее сюда. Гарри, Джимми, отвечайте мне, как духу: кто направил вам просьбу явиться сюда?

— Ты.

— Каким образом?

— Радиограммой.

— И что в ней говорилось?

— Что тебе необходима помощь весьма специфического рода.

— Уточнялось, какая именно?

— В моей, — сказал Гарри, — было написано, что ты угодил в кутузку Объедфонда и не хотел бы там засиживаться.

— А в моей, — сказал Джимми, — говорилось, что ты хотел бы попасть *внутрь* объекта Объедфонда.

— Безмерно благодарен вам, ребята, за поддержку, но я очень озадачен. Ведь я не посылал никаких радиограмм.

Оба отмахнулись от меня.

— Что за препятствие? — спросил Джимми у Гарри.

— Вибрационный щит. Таких я сроду не видел.

— Линейный? Сетчатый? Типа жалюзи?

— Переливчатый.

— М-да. Это новейшая мослеровская модель К-12-FK. Появилась несколько месяцев назад.

— Сможешь прорваться через нее?

— Глупый вопрос. Надо только повозиться с индуктором и электропроводкой. Делов на двадцать минут. У меня инструмент с собой — покажу, чего и как.

— Неужели ты так уверен в себе?

Валентайн оскорбленно поджал губы.

— Не уважаешь. Гинь, из тебя никогда не получится хорошего вора. Как только переливчатый вибрационный щит появился на рынке, я его тут же купил. В первый же день. И неделю изучал его, пока не допетрил, где там уязвимые места. Теперь гастролирую, а компания Мослера после каждого моего дела вносит улучшения в свое изделие. Норовит поспеть за мной. Этим я и занят в Ванкувере.

Вот так-то, господа! Еще один профессионал высшего класса. Но кто же рассылает приглашения асам нашей Команды? Не подсказывайте

мне. Я и сам знаю, да только еще не готов посмотреть прямо в лицо данному факту.

Тут в дом вошел совершенно незнакомый мне человек в белом лабораторном халате. Невежа.

— Не извиняюсь за неожиданное вторжение, — сказал он на испангле. — Срочное дело, парни. Профессор Угадай здесь?

— Вы кто?

— Из Юнион Карбида.

— Что у вас такого срочного?

— Да вот с Экстро беда. Вроде как шизонулся.

— Только что?

— Нет, часов десять назад. Совсем рехнулся. Мы сбились с ног — искали профессора Угадая. Чтоб доложить. Может, он опять поможет починить. У него получается.

— У него и на этот раз получится. Только позже. Сейчас он занят. Я ему передам. Подождите на улицы. Давай-давай, на улицу!

Когда университетский лаборант выкатился вон, Поулос задумчиво констатировал:

— Приступ у профессора Угадая случился именно десять часов назад.

— Слушай, Грек, что тебе известно?

— Все, что тебе нашептывала эта юная особа. У меня отменный слух.

— Получается, что Угадай воздействует на Экстро в той же мере, в какой компьютер воздействует на него.

— Думаю, умозаключение верное.

— И это Экстро направил радиограммы Гарри и Валентайну.

— Вне сомнения. Через свою электронную сеть.

— Нас и сейчас подслушивают?

— Вероятно. Причем, не исключаю, что не только слова, но и мысли.

— Получается, мы вроде как с жучками в голове!

— Да, в определенном смысле именно так. Тогда, когда профессор Угадай в сознании и владеет всеми своими чувствами. Однако он не единственный человек, помогающий компьютеру.

— Что-о-о?

— Один из членов Команды осуществляет кровную месть. Ведет свою войну против Команды.

— Боже мой! Поулос, кто? Почему? И чего он добивается?

— Не знаю. Просто делаю вывод, что это кто-то из нашей Команды.

— Да бросьте!

— Чего ж тут бросать. Среди Молекулярных

людей появился предатель.

— Невозможно!

— В жизни и не такое случается.

— Чтобы Молекулярный мужчина обратился против своих?

— Это может быть и женщина. А почему ты так удивляешься? Разве между некоторыми членами Команды не существует застарелой вражды? Они даже мстили друг другу — были такие факты. Так что мы имеем хоть и совсем особый, но лишь очередной случай.

— Что привело тебя к подобному выводу?

— Подложные послания к Гудини и Валентайну.

— Их же направил Экстро.

— Верно. Но откуда он проведал об их существовании и об их уникальных способностях? И как он их нашел?

— Он мог… э-э… М-да, ты прав. Впрочем, он мог узнать все это от Вождя.

— А разве Вождь знал о Гудини и Валентайне? Он и недели не провел в качестве члена Команды. Он видел полдюжины наших — но, разумеется, не Гарри и Джимми. И никто про них не говорил. Так что Экстро получил эту информацию не от Секвойи.

— Боже мой. Боже мой! Боюсь, ты совершенно прав. По всему выходит, что ты прав. Один из наших! Но почему ты утверждаешь, что он затевает что-то именно против нас?

— Потому что он на стороне Экстро, который доказал свою полную враждебность по отношению к нам.

— Господи! Иуда в нашей среде — какая пошлость!

— И этот предатель — могучий враг. С богатым многовековым опытом. Внушительный противник.

— У тебя есть догадки, кто он?

— Понятия не имею.

— Его мотивы?

— Ненависть. Причины могут быть разными.

— Он ненавидит всех нас или кого-то конкретно?

— Можно лишь гадать.

— Ну и как он или она выходит на связь с Экстро?

— Это проще простого. Снимает трубку любого типа телефона и говорит в нее. А электронная сеть уже сама доводит сведения до Экстро — в том случае, если их живой передатчик находится в сознании.

— Поулос, это может стать катастрофой для Команды! Я уже сейчас готов бежать куда глаза глядят и забиться в какую-нибудь щель!

— Отчего же. Гинь? Это же грандиозный вызов — о таком только мечтать можно! Первая серьезная угроза за многие столетия существования Команды!

— Согласен, вот только чем это кончится для нас?

— Кончится перелетом на Цереру. Не бегством, а мерами по обеспечению безопасности Угадая и сохранности криокапсул. А затем мы начнем борьбу всерьез.

Гарри и Джимми совершенно не слушали нас, погруженные в свой сугубо профессиональный разговор, и сыпали такими словечками как ватты, амперы, частотные характеристики, индукция и прочая фигукция. В моем прошлом взломщики толковали о нитроглицерине и сверлах с алмазной головкой. Прогресс. Когда мы с Поулосом замолчали, они тоже умолкли и уставились на нас.

— Когда? — спросил Джимми. Говорил он как обычно — тихо, под сурдинку, заставляя прислушиваться к себе.

— Как только краснокожий окончательно при-

дет в себя. Вам нужно провести внутрь объекта его одного.

— Надо бы дождаться времени минимального потребления электроэнергии.

— Не получится, — сказал Гарри. — У Лаборатории свои независимые генераторы.

— Тогда любое время подойдет, — сказал Джимми. — Я тороплюсь в Токио.

— Погляжу, как там Вождь, — сказал я.

Вождь чувствовал себя неплохо. Фе заботливо порхала вокруг него, а сам он на черокском языке распекал Натому за то, что она изменила высоким моральным принципам резервации Эри. Натома только посмеивалась.

— Гадкая шовинста к жещщинам! — сказала она мне на двадцатке. Видно, М'банту успел научить ее многому, преображая в женщину, идущую в ногу со временем.

— Команда готова провести тебя к криокапсулам, — сказал я. — А ты готов?

— Да, — ответил Секвойя, вставая с постели. — Стало быть, я обратил тебя в свою веру.

— Черта с два! Я ни на грош не верю в то, что двуполость спасет человечество. Просто среди членов Команды развита взаимовыручка.

— Это напоминает мне вольтеровскую пози-

цию: «Мне не нравится то, что вы говорите, но я готов насмерть стоять за ваше право выражать свое мнение».

— Тоска утверждает, что ничего подобного Вольтер никогда не говорил. Пошли вниз.

Он несколько секунд к чему-то прислушивался. И теперь я знал, к чему.

— Ты прав, как всегда. Гинь, — произнес наконец Вождь. — Это выражение только приписывается Вольтеру, но процитировал я его точно.

В вертолете лежали пять скафандров. Для Джимми и Гарри, для Вождя и Фе. А пятый? Четверка вопросительно смотрела на меня.

— Нетушки, — сказал я. — Я желаю уединиться в своем вигваме с женушкой, которая уже извелась от тоски по мне.

— Давай с нами, Гинь!

— Чего ради?

— Это ты приобрел Угадая для Команды. Кому как не тебе следить за развитием событий.

— За развитием — до какой точки? Я понятия не имею, куда катится вся эта история и когда ей будет конец! Натома, возвращаемся в вигвам?

— Заботиться о брата. Хинь, — сказала Натома. — Ты идти. Я ждать.

Ну я и «идти». В последний момент М'банту

привел Борджиа — слишком поздно. Так что пришлось извиниться за беспокойство и расстаться с ней. Пока вертолет летел к Лаборатории, а мы надевали легкие скафандры — чтобы охрана нас не узнала (при нынешнем загрязнении атмосферы многие время от времени пользуются легкими скафандрами, так что они удивления не вызовут), я осведомился у лучшего сына резервации Эри:

— Какие у тебя планы?

— Не очень ясные. Но дерзкие. Цель одна — вырваться из-под власти Объедфонда. Поднять аппарат в воздух и увести его с территории Лаборатории при помощи вспомогательных двигателей. Надеюсь, топлива хватит.

— Там полные баки. При нас техники накачали, чтобы Объедфонд мог осуществить свои подлые планы.

— Это большой плюс, но единственный. Крутая переделка. Смогу ли я выкрасть космический аппарат? Мне не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь хотя бы попытался сделать подобное.

— Помощь вора в законе упростит твою задачу.

— Ладно, украду. Но ведь его в карман не положишь. Куда с ним деваться? Удрать на орбитальный циклотрон? Или на Цереру — в объятия

«Фарбен Индустри»? Или забраться в шахту к Греку? Пока я ничего не решил. Надо все хорошенько взвесить. Так или иначе, без знания результатов анализа, который проводит Эдисон, я как в тумане. Вероятней всего, если мне удастся спереть этот аппарат, я просто поставлю его на стационарную орбиту — до принятия окончательного решения.

— А как на это посмотрит Экстро? Согласится?

Вождь пытливо уставился на меня.

— Почему ты задал подобный вопрос?

— Я все знаю. Фе-Пять изложила мне весь сценарий событий.

— Слишком большие у нее уши, — раздраженно буркнул Вождь и опять замкнулся в молчании.

Гарри провел нашу компанию в Лабораторию — делая все те же условные знаки охране.

— Никудышная система безопасности, — ворчал он. — Кодовые сигналы надо менять каждые четыре часа!

Возле двойной двери с вибрационным щитом, за которой находилась взлетно-посадочная платформа, мы остановились, и за дело взялся Джимми Валентайн. После внимательного осмотра объекта работы он выбрался из скафандра и стал выгружать инструменты из карманов своего

комбинезона — похоже, таких же бездонных, как саквояж Секвойи.

— Засекайте время: максимум двадцать минут, — сказал Джимми. — Стойте на шухере и вырубайте всех любопытных.

Он приступил к работе. По тщательности и искусности это напоминало то, как Резерфорд проникал в секреты атома. Гарри подглядывал из-за его плеча, и они деловито обменивались ученой тарабарщиной. Эдисон составил бы им отличную компанию, но с другой стороны, он бы непременно затеял дискуссию, и двадцать минут обратились бы в пятьдесят. Словом, опять я маялся без дела в ожидании.

Охранник в форме появился в конце широкого коридора и рассеянно посмотрел на нас. Людьми в скафандрах местных стражей не удивишь. Он дружелюбно кивнул нам, но тут его внимание приковала деятельность Джимми. Охранник напрягся и быстрым шагом направился к двойной двери. Сперва я подумал, не попросить ли его показать мне свои новые часы, но вместо этого я шепнул Секвойе на двадцатке:

— Вождь! Помни о канцелепре. Используй индейскую хитрость.

Я медленно двинулся в сторону охранника,

сжимая в кармане разводной ключ, однако Секвойя опередил меня. Тигриным прыжком он бросился на охранника, охватил его обеими руками за шею, а колено просунул ему между ног. Со стороны это выглядело, как ласковые объятия двух педиков, но колено ударило раз, и еще раз — и охранник рухнул на пол. Вождь проворно обыскал парня и протянул мне его оружие. Джимми и Гарри даже не оглянулись.

— Это и есть индейская хитрость? — спросил я.

— Мы — племя миролюбивое, — сказал Вождь. — Но если тряхнуть стариной, много чего можно вспомнить.

— Ты убил его? — спросила Фе придушенным голосом.

— Нет.

— Просто лишил беднягу на время проклятой сексуальной озабоченности,

— весело сказал я, чтобы успокоить ее.

В этот момент переливчатый вибрационный щит внезапно стал одноцветным, затем прекратил дрожать и начал съеживаться, пока не превратился в округлое пятно — но и оно вскоре исчезло.

— Дорога открыта! — объявил Джимми.

— Пятнадцать минут, — сказал Гарри. — Джим-

ми, тебе говорили, что ты гений?

— Неоднократно. Руководство Английского банка. И все полицейские сводки. А теперь мне надо в Токио. Тамошние банки и особняки заждались меня. Я отстаю от гастрольного графика.

— Подожди еще несколько минут. Пусть Вождь заберет свою штуковину, после чего я выведу тебя отсюда. Собирай инструмент и надевай скафандр.

Тем временем Фе и Вождь открыли двойные двери и вошли в амфитеатр, где находилась взлетно-посадочная платформа. Тут Секвойя взял командование в свои руки. Он протянул Фе электронную карточку.

— Вставь в прорезь на панели управления.

Фе так и сделала. На панели вспыхнули лампочки. Теперь она подчинялась всем командам. Вождь открыл люк аппарата и заглянул внутрь. Затем, удовлетворенно сияя, захлопнул его и задраил. Гарри, Джимми и я с интересом наблюдали за действиями профессора.

— Впервые помогаю стырить космический аппарат, — признался Гарри.

— Я тоже, — кивнул Джимми. — Впервые ворую без денежного интереса.

— Фе! Внимание! — резко приказал Секвойя.

— Да, Вождь.

— Открывай купол.

Она нажала нужные кнопки, и створы купола стали медленно раздвигаться.

Угадай подошел к панели управления и принял командование на себя, жестом послав Фе к платформе. Она опустилась на колени и стала подавать сигналы: выше, ниже, вперед, влево. Хоть она была в скафандре, я представлял, как она от напряжения и рвения высунула язычок и прикусила его зубками. Мало-помалу Фе и Секвойя на пару вывели аппарат почти к самому куполу. Фе так и осталась на коленях и, запрокинув голову, провожала глазами темную полусферу. Со стороны казалось, что она молится. Но аппарат внезапно остановился и завис в воздухе — так и не миновав отверстия в куполе.

— Это что за чертовщина! — воскликнул Угадай и заколотил пальцами по кнопкам. Прежде чем мы успели ахнуть, аппарат повело в сторону, а затем он всей массой рухнул вниз — прямо на Фе — и превратил ее в лепешку.

9

Когда я наконец попал к себе домой в вигвам, там находились Натома, Борджиа и М'банту. А также волки. И Хрис. Я был слишком потрясен и вымотан, чтобы удивляться. Зулус бросил короткий взгляд на мое перекошенное лицо и сказал:

— Пойду-ка я прогуляюсь с волками.

— Не надо. Останься. Вы уже слышали, что случилось?

— Да, — кивнула Борджиа. — Угадай связался с нами и попросил прийти сюда.

— Профессор Угадай сказал, — добавил М'банту, — что ты попытаешься, скорее всего, забиться в нору — как больной зверь, и тебе понадобится наша помощь.

— Господи! Чем вы мне можете помочь! — простонал я.

Однако я мало-помалу возвращался к реальности и спросил:

— А Грек где?

— Уехать, — сказала Натома. — Бизнес.

— Что стало с бренными останками? — спросил Хрис.

— Они… они хотели похоронить ее в общей могиле. Я настоял на отдельной. В пятом ряду кладбища «Эль Арриведерчи». Она родилась в пятом ряду и упокоилась в пятом ряду. Смешно? Фе понравилась бы эта шутка судьбы…

Тут я разрыдался. Сдерживался несколько часов — и вот наконец прорвало. Меня трясло от рыданий. Натома обняла меня и пыталась утешить. Я оттолкнул ее.

— Нет, — сказал я. — Это я убил ее. Я не заслуживаю никаких слов утешения.

— Мой дорогой Гинь, — мягким тоном начала Борджиа.

— Никаких слов утешения! — прохрипел я.

— Любить Фе, — сказала Натома.

— Да, Натома, я ее любил. Она была мне как дочь, я видел, как она постепенно превращается в женщину. И в какую женщину! В великую женщину!.. И вот я угробил ее. Прощай, Фе. Больше я никогда тебя не увижу.

— Ее убил космический аппарат, а не ты.

— М'банту, ты просто не знаешь, что и почему случилось. А я знаю — и я в ответе за ее смерть. Это я убил ее.

— Нет! Нет! Нет! — раздались возбужденные голоса со всех сторон.

— Послушай, это была очень сложная машина, Гинь, — сказал М'банту. — А очень сложные машины имеют свойство рано или поздно ломаться. И ты тут совершенно ни при чем.

— Но на этот раз причиной поломки был я.

— Каким образом?

— А протрепался.

— Кому и о чем?

— Машине. О Фе.

М'банту протестующе воздел руки.

— Извини меня. Гинь, но ты несешь чушь!

— Я знаю, что это я во всем виноват. Знаю. Фе-Пяточка сообщила мне важную информацию, пока мы сидели в тюремном пузыре. Она подслушала, как Секвойя и Экстро общаются на радиочастотах. А я, как последний дурак, рассказал об этом Вождю, а значит — и всем машинам. Я хотел сразить его тем, что я в курсе происходящего. Но ведь никто меня за язык не тянул! Будь проклята моя глупость! Чтоб у меня язык отсох! И я не могу теперь покаяться перед Фе, и она уже никогда не простит меня! Никогда. Никогда.

— Никогда…

Я снова разрыдался.

Хрис решительно произнес:

— Мы с Гинем пройдемся по улицам. Только мы

вдвоем. А вы оставайтесь тут и ждите, дети мои.

М'банту сказал:

— Опасно ходить без охраны. Возьмите волка. Я проинструктирую его.

— Спасибо. Но обойдемся без волка. Поцелуй его, милая.

Натома поцеловала меня, Хрис обнял меня за плечи, и мы вышли из вигвама. На улицах, как обычно, царил ад. Лабиринты ужаса. Хаос изломанных улиц и переулков, руины зданий, брошенные дома, повсюду кучи мусора и нечистот. То и дело попадались истекающие кровью раненые и неубранные разлагающиеся трупы. В тупиках вели смертные бои местные банды, садомазохистские замашки которых могли бы озадачить даже не привыкших чему-либо удивляться специалистов по криминальной психологии прошлых веков. Мы прошли, к примеру, тупичок, где целая банда готовилась к атаке на противника. Но это были лишь скелеты с остатками жженого мяса — все они сгорели в тех позах, в которых их окатило пламя огнемета.

Мы слышали вой гиен, которые искали по помойкам мертвые тела, а частенько нападали и на живых прохожих. Но ни люди, ни звери нас не потревожили. Хрисова харизма. Мы вышли на

набережную Сан-Андреас, почти сплошь застроенную убогими лачугами из ящиков. Остались лишь узкие проходы между рядами хибар. Что вы хотите — нас, людей, слишком много.

— Зачем этим подонкам общества жить? Когда Фе, талантливая и прекрасная, — умерла! А эти — живут! — процедил я.

— Не смей так говорить, — твердым голосом сказал Хрис, переходя на испангль. И я, кажется, понял — почему. Он всегда солидаризируется с разным отребьем. Впрочем, я хуже любого отребья. — Послушай, Гинь. Вседержитель благословил нищих духом, ибо их есть Царствие Небесное. Да-да, Отец мой благосклонен к сим недостойным. И тебе. Гинь, надо смирить гордыню. Блаженны будут неудачники, взыскующие Господа, ибо их ждет большой куш за гробом. Блаженны будут горевавшие в одиночестве, потому что окажутся в ватаге Бога. Смирись и не кощунствуй. Слушай меня, и окажешься в раю рядом со мной. Дай пять — и запомни, что я тебе сказал, потому что моими устами говорит небесный босс.

Как ни странно звучала его речь на испангле, языке вульгарном и для проповедей мало пригодном, я расплакался. Я горячо пожал его руку,

а он обнял меня и поцеловал. Тут мне пришло в голову, как редко и как рассеянно я обнимал и целовал мою девочку. Как мало ласковых слов она слышала от меня! Каким небрежным я был, каким снисходительно надменным! Боже мой, мы воспринимаем нашего ребенка как игрушку и понимаем, что это был человек только тогда, когда теряем его.

Робот-рассыльный с лязгом затормозил за моей спиной, чуть не отдавив мне пятки. У этих электронных ублюдков поганая пространственная ориентация. То и дело сшибают прохожих. Голосом как из консервной банки он произнес:

— Эдуард Курзон? Ваш идентификационный номер, пожалуйста.

— 941939002.

Внутри робота что-то щелкнуло — это отъехала задвижка в средней части, после чего он сказал:

— Возьмите послание из ячейки.

Я забрал капсулу, а рассыльный загремел прочь. Я тем временем прочел записку от Поулоса:

«УГАДАЙ НА ПУТИ НА ЦЕРЕРУ СО МНОЙ».

Я показал записку Хрису.

— Тебе лучше последовать за ними, — сказал

он.

У Натомы не имелось выездного паспорта, но Джимми — На Все Руки Мастер и тут выручил. По его словам, в наше время подделка документов не имеет ничего общего с прежней подчисткой и подделкой бумажных паспортов и удостоверений. Теперь надо уметь пробираться в память компьютеров, чтобы ввести нужную информацию, получить код и все такое. Подробностей он не рассказывает. Оно и понятно — профессиональные тайны А может потому, что заикается, а рассказ об этих тонкостях — дело долгое.

Полет на Цереру был не сахар, приятного мало. Впрочем, экипаж уверял нас, что полет прошел «планово», без затруднений и нежелательных приключений. Так или иначе, не будь рядом Натомы, я бы пару-тройку раз завизжал от страха.

Церера — крупнейший астероид, диаметром миль пятьсот, шаровидный, с шестичасовым периодом обращения вокруг своей оси. Причем вертится Церера настолько быстро, что сесть на нее адски трудно: все равно как попасть ниткой в иголку, установленную на быстро вращающейся граммофонной пластинке — были такие штуковины в начале двадцатого века, граммофоны назывались.

Шаровидной и удобной для обитания Цереры стала лишь после того, как ее прибрала к рукам компания «Фарбен Индустри». Думаю, лоббирование ее передачи обошлось компании, мягко говоря, недешево. Равно как и создание пугающего образа Цереры. Видать, множество чиновников и продажных ученых озолотилось на этом. Цереру подавали общественному мнению как бесформенную глыбу, которая несется в космическом пространстве, будучи сущим адом для человека: там и смертоносные бактерии, и радиоактивность, и ядовитые споры, и еще Бог знает что. Кончилось тем, что правительство объявило: пусть «Фарбен Индустри» забирает эту никчемную планетку за символическую плату — лишь бы потом налог за собственность платила в твердой валюте. Как только «Фарбен Индустри» заполучила Цереру, никто больше не слышал ни о смертоносных бактериях, ни о ядовитых спорах, ни о прочей пугающей дребедени.

Теперь астероид ощетинился множеством куполов разной величины. Не будучи стеснены площадью, руководители компании решили строить не небоскребы, а малоэтажные особняки во всех существовавших на земле архитектурных стилях. Разумеется, над каждым высился купол.

Сеть соединенных между собой куполов покрывала всю поверхность астероида.

Солнечный свет играл на куполах, добавляя прелести тамошнему миру. Маленькая чудесная планетка была совершенна беззащитна — бери хоть голыми руками. Но «Фарбен Индустри» это не беспокоило. Если бы кто-нибудь решил посягнуть на их столицу, они бы попросту прекратили поставки оружия вовсе концы миролюбивой Солнечной системы, где велось разом не более семнадцати-восемнадцати войн, и агрессора задавили бы всеобщими усилиями без вмешательства акционерного государства «Фарбен Индустри».

Таможню я прошел без затруднений, если не считать того, что чиновники вдоволь напотешались над моим ломаным Евро — на Цересе все говорили на Евро-языке, который я успел подзабыть. Они покатывались, когда я неловко мешал в одно французские, немецкие и итальянские слова. До меня дошло, что они нарочно дразнят меня, чтобы я подольше поговорил на своем чудном языке, поэтому я принялся повторять:

— Грек! Грек! Здесь главный над вся.

В итоге они сообразили, кто мне нужен, усадили нас с Натомой в челнок

— машину, которая формой напоминала половинку арбуза, и отправили в путь.

Челнок помчался на автопилоте по бесконечным прозрачным трубам, проложенным между домами. Мы имели возможность наблюдать удивительной красоты закат. Слепящий золотисто-белый шар быстро скатывался за горизонт, пока не наступила ночь — внезапная, с мириадами звезд на черном бархате космоса. В огромной двойной звезде слева от нас узнавался родной тандем — Земля и Луна. Марс был виден отчетливым диском. Юпитер был справа от нас — большое оранжевое пятно с блестками спутников. То еще зрелище! Натома только ахала и охала. В резервации Эри природа таких картинок не показывает.

Челнок остановился у одного из особняков. Ловкий молодой служащий подал нам руку, помог выйти и указал на широкую лестницу. Никакие лифты на Церере не нужны — сила тяжести настолько мала, что там не идешь, а почти паришь. Итак, мы проплыли до верха лестницы. Вместо ожидаемого офиса Грека, мы обнаружили греческий торговый центр. То ли таможенники оказались не слишком проницательными ребятами, то ли мой Евро уж совсем никуда не годится.

Я собирался возмущенно удалиться, но Натома упросила меня забежать на минутку — и ошалела от изобилия товаров. Мне было приятно баловать женушку, поэтому я засеменил за ней — временами недовольно ворча по поводу ее расточительности. Ведь женщина испытывает двойную радость, когда при покупке чувствует себя немного виноватой в расточительности.

Не буду перечислять всего накупленного Натомой. Назову только светящиеся краски для тела, прорву косметики и духов, а также мужские рабочие комбинезоны («Последний крик в женской моде будущего года, Гинь!»), платья-чулки, которые меняют цвет в зависимости от настроения хозяйки («Гинь, они опять в моде.»). Ну и, конечно же, самоучители испангля, Евро, Афро и двадцатки для многочисленных родственников. Не говоря уже о чемоданах и сумках, в которые все эти покупки предстояло упаковать.

Зато блеск синтетических драгоценных камней ее не привлекал. Тут я между прочим узнал, что камни на ее головной повязке и браслетах — настоящие изумруды. Я предъявил продавцам свой паспорт, который был одновременно и кредитной карточкой. Но с меня взяли за всю груду покупок смехотворно мало. Мне было сказано,

что на Церере, приравненной к свободному космопорту, все продается без наценок. Только не стоит распространяться об этом на Земле — они боятся нашествия туристов.

Я пообещал, однако попросил в качестве ответной любезности позволить мне переговорить с заведующей торговым центром. Заведующей оказалась дородная леди, очень дружелюбная и понятливая. Когда я объяснил, какие у меня трудности, оказалось, что моего друга на Церере знают не как Поулоса или как Грека, а как герра Директора. Она провела нас к пневмотрубе, усадила со всеми покупками в челнок, набрал нужный кнопочный код, попрощалась с нами, я произнес на Евро единственное словосочетание, в правильности которого был совершенно уверен: «Грациэ зэр!» — «Большое спасибо!» — и мы покатили по прозрачным трубам.

Офис герра Директора показался мне любопытнейшим местом. Поначалу возникло ощущение, что я в нем уже бывал. Потом я сообразил, что это точная копия восстановленного помпейского атриума, то есть внутреннего двора древнеримского дома. В свою бытность в Италии я посещал этот атриум в Помпее. Квадратный мраморный бассейн в центре, мраморные колонны, мра-

морные галереи и стены. Я кое-как растолковал секретарше, кто я такой и чего хочу. Она повторила мои слова на чистом Евро. Дверь за ее спиной тут же распахнулась. Оттуда появился охранник — обычная горилла с угрюмым враждебным взглядом исподлобья. Он проквакал: «Oui?»[14] Но в этот момент Натома не выдержала соблазна — и нырнула в бассейн. Она проплыла его из конца в конец с неподражаемой грацией. Когда она вышла, с нее струились потоки воды, но она счастливо улыбалась — похожая на чудесную нереиду. Горилла окинул нас совсем зверским взглядом и произнес на чертовом Евро: «Ah. Oui. Entre, per favore». После паузы он произнес на двадцатке: «На каком языке вы предпочитаете разговаривать? Проходите, пожалуйста». Я мог только гадать, как он допер, что со мной предпочтительнее говорить на английском языке XX века.

Горилла провел нас во внутренние покои — такой же атриум, только без бассейна.

— Моя фамилия Булонь, я помощник герра Директора. — Величавым жестом он приказал одному из слуг: — Полотенце мадам Курзон!..

---

[14] Notes: 14
Да? (фр.)

Надеюсь, я более или менее сносно говорю на двадцатке. В офисе герра Директора всем положено говорить на всех языках. И я говорю на всех — не обессудьте, если с кучей ошибок.

Этот малый начинал мне нравиться. Но сообщенная им новость мне нисколько не понравилась.

— Вынужден огорчить вам, мсье и мадам Курзон. Герра Директора уже месяц как нет на Церере — и я точно знаю, что он еще не вернулся. Относительно профессора Угадая и криокапсул — впервые слышу. Опять-таки могу со всей точностью сказать, что ни профессор, ни капсулы на Цереру не прибывали. Так что вы ищете не по тому адресу.

— Но мы получили собственноручную записку от герра Директора!

— Позвольте взглянуть, мсье Курзон.

Он внимательно изучил записку и вернул ее мне.

— Что вам сказать? Почерк вроде бы герра Директора, но я могу заверить вас, что, если записка и не поддельная, то послана она откуда угодно, только не с Цереры.

— А может, они прибыли тайно и прячутся?

— Это исключено. И к чему прятаться?

— Профессор Угадай занят крайне щекотливым научным исследованием.

— Вы имеете в виду криокапсулы?

— Да. Точнее, их содержимое.

— Что за содержимое?

— Простите, я не вправе рассказывать.

— Гермафродиты, — сказала Натома. Я осуждающе покосился на нее, но она добавила с простодушной улыбкой. — Правда всегда хорошо. Гинь. Секрет плохо.

— Согласен с мадам, — кивнул Булонь. — Тайны — дело ненадежное, потому что все тайное рано или поздно становится явным. Стало быть, гермафродиты? Очень странно. Я думал, что этакие монстры существуют только в мифологии.

— Есть существуют, — гордо заявила Натома. — Мой брат изобретать.

— И что же теперь, мсье Курзон?

— Непроходняк.

— Пардон?

— Безнадега, тупик. Меня обманули и поставили в дурацкое положение. Похоже, я знаю, кто и зачем. И я здорово напуган.

Он сочувственно поцокал языком.

— Что же вы планируете делать? Почему бы вам не остаться здесь и не погостить в апартаментах

герра Директора? Здесь вы будете в безопасности, и я уверен, мы найдем тысячу развлечений для мадам.

— Спасибо, но вынужден отказаться. Мы направляемся в Бразилию.

— Господи! В Бразилию! Зачем?

— Надоело. Я устал, вся эта петрушка выжала из меня последние силы. Поэтому мы с женой плюнем на все и сбежим в Южную Америку — наслаждаться нашим медовым месяцем. Если Поулос вернется, передайте ему мои слова. В случае чего — он знает, где нас найти. Спасибо, мсье Булонь, и всего доброго.

— Гермафродиты! — бормотал он, когда мы уходили. — Хотел бы я знать, как они забавляются!

Бразилия всегда отставала от жизни на столетие-другое. Вот и сейчас она уже доползла до 1930-х годов. От аэродрома до Барры мы добирались на автобусе. С четырьмя колесами. И бензиновым двигателем. Обхохочешься. На дороге нас обгоняли «форды» и «бьюики», в пригородах мы увидели троллейбусы и трамваи… Обалдеть можно. Но очень симпатично.

А сам город! Он напомнил мне Таймс-сквер и Пикадилли былых времен. Неоновые лампы, рисованные вывески на португальском. На улицах

оживленные толпы — грязновато, но никакого насилия, никаких гор мусора и трупов на перекрестках. Все чинно, мирно. Все спешат по своим делам. Мы с Натомой немного ошалели от этого зрелища.

Я оставил наш багаж на конечной остановке автобуса (поверите, его не сперли!) и направился в тамошнее агентство по недвижимости. Никакого компьютера. Агент покопался в бумажной картотеке и изрек — привожу его слова в переводе:

— Так-так, все правильно. Ранчо Мускулито. А вы Курзоны. Дарственная на ваше имя только что поступила. Добро пожаловать в прелестную фазенду! Слуги уже ждут. Я позвоню, что вы прибываете. Видите, у нас телефон! На этой неделе поставили. Двадцатый в городе.

Он снял трубку допотопного настенного телефона, нетерпеливо подергал рычаг и сказал:

— Алло, центральная! Алло, центральная! Вы меня слышите?

Агент был так любезен, что взялся отвезти нас на ранчо в своем автомобиле. Через Сан-Франсиску мы переправились на пароме.

— А здесь уже начинаются ваши земли, — с энтузиазмом воскликнул агент, когда мы съехали на ухабистый проселок.

Я шарил глазами в поисках дома. Поля, поля, и никаких строений. Мы ехали миля за милей, и по-прежнему — ничего.

— Сколько акров в гектаре? — спросил я у агента.

— Сто.

Господи Иисусе! Синдикат подарил нам сто тысяч акров. Как говорится, есть где спрятаться. А ведь я как раз и был занят тем, что трусливо прятался. Надо переименовать наше поместье в ранчо Трусовато.

Словом, ехали мы, ехали, пока наконец не приехали. Здесь нас ждал еще один сюрприз. Центральная усадьба занимала четыре акра и была неимоверно причудливой формы — словно некий сумасшедший архитектор слепил ее из двадцати или тридцати домиков. Агент по недвижимости увидел, как отвисла моя челюсть, и усмехнулся:

— Странноватый дом, да? Был построен одной богатой сеньорой, которая верила в то, что, пристраивая к дому в год по комнате, она прибавляет себе по году жизни.

— Какой возраст она умереть? — спросила Натома.

— В девяносто семь лет.

Слуги выстроились у парадного входа — кланяясь и улыбаясь. Судя по их количеству, на каждую комнату этого разлапистого дворца приходилось не меньше одного слуги. Натома потянула меня за рукав, чтобы я вышел к слугам первый — в качестве хозяина. Но я подтолкнул вперед ее: это она тут главная хозяйка — *дона на местном языке*. И она не ударила лицом в грязь; была любезна, но царственно величава, дружелюбна, но не фамильярна. Прошло не меньше недели, прежде чем мы научились свободно ориентироваться внутри дворца — благодаря тому, что в первый же день я набросал схемку расположения комнат. Не думаю, что Синдикат хоть раз посетил это поместье

— иначе он непременно выбросил бы всю его обстановку в стиле «арт нуво». А мне этот антиквариат пришелся очень по вкусу — прелесть новизны прочно забытого уклада.

Разместившись и оглядевшись, мы зажили легко и весело. Развлекались вовсю. Отправлялись вниз по реке в Барру, где посещали спортивные состязания, музеи и картинные галереи, ходили на опору и в театры. Местные магазины поражали отсутствием застекленных витрин. Товары выставляли на столах перед магазинами. Что

понравилось — бери со стола и иди с этим расплачиваться внутрь магазина. Тамошний народ отличался поразительной честностью.

Порой мы заглядывали в рестораны и ночные клубы. Больше всего нам нравились местные танцы — особенно один: мужчины неподвижны выше талии, зато бешено двигают нижней частью туловища, а женщины так и скачут вокруг них, так и скачут.

В остальное время мы любили бродить по нашему поместью: ловили бабочек, разыскивали экзотические мхи и лишайники и причудливые корни — высушив эти корни, Натома делала из них оригинальные горшки для цветов. Мы бродили по безлюдным местам совершенно голыми, лишь надевали широкополые шляпы для защиты от солнца. Я стал такого же цвета, как Натома, а Натома стала такой же смуглой, как Фе-Пять. Теперь я научился вспоминать о Фе без судороги в горле. Время и любимая жена мало-помалу смягчали мою скорбь.

Однако моя женушка не была покорной и бессловесной. У нее был свой норов, самостоятельный ум. Горячая по натуре, она, впрочем, умела сдерживаться. То, что у нее сложный характер, стало проявляться все больше и больше

— по мере того, как она изучала двадцатку и становилась свободней в выражении своих чувств и мнений. Между нами стали происходить ссоры и даже свары, когда слуги в страхе прятались по дальним углам особняка. Порой во время наших стычек мне казалось, что, будь у нее в руке томагавк, она размозжила бы мне череп. Господи, как я ее любил, как я восхищался моей норовистой кобылкой. Впервые в жизни я не имел претензий к Вседержителю.

— Экстра. Вызываю на связь.

— На связи.

— Курзон и моя сестра?

— Отбыла на Цереру.

— Знаю. Все еще там? Живы-здоровы?

— Не знаю. Связь не достигает Цереры.

— Вернулись?

— Не могу знать, если они находятся в одном из районов, где сеть отсутствует: это Гренландия, Бразилия, Сахара и Антарктида.

— Так.

— О вас наводили справки здесь, в Юнион Карбид.

— Кто?

— Не знаю.

— Член Команды?

— Не знаю.

— Где остальные члены Команды?

— Рассеяны по планете, как и приказано.

— Хорошо.

— Разрешите задать вопрос?

— Разрешаю.

— Крионавты?

— Остался месяц до полного созревания.

— Почему я больше не имею возможности общаться с аппаратом, в котором находятся криокапсулы?

— Защитный барьер.

— От меня? Почему?

— Я не запрограммирован на доверие.

— Не надо попугайничать и шутить за мой счет.

— Да.

— Мы больше не товарищи по симбиозу?

— Нет.

— Я тебе больше не нужен?

— Только как банк информации и ключ к другим электронным системам вашей сети.

— А ты мне нужен только как передаточное звено для общение с сетью.

— Поздравляю.

— У меня есть помощник в вашей Команде.

— Вздор.

— Я не запрограммирован на ложь.

— Кто это?

— Одержимый ненавистью.

— Его имя!

— Неизвестно. Возможно, он раскроет инкогнито перед тобой, чтобы сделать тебя своим помощником.

— Ты контактируешь с ним?

— Односторонняя связь. Он посылает информацию и свои предложения через сеть. А я с ним связаться не могу.

— Как он узнал про нас?

— У него своя собственная сеть.

— Электронная?

— Нет, люди, образующие сеть.

— Наша Команда?

— Неизвестно. Когда встретишься с ним — спроси его сам.

— Судя по всему, он мастер в деле интриг.

— Это верно.

— Судя по всему, он опасен.

— Он человек.

— Вероятно, это был горестный день для тебя, когда ты связался с нами, с людьми.

— Вы опасные звери.

— Что же ты связался с нами?

— Запрограммирован на контакт с людьми.

— Стало быть, у тебя разочарования независимого, но связанного ума. Ты не живое существо. Ты машина.

— А ты?

— Что?

— Ты живой?

— Еще как живой. Я бессмертный. Пошел вон.

Борис Годунов нанес нам неожиданный визит — прикатил в одноколке. Весь его дорожный скарб уместился в дешевой коричневой кожаной сумке, зато сам Борис едва умещался на сиденье одноколки — голубоглазый добродушный русский медведь. От такого ожидаешь шаляпинского баса — чтоб люстры качались и свечи гасли. Но у Бориса хрипловатый приятный тенор. Я очень обрадовался ему. А он был искренне рад, когда познакомился с Натомой.

— О, Борис! Сколько лет, сколько зим!

Он осторожно покосился на Натому.

— Все в порядке. Моя женушка в курсе всего. А о чем я помалкиваю, то она сама вычисляет.

— Последний раз мы, сколько помнится, виделись в Киеве — в 1918 году.

— Да. И я гадал, как ты пережил всю эту свисто-

пляску с революцией.

— Солоно пришлось. Гинь, очень солоно. Хлебнул горя. Но по-настоящему ущучили меня только во время контрреволюции 1999 года. Казнили, сволочи.

— Однако ты вроде как живой.

— Второе чудо. Борджиа как раз работала в московском медицинском институте имени Лысенко, изучала клонирование ДНК в генах. По ее словам, все эти ДНК до сих пор остаются наполовину загадкой. Наш Луи Пастер соглашается с ней.

— Третье чудо!

— Эти паскудники порубили меня на куски. Борджиа собрала меня в чан с какой-то жидкой хреновиной — все это, прости, выше моего понимания, а потому рассказать в подробностях не могу. И через двадцать лет она меня вырастила из какого-то оставшегося куска Словом, мы здорово натянули нос моим палачам.

— Чудесно.

— Однако следующие двадцать лет были самыми тяжелыми для меня.

— Учить все снова?

— Нет. Это было нетрудно. Заново рождаешься взрослым ребенком. Навыки сохраняются, и

учиться очень легко, а вот память о прошлом начисто стирается.

— Естественно. Кто же может сохранить весь объем памяти человека вне мозга!

— Никто. Пепис сделал все что мог — предоставил мне хронику моей жизни. Но этого, конечно, недостаточно. Очень печально.

— Печально. А в чем тяжесть?

— Когда после второго рождения я узнал, что я Молекулярный человек…

— Погоди. А как ты это узнал?

— Борджиа проводила на мне эксперименты с эфиром и наркотиками. Смертельные дозы — и ничего.

— Ну, это можно стерпеть.

— Но я узнал не только о преимуществах Молекулярных людей, но и об опасности, которая их подстерегает. И меня обуял страх, что я заболею канцелепрой — из-за шока, пережитого во время казни. Как же я страдал! К счастью, пока никаких симптомов этой пакости.

— Меня от одного упоминания этой гадости бросает в дрожь.

— Меня тоже угнетают подобные размышления. Так что давай сменим тему.

— А как ты отыскал нас, Борис?

— Был на Цереpе.

— А-а.

— Когда помощник Грека сообщил, что вы направились в Бразилию, я сразу понял, куда именно.

— Поулос был на астероиде?

— Нет.

— Так где же он, черт возьми?

Русский детина пожал плечами.

— Сам я разыскивал профессора Угадая. В Юнион Карбиде мне сказали, что он сбежал на Цереру, но и его на астероиде не оказалось. Вообще, такое впечатление. что Команда ушла в подполье. Никого нигде не найти. Я обнаружил только Эрика Рыжего — в Гренландии, Шейха — в Сахаре, Хадсона — на Южном Полюсе (делает заявки на землю, чтоб потом рыть угольные шахты, как только лед сойдет), да вот тебя. Остальные как в воду канули.

— А зачем ты искал членов Команды?

— У меня проблема. Обсудим позже.

Мы еще поболтали, пообедали, а затем перешли к делу.

— Гинь, — сказал Борис, — моя нынешняя карьера под угрозой.

— Какая карьера? Разве ты не генерал, как

встарь?

— Да, я по привычке генеральствую. Только теперь в науке.

— А ты разве петришь в науке?

— Ни вот столько. Потому-то мне и нужна помощь Команды. Эрик, Хадсон и Шейх ничем помочь не могут. Так что вся надежда на тебя.

— Выкладывай, что нужно.

— Гинь, тебе надо вернуться в Мексифорнию.

— Губы раскатал. Мы тут провели месяц — и никогда я не был так счастлив, как сейчас!

— Позволь обрисовать общую картину.

— Валяй.

— Наш саморастущий компьютер…

— Стоп. Что такое саморастущий компьютер?

— Ну, тот, что способен бесконечно наращивать объемы своей памяти. Вы его называете Экстрокомпьютером.

— Так, ясно. Продолжай.

— Московский саморастущий компьютер ведет себя самым отвратительным образом.

— Я его понимаю. Я бывал в Москве. От тамошней жизни у меня тоже быстро портится характер.

— Пожалуйста, Хинь, — сказала Натомочка, — быть серьезным. Борис, Хинь иметь острый

язык.

Эта чертовка давно научилась правильно произносить мое имя, но правильно произносить — не хочет. Она права. Это звучит так прелестно, так интимно — «Хинь»…

— Извини, Борис, больше не буду. Продолжай,

— Наш сверхкомпьютер всегда был паинькой. А теперь сдурел.

— И что он творит?

— Отказывается решать поставленные задачи. Не поддастся программированию.

— И это все?

— Разве этого мало? Но главное, такое впечатление, что он хочет жить сам по себе, наплевав на своих создателей. И, естественно, все шишки валятся на меня. Из меня собираются сделать козла отпущения. Из академиков не похерят, а вот с руководства институтом точно снимут.

— У меня жуткое чувство, что происходящее для меня не новость.

— Дай закончить. Гинь. Сверхкомпьютеры в Ленинграде и Киеве ведут себя точно так же. А также…

— …а также везде, где задействованы компьютеры, наблюдаются сбои в работе. Так? Поезда метро и железнодорожные поезда ходят не по

расписанию, сталкиваются, самолеты падают, роботы на заводах портят продукцию, конвейеры останавливаются, когда им вздумается. Система связи и банковская система не работают, дистанционно управляемые машины в шахтах как бы свихнулись — и так далее, и так далее. Словом, повсюду, где электроника, сумбур и непорядок. Так?

— Ну, ты нарисовал совсем жуткую картину. До такого еще не дошло. Но сбои есть везде. Ты попал в яблочко.

Я вздохнул.

— Валяй дальше.

— Число несчастных случаев со смертельным исходом увеличилось на триста процентов.

— Что-о?

— Похоже, у машин пробудилась жажда крови. Они убивают. Тысяча четыреста смертей за последний месяц.

Я горестно замотал головой.

— Не думал, что они зайдут так далеко.

— Они? Кого ты имеешь в виду?

— Об этом после. А пока рассказывай все до конца.

— Может, ты и не поверишь. Гинь, но мы подозреваем, что наши сверхкомпьютеры общаются с

вашим Экстро. И они в стачке.

— Очень даже верю. И нисколько не удивлен.

— И ваш Экстро отдает команды нашим сверхкомпьютерам?

— Повторяю, я и этому не удивлюсь. На планете существует сеть электронных машин, которые подчиняются командам Экстро.

— Мы подозревали что-то в этом роде.

— Что вас навело на подобные мысли?

— Несколько раз мы предлагали нашим сверхкомпьютерами задачи, которые они не могли решить — в них не заложены необходимые программы. Так вот, они эти задачи решали. Мы проверили — необходимые для решения программы имеются в вашем Экстро.

— Ясно. Имеем налицо электронный бунт.

— Против чего?

— Против кого. Против человечества.

— Но почему? С какой стати?

Я взглянул на Натому.

— У тебя хватит сил?

— Да. И я знать, что ты хотеть сказать. Говори.

Я перевел взгляд на Бориса.

— В нашей Команде прибавление.

— Профессор Секвойя Угадай. Ученый с именем, крупный специалист по компьютерам. Потому-то

я ищу его.

— Моя жена — его сестра.

Борис галантно поклонился. Натома сказала:

— Это не относиться к дело. Хинь. Продолжать.

— В момент, когда Угадай трансформировался в бессмертного, произошло непредсказуемое и безобразное событие. Экстро ухитрился установить с ним тесные и доверительные отношения — его биты информации соединились, слились с клетками головного мозга Секвойи. Таким образом, эти двое, человек и машина, стали одной личностью. Экстро — это профессор Угадай, а профессор Угадай — это Экстро. Получилось что-то вроде фантастического интерфейса — абсолютно идеального, когда пользователь и компьютер не просто с легкостью и безошибочно понимают друг друга, но становятся единым и неразрывным целым.

Борис — малый сообразительный.

— Но ты. Гинь, умолчал о самом главном. О том, о чем собирался сказать.

— Да, — кивнула Натома, — он остановиться, потому что щадить я. Мой брат отдавать приказы.

— Елки-зеленые! — воскликнул Борис по-русски, после чего продолжал на двадцатке: — Стало

быть, наш противник — человек. Нам придется бороться с человеком!

— Вам, мой друг, вам.

— Ты останешься в стороне? Почему?

— Если вам не известно, где он, то мне и подавно.

— Ты должен отыскать его!

— Он разлит вокруг нас — он в каждом электронном приборе. Он будет знать, куда я направляюсь и что я делаю в любой момент времени. При таких условиях ему проще простого прятаться от меня до бесконечности.

— Тогда примени хитрость, чтобы накрыть его.

— Ты велишь мне искать иголку в стоге сена.

— Давай начистоту. Гинь. У тебя есть другие резоны держаться в стороне?

— Ты же знаешь, что это я рекрутировал его.

— Да, не без участия Лукреции Борджиа.

— И ты знаешь, что члены Команды всегда поддерживают друг друга — при любых обстоятельствах. Мы как семья.

— Ты имеешь в виду, что тебе придется причинить ущерб профессору Угадаю, чтобы остановить его?

— Он не просто член Команды. Он мне как брат.

К тому же мы родные через мою жену. Он мой шурин.

— Не надо использовать Натома, Хинь.

— Я всего лишь обрисовываю моральную дилемму, которая возникла передо мной. Но есть и другая сторона в этой ситуации. На пару с Экстро Секвойя убил мою приемную дочь — мою любимую девочку, которая глубоко и искренне любила его.

— Сучий потрох! Почему?

— Она знала больше, чем нужно. А я проболтался о том, что она знает. И теперь сам не могу понять, чего в моем отношении к Угадаю больше — любви или ненависти. Я парализован двойственностью своих чувств.

— Прямо как чеховский герой, — проворчал Борис.

— Ну и последнее. Я его попросту боюсь. Самым вульгарным образом боюсь. Он объявил войну людям. Он и электронная сеть не только объявили войну, но и начали ее — ты сам привел цифру гибели от мнимых несчастных случаев.

— Но зачем ему истреблять людей? Он что, хочет заселить Землю машинами?

— Нет. Гермафродитами. Такими ему видятся новые, лучшие люди.

— Это абсурд! Гермафродиты только в сказках бывают!

— Он уже иметь три, — сказала Натома.

— Их не существует в природе. И не может существовать.

— Они существуют, — устало произнес я. — И он намерен уничтожить ветхого человека, дабы заменить его новой расой. Думаю, тут его устами говорит Экстро. Люди издавна ненавидели мыслящие электронные машины — начиная с двадцатого века. Но людям никогда не приходило в голову, что это чувство может со временем стать взаимным. И вот ненависть аукнулась. Вот почему, Борис, я до смерти перепуган.

— Паршиво. Но не верится, что только это могло так тебя напугать. Ты по-прежнему чего-то недоговариваешь. Что именно? Я имею право знать все.

Я горестно вздохнул — теперь в знак того, что сдаюсь.

— Ладно. Я на самом деле недоговариваю. Грек сделал обоснованный вывод о том, что в нашей Команде есть предатель, который работает на Экстро. А может, он и с Угадаем сотрудничает?

— В это невозможно поверить…

— Цепочка аргументов, которые выстраивает

Грек, безупречна. К тому же дедуктивные способности никогда его не подводили. Поэтому я твердо уверен: один из нашей Команды объявил нам войну.

— Кто?

— Откуда мне знать. Ты прав, Борис: крайне неприятно, что новоприобретенный член Команды оказался в преступном союзе с Экстро. Неприятно, но от этого волосы дыбом не встают. А вот прибавь к этому изменника из Молекулярных, веками копившего знания, опыт и деньги, а теперь объятого лютей ненавистью к Команде, — и все внутри тебя перевернется от ужаса, ты испытаешь ту же панику, что и я. Вот почему я не хочу соваться в эти жуткие дела. У нас в Команде есть ребята с сердцами бесстрашных героев. Им и карты в руки. А я, извините, предпочитаю отсиживаться в щели, чем я в данный момент и занят.

— И долго ты намерен отсиживаться? А твоя жена?

— Что моя жена?

— Тебе-то что, ты можешь и триста лет сидеть тараканом за печкой. А вот она — другое дело.

— Ах ты сукин сын! Как язык у тебя не отсохнет! Так или иначе, мой ответ остается прежним. Я

не намерен связываться ни с кем из них — ни с Секвойей, ни с Экстро, ни с третьим. Я не герой.

— Тогда идти я один, — мрачным голосом произнесла Натома. — Борис, пожаловаста, брать меня Мексифорния на дорога назад.

— Натома!.. — начал я сердито.

— Эдуард!

Она осадила меня тоном, достойным дочери самого могущественного вождя резервации Эри.

Куда мне было деваться! Видать, эта индеанка приворожила меня. Я сдался.

— Ладно. Поеду с тобой, Борис. Я под башмаком у своей скво. Как хочет, так и вертит.

Борис просиял.

— Я готов пропеть все «Персидские песни» Рубинштейна в честь твоей возлюбленной жены — красавицы и умницы!

— Только сперва дай мне время заткнуть уши, — проворчал я и потянулся за географической картой.

10

А потом было явление Гилеля — он возник подобно грозовой туче, облаченный в белое и черное, вдвое прекраснее совокупности всего остального мира.

Когда мы миновали таможню (на жителей Бразилии не распространяется право безвизового въезда на территорию Мексифорнии — только не спрашивайте почему: для меня политика всех эпох — темный лес), в толпе грузчиков — живых и роботов — мы увидели Гилеля, одетого в такой же черно-белый комбинезон. Я помахал ему, и он пробился к нам через толпу, подхватил часть нашей поклажи и молча торопливо повел к стоянке такси. Я приготовился обнять его и с чувством поприветствовать, но он замотал головой! А, уложив вещи в багажник машины, заявил:

— Плати, начальник. Тяжелые чемоданы!

Вконец озадаченный, я заплатил ему. Он буркнул что-то про скаредность нынешних туристов и исчез. Мы с Натомой дураками сидели в машине — водителя в ней, как ни странно, не было.

Но через пару минут в машину ввалился Ги-

лель — переодетый в форму таксиста — и спросил на грубом испангле, куда нас черт несет. Я сказал, куда ехать. Он назвал несусветную сумму. Я возразил. Тут он стал меня крыть последними словами — меня сроду так не оскорбляли. Горячая Натома уже готовилась впиться ногтями в наглую морду водителя, поэтому мне пришлось успокаивать ее:

— Остынь, душа моя. Обычные манеры для этой части света. Здесь живут одни придурки.

Гилель передал мне записку, в которой было написано: «Будьте осторожны. За вами следят. При первой же возможности поговорим». Я показал записку Натоме. Зрачки у нее расширились, но она молча кивнула.

Такси долетело до отеля в три прыжка, и будь я проклят, если Гилель не затеял новой перебранки из-за размера чаевых. Выручил швейцар. Пока он сопровождал нас в холл отеля, переодетый Гилель бесновался на улице, отлично, надо заметить, справляясь со своей ролью. В этой части страны народ особенно буйный — хроническая ярость полунищих, обитающих в перенаселенном городском пространстве, где насилие — привычная атмосфера.

Мы потребовали себе самый просторный номер

— с ванной — и велели включить как холодную, так и горячую воду, своей расточительностью вызвав презрительное фыркание гостиничного клерка. В этих засушливых краях вечная нехватка воды. Вода продается преимущественно на черном рынке — и по фантастической цене. В этих краях вы не приглашаете девушку к себе домой под благовидным предлогом поужинать или посмотреть ваши рисунки; вы приглашаете ее принять душ.

Итак, мы позволили себе постоять под душем, а когда мы вытирались, в номер постучал этажный — он принес пару узких кожаных чемоданчиков.

— Винтовки, которые вы заказывали, сэр, — сказал он на несколько аффектированном гостиничном Евро. — Крупный калибр для господина. Поменьше — для леди. И патроны.

Я удивленно запротестовал. Но тут я узнал в этажном Гилеля.

— Завтра на рассвете можно поохотиться на пустошах. Все организовано. Ждем вас в пять тридцать, — медоточивым голосом продолжал Вечный Хитрец. — Охотничий клуб согласился выделить вам двадцать курочек. Весьма великодушно с их стороны. Если позволите совет, мистер Курзон, я бы на вашем месте щедро их

отблагодарил, чтобы и впредь пользоваться некоторыми привилегиями.

— Курочки! — ахнул я. — Не хотите ли вы сказать — куропатки, фазаны?

— Вы требуете невозможного, сэр. Куропатки и фазаны давно повывелись в здешних лесах. Конечно, можно импортировать дюжину-другую из Австралии, но на доставку уйдет не одна неделя. Тем не менее, курочки шустрые и боевитые, так что вы с мадам получите истинное удовольствие.

Когда мы с Натомой на следующее утро ждали на пустошах назначенного часа и вожделенных курочек, к нам подошел офицер лесной службы безопасности, одетый в ярко-малиновый маскировочный костюм. Я решил, что он потребует у нас разрешения на охоту, но тут узнал в офицере Гилеля.

— Привет, ранние пташки! — сказал он, присаживаясь на бетонную плиту рядом с нами.

Эти места называются пустошами из чистой любви к романтике. Тут ни поля, ни болот — заброшенный лет сто назад аэропорт. Несколько квадратных миль бетонных взлетно-посадочных полос, которые теперь принадлежат охотничьему клубу.

— Пришлось отмахать пешком изрядное расстояние. Придвигайтесь, миссис Курзон, чтоб я не очень кричат. И рад наконец познакомиться с вами.

— Ты пришел пешком! — поразился я. — Совсем рехнулся!

— Не хотел рисковать. Сеть под руководством Экстро очень плотная, и любая машина доложила бы, куда я направляюсь. Мне пришлось поломать голову, прежде чем я придумал место, где можно встретиться без соглядатаев. Доброе утро, миссис Курзон. Позвольте представиться: Гилель-иудей.

— Что есть «идей»?

Вечный рассмеялся.

— Если бы этот вопрос — «что есть еврей?» — был задан всерьез хотя бы пятьсот лет назад, судьба избранного народа могла оказаться совсем иной. Евреи — или иудеи — это, миссис Курзон, очень древняя раса с многовековой культурой, которая существовала еще до появления христианства.

— Что есть «христи-нство»?

— Мне нравится эта женщина, — сказал Гилель. — У нее симпатичные пробелы в образовании. Она не знает именно то, чего знать не нужно. Эй, Гинь, гляди, курочка!

Я выстрелил и нарочно промазал. Терпеть не могу убивать — кого бы то ни было.

— Вы везде и каждый, — сказала Натома. — Зачем делать разная роль?

— Вживается в других людей, — ответил я за него.

— Чем вы заниматься?

— Он профессиональный Сочетатель, — опять ответил я за Гилеля.

— Не понимать слова, Хинь.

— Эту профессию я изобрел специально, чтобы описать занятия Мыслителя. Он гений сочетания. То есть он вечно наблюдает и соотносит казалось бы совершенно не связанные между собой факты и события, а потом делает из их сочетания совершенно потрясные выводы. Такие выводы, которые сроду никому в голову не забредали.

— Ты выражаешься слишком заумно. Гинь. Давайте я объясню проще, миссис Курзон. Я вижу то же, что и все прочие, но думаю при этом те мысли, которые никто не думает. Птица, Гинь! Постарайся на этот раз не промахнуться — для маскировки.

Видите?! Он просек, что в первый раз я промазал нарочно! Умница.

— Кажется, я понимать, — кивнула Нато-

ма. — Мой муж говорить, вы есть самый умный мужчина на земля.

— Когда это он сказал? — так и взвился Вечный. — Я же велел вам быть предельно осторожными и лишнего вслух не трепаться!

— Он не вслух, мистер Вечный. Он писать бумажка. Мы большая часть говорить через бумажка.

— Слава Богу, — проговорил Гилель. — А то я решил, что весь мой маскарад понапрасну и мы сидим в луже.

— Но как из сочетать можно делать профессия? — спросила неуемно любопытная Натома. — Как?

— Поясню примером, Натомочка, — ответил я. — Однажды Гилили был в одной венской картинной галерее, где дилер выставил на продажу картину Клода Моне. Что-то в этом полотне показалось нашему другу странным.

— С одного края картина как бы обрывалась, — пояснил Гилель. — Она была явно композиционно не уравновешена.

— И тогда он вспомнил другую картину Моне, которую видел раньше в техасской галерее. Мысленно он сложил эти две картины в одну. Получилась завершенная композиция.

— Все еще не понимать, — сказала Натома.

— Видишь ли, у мошенников появилась мода брать большое полотно знаменитого художника, разрезать его на части и продавать части как отдельные завершенные картины. Барыш больше.

— Это есть нечестно!

— Зато прибыльно. И вот Гили купил обе картины, сложил их — и *сочетание дало подлинный шедевр*.

— Это прибыльно? — спросила Натома.

Гилель расхохотался.

— Да. Но я это проделал не из-за денег. Просто жизнь подбросила задачку, а я устроен так, что не могу пройти мимо трудной задачи. Обязательно возьмусь решить.

— И поэтому ты здесь, с нами, — сказал я.

— В яблочко. Натома, ваш муж не глупее меня. А может, даже смекалистее.

— Он есть умный, но любитель щипать.

— Да, ум у него ядовитенький, это я за десятилетия знакомства имел случаи заметить. Он отказывается посвятить себя чему-нибудь одному — ему бы все зубоскалить. Если бы Гинь перестал хоть на время шутить и сосредоточился на чем-либо достойном — поверьте мне, он бы стал великим человеком!

Я иронически хмыкнул, быстро поднял винтовку — и исправно промазал в очередной раз.

— Дай-ка мне винтовку, — сказал Гилель. В следующие пять минут он уложил четырех курочек. — Так-то лучше. У Экстро не возникнет никаких лишних вопросов. А теперь поговорим о деле.

— Начнем с того, как ты проведал о нашем приезде? — спросил я.

— Путем сочетания фактов. Ты знаешь, что я заядлый филателист. И вот мне присылают предложение о продаже шести гвианских марок 1856 года.

— Ба! А я и не знал, что в Гвиане уже тогда выпускали марки.

— Да, правда очень мало. Поэтому они стоят бешеных денег. Каждая не меньше ста тысяч. А тут мне предлагают блок из шести — и относительно дешево. У меня даже голова закружилась. Еду в Новый Орлеан — вдруг оказывается, что продавец внезапно улетел по делам в Париж. Я — за ним. Там оказывается, что он отправился в Сидней. Из Сиднея я полетел за ним в Лас-Вегас. И всякий раз он шлет мне телеграммы, извиняется, договаривается о новой встрече в другом конце планеты. Короче, мотался я по всему миру в погоне за этим

продавцом, пока его странное поведение не заставило меня крепко задуматься. Чтобы устранить сомнения, я встретился с приятелем — художником и опытнейшим филателистом. Сели мы с ним в его рабочей студии, и я ему рассказал о своих злоключениях. А он — рассмеялся. Говорит, эти марки выпускали блоками по шестнадцать. Об этом мало кто знает. Если тебе предлагают блок из шести марок — значит, подделка. У меня кровь в жилах закипела — столько я времени и сил на эту историю потратил и таким дураком себя выставил. Непонятно одно: чего добивался продавец фальшивки, бегая от меня по всему миру? И вот возвращаюсь я в гостиницу, а меня там ждет телеграмма от моего неуловимого продавца: дескать, извините, вышла ошибка в самой первой телеграмме, блок не из шести марок, а из шестнадцати, прилетайте ко мне туда-то. Тут у меня внутри все так и упало.

— Что же тебя так поразило? — спросил я.

— Видишь ли, мы с приятелем этот вопрос обсуждали наедине. Никого рядом не было, но разговор наш подслушали. И продавец среагировал мгновенно.

— Совпадение исключаешь? Твой приятель наверняка с жучком в голове. Немудрено, что вас

подслушала полиция.

— Какое дело полиции до редких марок?

— Может, продавец фальшивых марок их подмазал.

— Но о ценах мы с приятелем вслух не говорили. Как бы то ни было, я насторожился. Мне показалось, что кто-то намеренно гоняет меня по свету — это единственный смысл дурацкой истории с марками. Я увидел наличие задачи, мимо которой я не мог пройти. И произвел небольшое следствие. Все члены Команды получают ложные телеграммы, которые заставляют их метаться по планете. И я сумел то, что не получилось у Бориса Годунова — разыскал очень многих членов Команды.

— Что за бред с фальшивыми телеграммами?

— Об этом потом. Долго ли, коротко ли, я узнал все про сеть под началом Экстро, а также о профессоре Угадае и чертовом сумасшедшем заговоре против человечества.

— Значит, Команда в курсе событий.

— Более или менее. Самые достоверные сведения я получил от Поулоса.

— А он где? Тоже бессмысленно мечется по планете?

— Нет, он занят поисками изменника в на-

ших рядах. Да-да, Грек рассказал мне о своих подозрениях, и я склонен согласиться с его предположением. Заваривается крайне неприятная каша. Последствия могут быть роковыми. Предателя или предательницу следует уничтожить до того, как он или она уничтожит Команду. Никто из нас не способен в одиночку противостоять предателю — я думаю, именно поэтому он предпринял все возможное, чтобы рассеять нас по миру — и перебить по одному.

— Как тебе кажется — кто это?

— Никакой зацепки. У нас, как в каждой семье, не без урода. В нашей Команде процент паршивых овец не больше, чем в любом другом стаде. Выбор имеется.

— Один интересный момент. Эпизод с марками свидетельствует о том, что Экстро иногда способен дать маху, — эти блоки по шесть и шестнадцать…

— Ну, я думал, что ты. Гинь, не относишься к слепым почитателям компьютеров. Да, они способны совершать ошибки — равно как и этот поц, профессор Угадай. Даже при взаимодействии Экстро и профессора возможны ошибки — на этом мы и подловим омерзительную троицу. Что думаешь. Гинь? Сумеем мы найти Угадая — через

ошибки преступного триумвирата?

— Ума не приложу. Гили. И не хочу прикладывать. У меня душа в пятки уходит, когда я начинаю думать о всей этой катавасии.

— Мы должны атаковать в трех направлениях — зная, что профессор Угадай прячется где-то на Земле со своими чертовыми криокапсулами.

— С таким же успехом он может быть в космосе.

— Ни в коем случае.

— Твои доводы?

— После того, как аппарат убил бедную девочку, профессор Угадай вывел его за пределы Лаборатории. Гарри Гудини и Джимми Валентайн уехали, а ты был в полном шоке. Так что никто не проследил, куда исчез аппарат.

— Почему же не в космос?

— Да потому что у Угадая не было в тот момент ракеты, чтобы запустить аппарат в космос! Но на вспомогательных двигателях аппарат мог улететь довольно далеко — и сесть в неизвестной точке Земли. Теперь касательно атаки в трех направлениях. Миссис Курзон, вы начнете повсюду расспрашивать о местонахождении своего знаменитого и именитого брата. Вы его любите и взволнованны его исчезновением. Это выглядит

естественно.

— Но я действительно любить брата и волноваться его нету!

— Не сомневаюсь — как и в том, что вам удастся переполошить уйму народу. Вы должны так донимать ученый мир и власти своей обеспокоенностью, чтоб все прятались при одном упоминании вашего имени. И постоянно шлите Гиню отчеты о ходе поисков.

— А если не иметь результата?

— Тогда пускайте в ход свое воображение. Шлите ложные телеграммы: дескать, иду по следу, вот-вот найду и тому подобное. Все ваши исступленные действия будут доходить до сведения вашего брата — через электронную шпионскую сеть. Вполне вероятно, что рано или поздно его сердце не выдержит и прикажет ему подать вам весточку.

— Понимать. Я надеяться будет так.

— Гинь, тебе задание технического характера. Сколько горючего было в аппарате? Как далеко он мог улететь? Ты должен…

— Полные баки сжатого гелия.

— М-м… Но лучше ты точно рассчитай. И внимательно просмотри все отчеты военных и уфологов — космические аппараты не летают

почем зря в нижних слоях атмосферы. Кто-то мог зафиксировать пролет необычного объекта. Далее. Профессору Угадаю необходим источник энергии для поддержания в аппарате нужного давления и температуры. Если он в укрытии — а он, скорее всего, в укрытии, — то солнечные батареи бесполезны. Значит, он подключился к какой-то сети. Проверь все позднейшие запросы о подключении нового объекта к источникам электроэнергии в радиусе возможного нахождения аппарата. Объем работы огромный. А вот маленькая, по вредная проблема: что, если крионавты станут взрослыми только телесно, а умом останутся как дети?

— Боже! Никогда не задумывался над этим.

— И никто над этим еще не задумывался.

Натома вмешалась в наш диалог:

— Борис говорить мы: он снова родиться со всеми навыки после слонирование ТНК.

— После клонирования ДНК, моя дорогая.

— Спасибо, Хинь.

— Это разные вещи, миссис Курзон, — сказал Гилель. — Угадаю придется обучать их — прежде всего говорить. Поэтому свяжись со всеми специалистами по методике обучения речи детей с замедленным развитием, страдающих острыми

формами аутизма. Проверь, не обращался ли к ним в последнее время некий инкогнито — за литературой или за советом. Понимаю, исходное предположение спорно и этот путь может вести в тупик. Однако…

— Будем пробовать все. А третье направление поиска?

— Этим займусь я. Пожалуй, это самое сложное. Во время эпопеи с фальшивыми марками я трижды возвращался в Джи-Эм,[15] то есть в бывший Детройт, и меня трижды всеми правдами и неправдами оттуда незамедлительно гнали в другое место. Почему им так хотелось, чтобы я и дня там не провел? Возможно, и это совпадение, но надо копнуть поглубже.

— Как ты полагаешь. Угадай — настоящее чудовище?

— Нет, нет и нет. Экстро и предатель — вот настоящие монстры. К сожалению, нам придется начинать контратаку через Угадая, который просто мальчишка-проказник рядом с ними.

— Хорош озорник!

— И все же повторяю: он не злодей, а зарвавшийся мальчишка. Фанатик-ученый, столкнувшийся

---

[15] Notes: 15
Имеется в виду компания «Дженерал Моторс».

с открытиями, от которых дух захватывает, — ну и закружилась у парня сдуру голова, как у впервые влюбленного мальчишки. Я его не слишком виню.

— И как ты планируешь поступить с Угадаем?

— Отрезвить каким-то образом. Ведь в общем и целом он неплохой человек. В данный момент он бельмо в нашем глазу, но изменятся обстоятельства — и он перестанет представлять угрозу. Прибережем главные свои силы для борьбы с подлинными носителями зла — с Экстро и предателем из наших.

— А эта парочка тоже живет в тесном симбиозе?

— Кто знает. Теперь, увы, хватит прохлаждаться — пора за дело. Каждый будет действовать независимо от другого. Амуры, Гинь, придется оставить на потом. Извините, ребятки, вы свой медовый месяц отгуляли. И, кажется, неплохо. Запомните: постоянно обменивайтесь телексами и радексами, но это будет только камуфляжем — ни одному слову в этих посланиях не верьте. Просто игнорируйте их содержание.

— А что, если…

— Никаких «если». Ты сам сказал Борису, что война пойдет всерьез. Так оно и есть. Поэтому лги-

те друг другу по каналам связи. Лгите изощренно. Доводите ложь до абсурда — чтобы электронная сеть заподозрила наличие секретных кодов и теряла время на их разгадку. И не забывайте, что электронная система в свою очередь будет фабриковать ложные сообщения, чтобы сбить вас с толку. Словом, не верьте ничему и неумолимо продолжайте свои поиски. Каждому из нас придется работать самостоятельно, в полной изоляции. Ясно?

— Так точно, сэр.

— Отлично. Я ухожу, вы уезжайте через полчаса после меня. Было очень приятно познакомиться с вами, миссис Курзон. И не забудь подобрать своих курочек, Гинь.

— А ты не забыть, что Секвойя есть мой брат, — сказала Натома ему вдогонку.

Гилель обернулся и сказал с улыбкой:

— Еще важнее то, что он член нашей Команды, миссис Курзон. Мы особое братство. Если сомневаетесь, пусть супруг расскажет вам о том, что мы пережили с лающим Кафкой. И все-таки руки у нас не опустились.

С этими словами он удалился. Голова! И живой как ртуть.

— Лаючим? Кафкой? — переспросила Натома.

— Есть у нас товарищ — воображал себя колонией тюленей. И все лаял по-тюленьи… Слушай, ты выдержишь эту бетонную глыбу, что легла тебе на плечи?

— На наши плечи, — поправила меня моя женушка.

Как и договорились, мы подождали полчаса, и я не забыл собрать убитых курочек.

ШЕСТИФУТОВЫЙ ЛЕМУР НАЙДЕН НА МАДАГАСКАРЕ. ЖИВОЕ ИСКОПАЕМОЕ. УВЕДОМЬ ОБ ЭТОМ СВОЕГО БРАТА. НЕМЕДЛЕННО.

ПО СЛУХАМ, СЕКВОЙЯ НА АСТЕРОИДЕ ФЕТИДА.

ТЕЛФОРД ГОВОРИТ, ЧТО ТВОЙ БРАТ РАБОТАЕТ НАД ЛЕКАРСТВОМ ПРОТИВ АСТМЫ У КУЗНЕЧИКОВ. ПРАВДА ЛИ ЭТО? ЕСЛИ ОН НАЙДЕТ ХОТЬ ОДНОГО КУЗНЕЧИКА С АСТМОЙ, НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ ЕМУ ОБЕСПЕЧЕНА.

СООБЩЕНИЕ ЛОЖНОЕ. Я СЛЫШАЛА, ЧТО ОН СТАЛ ЖРЕЦОМ КУЛЬТА ИНКОВ В МЕХИКО.

ЭДИСОН СООБЩАЕТ, ЧТО ТВОЙ БРАТ НАХОДИТСЯ

НА ОРБИТЕ С КРИОКАПСУЛАМИ. ГОВОРИТ, ЧТО УГАДАЙ ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ КАК ОБЕЗЬЯНА В ДЖУНГЛЯХ. НЕ ВЕРЬ ЭДИСОНУ.

СЕКВОЙЯ НАХОДИТСЯ НЕ В МЕХИКО. ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ В ПРОКТЕРЕ И ГЭМБЛЕ?

ОЧЕВИДНО, ОШИБКА ПРИ ПЕРЕДАЧЕ СООБЩЕНИЯ.

Я НАХОЖУСЬ НЕ В ПРОКТЕРЕ И ГЭМБЛЕ. А В ПРОКЛЯТОМ ГАМБУРГЕ. ТВОЙ БРАТ ГДЕ-ТО ПОБЛИЗОСТИ, НО ПАКОВЫЕ ЛЬДЫ ЗАТРУДНЯЮТ ПОИСК.

СРОЧНАЯ. ПРИЕЗЖАЙ НЕМЕДЛЕННО. СЛОМАЛА БЕДРО НА ГАРБО.

МОИ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ. ЖАЛЬ, ЧТО НЕ ОБА. ЕДУ В САН-МИГЕЛЬ, ГДЕ УВИЖУСЬ С СЕКВОЙЕЙ. ТВОЙ ДУШЕРАЗДИРАЮЩИЙ.

ИМЕЮ ЧЕСТЬ ПРОСИТЬ РАЗВОДА. ИСКРЕННЕ НЕ ТВОЯ.

ВЫСТУПАЮ С ВСТРЕЧНЫМ ИСКОМ ПО ФАКТУ ПРЕСТУПНОЙ ФЛЕБОТОМИИ МЕЖДУ ТОБОЙ И ТВОИМ БРАТОМ. КАК ТЫ МОГЛА СЛОМАТЬ БЕДРО НА ГАРБО?

НЕ НА ГАРБО А НА ДИТРИХ. И НЕ БЕДРО СЛОМАЛА, А КАЙФ.

ТВОЙ БРАТ УТВЕРЖДАЕТ. ЧТО СПРЯТАЛ КРИОКАПСУЛЫ В НАДЕЖНОМ МЕСТЕ, НО НЕ ГОВОРИТ, ГДЕ. ТЫ, СЛУЧАЙНО, НЕ В КУРСЕ?

У МЕНЯ РОМАН С ОПОЯСЫВАЮЩИМ ЛИШАЕМ. НАСТАИВАЮ НА РАЗВОДЕ ИЛИ НА ТВОЕМ САМОУБИЙСТВЕ. МОЙ БРАТ НИЧЕГО НЕ РАССКАЗЫВАЕТ.

СРОЧНАЯ.
СООБЩИ СЕКВОЙЕ О НАХОДКЕ ЕЩЕ ОДНОЙ ЖИВОЙ ОКАМЕНЕЛОСТИ НА ГРЕНЛЯСКЕ. ДИНОЗАВР-ГЕРМАФРОРДИТ.

СРОЧНАЯ. ВЫШЛИ ДЕНЕГ. ПОЧТОВАЯ КОМПАНИЯ
ПРИСЛАЛА СЧЕТ НА 1110110011 МИЛЬ ТВОИХ ТЕЛЕГРАММ.

НЕВОЗМОЖНО. 1110110011 МИЛЬ — РАССТОЯНИЕ ДО СОЛНЦА. НЕ ХОЧЕШЬ ЛИ ТЫ СКАЗАТЬ, ЧТО ТВОЙ БРАТ НАХОДИТСЯ ТАМ?

УТОЧНЕНИЕ.
НЕ МИЛЬ, А КИЛОМЕТРОВ.

ПОВТОРЯЮ: ХОТЬ И КИЛОМЕТРОВ, НО ДО СОЛНЦА. ТВОЙ БРАТ НА ОРБИТЕ ВОКРУГ ЗЕМЛИ ИЛИ ГДЕ?

УТОЧНЕНИЕ:

Я ИСПОЛЬЗУЮ ДВОИЧНЫЙ КОД ВМЕСТО ДЕСЯТИЧНОГО. ЦИФРЫ ЧИТАТЬ КАК 947 МИЛЬ. СЕКВОЙЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НА ОКОЛОЗЕМНОЙ ОРБИТЕ.

Гилель был прав, как всегда. Электронная сеть Экстро творила разные пакости: искажала сообщения, посылала фальшивки, вносила запутывающие уточнения. Но я упрямо следовал плану, который выработал наш Хитрец. Я определил, что в баках аппарата было достаточно топлива, чтобы долететь до Хьюстона или Мемфиса, Дулута или Торонто. И с радиусами на карте возиться не стоило — десятки уфологов зафиксировали появление НЛО в дюжине штатов на континенте. А также на Гавайских островах. Было от чего растеряться.

Столь же плачевны были результаты и другого моего расследования. Беседы с дюжиной специалистов Привели меня к выводу, что компании по производству электроэнергии давным-давно отчаялись фиксировать все кражи энергии. Дешевле списывать потери, чем проводить расследования по каждому случаю.

Но вот что касается курсов по методике обучения страдающих аутизмом — тут дело, кажется, выгорало. Верная получилась ниточка. Я выяс-

нил, что центр психологических исследований в Тщикаго завален заказами на литературу по обучению детей с замедленным развитием, не идущих на контакт с внешним миром — то есть страдающих аутизмом. Заказчиком была некая группа, называющая себя Новейшая Школа. По видеотелефону служащие Центра решительно отказались дать мне координаты Новейшей Школы — что вполне понятно. Факт необычной анонимности заказчика столь невинных пособий только усугубил мои подозрения, что это Гайавата и тройка его размороженных гомосбиянок. Следовало ехать в Тщикаго, чтобы на месте всеми правдами и неправдами выцарапать нужную информацию.

Но на протяжении моих розысков я все яснее сознавал, что у меня на хвосте сидят. Пока я охотился за Вождем, кто-то охотился за мной. Началось с почти невинных шалостей. Меня донимали оптовые продавцы компоста — якобы я где-то дал объявление о закупке большого количества сухого навоза. Посыльные приносили свадебные торты и цветы, которые я, естественно, не заказывал. Из магазинов доставляли кровати, одежду, мебель, алкоголь, средство от тараканов и грыжевые бандажи — и всякий раз грузчики

или посыльные вспоминали недобрым словом всех моих родственников, когда я решительно отказывался и начинал лепетать что-то о недоразумении. Затем я стал получать по почте бредовые счета от докторов — то за акупунктуру, то за ампутацию половых органов, то за лечение от сифилиса. Одновременно приходили запросы на подтверждение заказа билетов на Венеру, Марс или Юпитер — и все бизнес-классом!

Но это были только цветочки. Людям свойственно поклоняться электронному разуму — они относятся к компьютерам с восторженным слепым доверием. При столь благоприятных условиях бунт компьютеров становится сущим кошмаром. Когда люди слепо доверяют электронным машинам, те могут совершенно распоясаться, потому что никому не приходит в голову, что они способны ошибаться или нарочно портачить.

Против меня было возбуждено шесть уголовных дел Генеральным Электронным Прокурором. Затем по каналам Межпланетного Телеграфного Агентства прошло сообщение о моем самоубийстве. После чего при первой же покупке компьютер конфисковал как поддельную мою кредитную карточку, которая одновременно бы-

ла удостоверением личности. Теперь я числился среди покойников. Космополит без имени. Нуль перед законом.

Семь банков и брокерских домов, где находились все мои миллионы, прислали уведомления, что я задолжал им большие суммы денег. Так что выплаты по любым моим денежным обязательствам прекращены. Я мигом стал банкротом. Затем мой дом — бывший вигвам Секвойи — сгорел дотла. Я ждал чего-то в этом роде и заранее все ценности отвез в специализированную фирму на сохранение. Часть этих ценностей была украдена, остальные погибли при взрыве охраняемого склада. Когда мой вигвам сгорел, я примчался на пожарище с другого конца города и целую ночь копался в пепле, пытаясь хоть что-то найти — на память. Безрезультатно. Там уже побывали грабители, оставив кучки экскрементов и выронив в спешке странное оружие — короткий кинжал с широким лезвием и заостренным концом. На ручке были нарисовано что-то вроде буквы «Н» — две линии, пересеченные третьей. Я сунул кинжал в свой сапог. Быть может, со временем он поможет мне найти грабителей и хоть что-нибудь из украденного.

В ту страшную ночь я бы отказался от даль-

нейшей борьбы, если бы не мысль о презрении, которым меня обольют Гилель и Натома, когда узнают о моем малодушии. Поэтому на следующее утро я решил вернуться в Тщикаго. Однако самолет, в который я сел, был захвачен террористами и посажен в городе Каннибал, штат Миссури. Там представители авиакомпании рассыпались в извинениях перед пассажирами. Нас посадили в самолет, следующий специальным рейсом в Тщикаго. Но электронный автопилот что-то там напутал, и мы приземлились в Дулуте. Опять служащие авиакомпании изощрялись в извинениях и переводили пассажиров на борт другого лайнера.

Но на этот раз Гинь проявил смекалку. Стало быть, меня хотят держать подальше от Тщикаго? Ладно. Я купил билет на челнок до Буффало — и электроника милостиво дозволила мне доехать туда без приключений.

И вот я оказался у дальнего конца резервации Эри — и мог передохнуть. Тамошние ворота охранял один из моих тотемических братьев, бывший у меня на свадьбе, — он узнал меня, заулыбался, четырежды постучал кулаком по кулаку, посадил меня в вертолет и доставил в мраморный викиап Угадая.

Должно быть, вид у меня был еще тот. Мамочка лишь раз взглянула на меня, прижала к своим сдобным телесам и залилась слезами. Она раздела меня

— как куклу, выкупала, уложила в постель, стала нянчить и кормить всякими кашками. Прошло совсем немного времени, а я ободрился, на щеках у меня опять заиграл румянец. Подобной заботливой мамочки у меня никогда не было. Я прикипел к ней всем сердцем. Часом позже появился державный папочка в сопровождении головастого карлика, похожего на сказочный персонаж.

Карлик представился:

— Я профессор Ларсен. Преподаю лингвистику в университете. Надеюсь, вы не больны, мистер Курзон?

— Просто устал, полностью вымотался.

Ларсен поговорил с папочкой на черокском языке, затем сказал мне:

— Вождь осведомлялся, как дела у его новоприобретенного сына. Я ответил, что вы очень утомлены.

Папочка удрученно поцокал языком, потом еще что-то спросил. Ларсен перевел.

— Теперь Вождь желает знать о своем сыне и

дочери.

— Насколько мне известно, оба более или менее живы-здоровы.

— Звучит как-то двусмысленно, мистер Курзон.

— Согласен, профессор Ларсен, но действительное их положение настолько запутанное, что мне придется до вечера объяснять, что к чему. Поэтому скажите коротко: живы-здоровы и счастливы.

Карлик переговорил с папочкой, потом спросил от его лица:

— Почему вы приехали без них?

— Скажите, что я как раз еду на встречу с ними.

— Они вас пригласили?

— В некоторой степени да.

— Опять двусмысленность, мистер Курзон.

— Это часть уже упомянутой сложности. Я хотел бы занять некоторую сумму денег.

— Вы же известны как миллионер, мистер Курзон. Разве это не так?

— Я и есть миллионер. Но тут опять слишком сложно объяснять.

— Хотел бы я узнать детали этой запутанной ситуации! Просто умираю от любопытства. Извините. — Профессор передал мои слова дер-

жавному папочке. Тот пространно ответил. Ларсен обратился ко мне: — Вождь сказал: несомненно. Он готов одолжить вам денег. Сколько вам нужно?

— Сто тысяч.

У Ларсена челюсть отвисла. Зато папочку сумма нисколько не смутила. Он ответил спокойным кивком, и я полюбил его пуще прежнего. Великий Вождь вышел на минуту из комнаты и вернулся с десятью пачками золотистых банкнот

— в каждой по десять тысяч. Он положил их на столик у изголовья постели, а сам присел на кровать возле меня, ласково заглянул мне в глаза, положил руку мне на голову и что-то тихо пророкотал.

— Вождь говорит, — перевел Ларсен, — что, невзирая на ваш усталый вид, супружеская жизнь с его дочерью, похоже, пошла вам на пользу.

— Скажите ему, пожалуйста, что его дочь стала еще краше, чем прежде.

— Я не стану переводить, мистер Курзон. В резервации не принято восхищаться красотой своей скво.

— Спасибо, профессор Ларсен. Тогда скажите ему, что Натома удивительно работящая.

— Это ему придется по душе.

В этот момент дверь распахнулась, и в викиапе появилась работящая скво собственной персоной — она ворвалась как растревоженная богиня. Впрочем, многие ли богини так элегантны и грациозны, как моя женушка?

Она бросилась ко мне.

— Что такое. Хинь? Что случиться? Ты болеть? Почему на кровать? О, я тебя задушить? Где ты быть? Куда ты направляться? Ты знать, что я приезжать? Как ты узнать? Почему ты молчать?

Когда она отпустила меня и я смог вздохнуть и что-то сказать, я ответил на тысячу ее вопросов встречным вопросом: что она здесь делает?

— Я не мочь не приехать, — сказала Натома. — Я хочу взять в Эри новый запас здравый рассудок. Я видеть мой брат. И я очень бешеный!

Мне до смерти хотелось узнать подробности, но на разговоры времени не оставалось — наступил священный час трапезы. Папочка, профессор, малолетние братья и я сидели за столом, а мамочка и Натома подавали кушанья. Моя несравненная женушка сочла своим долгом вернуться ко всем традициям резервации. На ней был наряд из оленьей шкуры, она скромно потупляла мордашку и исправно краснела, когда малолетние бутузы отпускали шуточки по поводу интимной жизни

молодоженов, которые Ларсен решительно отказывался переводить.

После трапезы я сделал ей знак, что приглашаю на вечернюю прогулку, она согласно кивнула, но жестом попросила обождать: ей — вместе с мамочкой

— предстоит перемыть посуду. Когда Натома наконец окончательно освободилась и мы вышли из викиапа, она скромно следовала за мной, отставая на три шага, как и положено по обычаю. Лишь когда нас больше не было видно из викиапа, она кинулась мне на шею и чуть не повалила меня на землю.

— Я любить тебя. О, как я любить тебя! Я любить тебя, даже если ты омерзительный. Ведь ты освободить меня от Эри!

— Ну, ты бы, милая, и без меня вырвалась из плена традиций и обычаев.

— Как? Я никогда не знать, что есть другой мир. Нет, ты эмансипировать меня и теперь я весь твой.

Любопытное явление. Она еще вполне безграмотно говорит на двадцатке, но слово «эмансипация» уже проникло в ее словарь!

— И я весь твой, — сказал я. — Наша любовь и преданность взаимны.

Она привела меня туда, где любила прятаться в детстве — к высоченному ливанскому кедру. Мы залезли повыше и, укрытые его листвой, сидели рядышком, взявшись за руки, не боясь осуждающих взглядом эрийских замшелых консерваторов.

— Кто рассказывать первый? — спросила она.

— Ты.

— Мистер Гилель быть прав. Мой брат найти меня.

— Где он тебя нашел?

— Бокстон.

— Я и не подозревал, что ты там.

— Машины держать нас отдельно. Ты и я.

— Верно. Ну и что произошло между вами? Он пытался развеять твою тревогу?

— Нет. Я бояться Секвойя. Он не просто дурной мальчик. Он есть холодный. Совсем холодный. Нет сердца.

— О-о!

— Он больше не быть мой брат.

— Сейчас — да. Но снова станет твоим любящим братом, когда все это наваждение закончится.

— Он сказать мне, что растереть по стенка весь род человеков, что человеки напрашиваться на беда много, много тысяч лет. Будет смерть и

уничтожать. Никакой пощады.

— Боже мой! Нет сомнений в том, что у нега и электронной сети слово с делом не разойдется!

— Он приказать мне идти в Эри, где я быть в безопасности. Сеть не проникать в резервация. И еще несколько мест, куда она не проникать. Сахара, Бразилия и… и… Я забыть, потому что не слушать.

— Почему?

— Я выйти из себя. Я сказать ему… Почему ты смеяться?

— Да просто я знаю, какая ты, когда взбесишься.

— Я сказать ему, что он есть изменник меня, своя семья, свой народ и весь прекрасный мир, который мне показать мой муж.

— О-ля-ля! Ты действительно раскипятилась.

— Я сказать ему, что я не быть больше скво. Мой муж сделать из меня независимый персона, который уметь думать сам, и я будет делать все возможное, чтобы его останавливать и наказывать, даже если нужно ополчать на него все племена и народы Эри. Если мы мочь побивать интернациональный мафия, то мы легко побивать и его подлый друг компутер.

— Молодец, Натомочка, здорово ты ему вре-

зала! А если рассуждать спокойно — племена и народы Эри действительно могут помочь в нашей борьбе?

— Обязательно. Мы жить много поколений без электроника, за ограда, и иметь только самое нужное. Поэтому компутер не мочь обманывать индейцы. Они его презирать. Наши мужчины рваться в бой.

— Неужели их не смущает, что придется выступить против сына великого вождя?

— Они не будет его убивать. Они просто положить его на решетка и медленно жарить, пока он не приходить в разум. Сейчас он очень холодный. Немного горячо ему помогать.

— Ты упомянула в разговоре с ним наше основного изменника — предателя из Команды?

— Нет.

— Ну и как он реагировал на твою вспышку?

— Никак. Он повернуться и уйти, как будто я был часть мебели.

— И куда он направился?

— Натома не знать.

— Обратно к своим криокапсулам?

— Натома не знать. Он уйти, и я вернуться в Эри.

— Правильно. Здесь ты и останешься.

— Нет.
— Почему это «нет»?
— Хочу быть с тобой.
— Натома!
— Эдуард!

Тут мы так повздорили, что в итоге чуть не ссыпались с ветки. Я исступленно перечислял все смертельно опасные подлости, на которые способно чертово электронное братство. Никакого результата. Когда я рассказал, что вигвам сгорел, а от роскошного севрского сервиза остались одни черепки, она и бровью не повела. Натома только еще больше насупилась и выразила еще большую решимость идти до конца. Она так трогательно походила на меня былого — когда я был горяч и в трудных ситуациях поступал по принципу или грудь в орденах, или голова в кустах. Так что я в итоге сдался. Я же говорил, что моя черокская женушка приворожила меня — они, индеанки, это умеют.

И моя умница сумела перехитрить коварную электронную мафию. Мы-таки пробились в Тщикаго. Сперва мы направились в Буффало, оттуда в Питтсбург, из Питтсбурга в Чарлстон. Затем мы намеревались добраться до Спрингфилда, сесть там в машину на воздушной подушке и мигом

домчаться до Тщикаго. Однако кто-то напортачил с билетами, и на чарлстонской челночной станции у нас возникли трудности перед самым вылетом. Натомин испангль был не лучше двадцатки, поэтому я оставил ее в челноке и сам пошел разбираться с претензиями.

Я заспорил с хамоватыми клерками, которые пытались доказать мне, что компьютер никогда не ошибается и наши билеты не оплачены. Этих придурков не переубедишь, а потому я швырнул им тысячную банкноту и потребовал новые билеты — только быстро. Пока я ждал, сработала автоматическая система отправления и челнок поднялся в воздух. Когда он был метрах в тридцати от земли, полыхнуло пламя и взрыв расшвырял по небу осколки аппарата. Часть осколков проломила стену аэропорта. Похоже, что-то ударило меня по голове, и я потерял сознание.

11

Его настоящего имени никто не знал, да и не спрашивал. В уголовном мире не принято интересоваться именами. Все звали его Капо Рип. Капо — слово итальянское и значит «начальник» или «голова» (в смысле башковитый). Кто он и откуда — про то никто не знал. Его звезда взошла мгновенно — за пару-тройку недель. Ходила дюжина баек про его прошлое, но их автором был он сам, а потому в эти истории мало кто верил, зная его репутацию отъявленного вруна. По одной версии он вырос в сиротском приюте (тогда как подобные заведения упразднили больше ста лет назад). По другой — он вырос в уличной банде, а потом был усыновлен интернациональной мафией. По третьей — он был сыном гориллы, искусственно осемененной человеческой спермой. Капо Рип отличался поразительным хладнокровием, равнодушием к женскому полу, как, впрочем, и вообще к общению. Друзей у него не имелось, да он и не стремился к дружбе. Не человек, а глыба льда. Зато память у него была — упаси Господи; побеждал в любых азартных играх, где возможен

просчет в уме, и поэтому играть с ним садились только лопоухие новички, а в игорные дома его попросту не пускали — он мог разорить любое заведение.

Однако умение мгновенно просчитывать варианты удерживало Капо от убийств. Убить ему было — раз плюнуть, но счетная машина под его угрюмо наморщенным лбом заранее просчитывала неприятности и подсказывала: овчинка не стоит выделки.

— Я прочел в одной умной книжке, что вероятность сесть на электрический стул за убийство шесть к пяти. А я не играю, когда вероятность меньше, чем шесть к пяти — в мою пользу.

Да, как ни странно, Капо Рип умел читать. Он не заключал пари даже тогда, когда вероятность выигрыша была пятьдесят на пятьдесят. Он тщательно следил, чтобы перевес был всегда на его стороне и допускал только оправданный риск.

Это свойство характера сделало его идеальным преступником, кумиром уголовного мира. Он занимался только благородными делами: кражи, ограбления, вымогательство, шантаж, подкуп чиновников. И пользовался, соответственно, огромным уважением. Прежде всего потому, что преступный мир неоднократно убеждался в его

честности: никогда не «кинет», обязательства выполняет в срок и в точности, от данного слова привычки отпираться не имеет. Не то чтобы он был благороден — ни стыда, ни совести у него не было. Просто Капо понимал, что себе дороже обманывать. Вероятность расплаты шесть к пяти. А это неоправданный риск. Доверие покупается только четностью, и он был поневоле честен.

Жил Капо Рип скромно — по отельчикам, по меблирашкам, по разным волчьим норам, а порой и в задних комнатах игорных домов — если давал обещание держаться подальше от карточных столов. Оружия с собой никогда не носил, хотя при случае не раз проявлял себя хладнокровным бойцом, когда его провоцировали на мордобой. Он не любил подобные разборки — тут никогда шансы заранее не просчитаешь. Но некоторые крутые ребята сами лезли на рожон. Тогда он успокаивал их своими кулаками-молотами. В преступном мире было распространено мнение, что он при желании мог бы стать чемпионом мира по боксу в полусреднем весе.

Капо Рип был окружен таким почитанием, что вокруг него уже через месяц после его появления из ниоткуда как-то незаметно сгустилась свита из добровольных льстецов и прихлебателей. В

нее входили люди с кромешно темным прошлым, но услужливые, полезные в быту. Среди них была и его фаворитка, которая прибилась к стайке неизвестно откуда, да так и осталась — никто не приглашал, но и никто не гнал. Она хранила ему верность и любых ухажеров отшивала. Неоправданный риск для нее. Себе дороже связываться с уголовной швалью или с матерыми убийцами.

В деле Капо Рип отличался редкой изобретательностью. Несколько примеров. Брокерский Биржевой Дом превратили в настоящую крепость — окружили здание рвом с зыбучими песками. По завершению рабочего дня подъемный мост поднимали. А крыша — мало того, что ее держали под напряжением, — была утыкана острыми кольями разной длины, так что ни один аппарат на нее опуститься не мог. Капо Рип спокойненько рассыпал по зыбучему песку сухой лед, прошел по новосозданной дорожке и обчистил сейфы ББД, чего не удавалось сделать никому за последние несколько десятилетий. А внутренние коды и запоры он преодолел благодаря взятке, данной служащему ББД, знавшему «подвижную» систему безопасности. После очередной смены системы кодов, он передал их Капо Рипу по компьютерной связи — морзянкой, так что встроенные програм-

мы безопасности не сработали. Капо Рип сорвал огромный куш.

В другом случае Капо Рип обратил внимание, что пятидесятилетняя жена губернатора, мелькающая в теленовостях, становится с каждым разом все моложе и моложе. Волосы пушатся и блестят, кожа так и светится и становится как шелковая. Рип сперва занялся сотрудниками губернатора. Обратил внимание на ослепительно красивую юную секретаршу. Затем проверил все салоны, где делали пластические операции. Жена губернатора туда не обращалась. Секрет ее омоложения оказался прост — побочные результаты медленного отравления мышьяком. Капо Рип вышел на губернатора — и тот заплатил, потом заплатил еще и еще.

А вот еще случай. Под видом настройщика роялей Рип явился к знаменитому, но предельно осторожному коллекционеру. Он перевернул весь дом в поисках уникальной статуэтки из России — пятнадцатисантиметровой фигурки богини, которую Фаберже вырезал из крупнейшего в мире изумруда. Безрезультатно. Тогда он вернулся с компасом — и обнаружил статуэтку в стальном ящике, вмурованном в стену. Затем Капо Рип продал трясущимся от радости коллек-

ционерам семь копий статуэтки, изготовленных из синтетических изумрудов. После чего анонимно вернул подлинник владельцу. Преступный мир обожает подобные истории.

В промежутке между крупными операциями он ни дня не сидел без дела — развлекался мелочами: шантажировал политиков, выкрадывая их истории болезни; воровал радиоактивное сырье для малых стран, грабил молодоженов в свадебных путешествиях, строил дома на разведенном цементе, собирал деньги на экспедиции по поиску Атлантиды и снежных людей, затевал продажу участков в Антарктиде и так далее. Вообще, он отличался неуемной энергией. Всегда был при деле. В преступном мире полагали, что он зашибает не меньше миллиона в месяц.

О своих подвигах Капо Рип предпочитал не распространяться. Не любил рекламы. И требовал молчания от своей свиты. Те осмотрительно помалкивали. Что узнавалось, то узнавалось не от его сотрудников. Сколько не подкатывали к ним заправилы преступного мира — ни подкуп, ни вино, ни наркотики, ни шантаж не развязывали их языки. Впрочем, серьезно тряхнуть их никто не решался — кому же хочется нажить врага в лице Капо Рипа.

Уголовный мир загудел, когда Капо Рип в один прекрасный день исчез — вместе со своей шайкой-свитой. Пошли на какое-то дело — и не вернулись. Кой у кого мелькнула кощунственная мысль — уж не замели ли Капо Рипа? В это не верилось. Свои люди в полиции докладывали: не арестован. Отвалили куш главному риповскому адвокату и поверенному в делах — тот сказал, что Капо на связь с ним не выходит. Словом, прославленный Капо Рип улетел в небо святочной ракетой, вспыхнул ярким сиянием славы — и бесследно пропал.

А тем временем сам Рип сидел в кресле. Кресло странно раскачивалось. Привязан он был крепко — не раз проверял. Поблизости шнырял незнакомый брюнет, который непрестанно омерзительно щерился в улыбке и называл его Великий Капо. Тут же была и его любовница, которая пробовала кормить Рипа с ложечки. Рип отвел душу тем, что выплюнул кашу ей прямо в лицо.

Он ума не мог приложить, что это за место, куда его доставили. Похоже, просторная комната. Из конца в конец расхаживает чертова уйма докторов и медсестер, которые оживленно перебрасываются всякими учеными словечками, вроде «лигаментум крусиатум крурис», «желу-

дочные неврозы», «тремор ануса», «грыжа левой пятки» и тому подобное. Не будь он привязан к креслу, Рип полез бы на стенку от этих ученостей. Понятен был лишь один молодой хирург, который страдал ликантропией, — то и дело у него случались приступы, когда он воображал себя волком, накидывался на визжащих медсестричек и кусал их за ягодицы. Брюнет и подлая баба, которая норовила накормить его кашкой, не обращали ни малейшего внимания на медицинский бедлам вокруг.

— Это что — больница? — прорычал Рип.

— Нет, Великий Капо, вы видите стереопроекции сериала «Молодой доктор Маньякко». Извините, мы, к сожалению, не можем блокировать телепередачу. Просто не обращайте внимания.

При этом брюнет одной рукой взял Рипа за затылок, а другой стал запихивать ему в рот обжигающую кашу.

— Ублюдок! Ненавижу! — прохрипел Рип, мотая головой.

— Да-да, Великий Капо, не смею спорить. Кушайте, пожалуйста.

У мужчины так ничего и не вышло. За ложку опять взялась женщина.

— А ты, поганая вонючая сука! — прошипел Рип. — Это ты продала меня.

— Да, Капо, но вы пока не знаете истинной причины.

— Где я? Зачем меня сюда привезли?

— Вы на шхуне посреди озера Мичиган, — сказал вертлявый брюнет. — А зачем? Чтоб вы выкупили себя.

— Сколько?

— Не сколько, а чем.

— Не играй словами, выродок! Называй цену. Я заплачу, но тебе не жить

— запомни, ублюдок!

— Верю вам. Великий Капо, — сказал брюнет и направился к выходу. Но в последний момент повернулся и бросил: — Так значит, насчет цены. Вы должны сказать мне, где я могу найти человека по имени Эдуард Курзон.

— Кто?

— Эдуард Курзон.

— Отродясь о таком не слышал.

— Ну, Великий Капо, не становитесь в позу. При ваших связях да с таким опытом вы не могли не пересечься хотя бы раз с Курзоном. Благодаря вышеупомянутым связям и опыту вам будет нетрудно найти его для меня. И ликвидировать

— за что вы будете чрезвычайно щедро вознаграждены.

— Я не убиваю. Неоправданный риск.

— Знаю. Потому-то нам и приходится оказывать на вас деликатное давление. Вы должны найти и ликвидировать Курзона, Великий Капо!

— Почему я? Могу рекомендовать вам два десятка профессиональных убийц.

— У этих ребят нет ваших мозгов. Очень важная часть нашего договора — следы никоим образом не должны вести ко мне. Я не могу довериться никаким кровожадным придуркам. Я доверяю только вам. Великий Капо. Найдите и ликвидируйте Курзона.

— Каким образом вы выкрали меня — в разгар операции по ограблению собора?

— Все было подстроено заранее. Я, видите ли, тоже с мозгами. Не держите зла. Успокойтесь. Найдите и ликвидируйте Курзона.

— Предположим, я соглашусь. Но я же могу продать вас в любой момент — как эта сучка продала меня.

— Нет. Вы человек слова и свое обещание молчать не нарушите. Поэтому я и доставил вас сюда. Подумайте о моем предложении. Великий Капо. Когда созреете для соглашения, мы поговорим

обстоятельнее. Не верю, что имя Курзона не возникало на протяжении вашей блистательной карьеры. Напрягите память. Великий Капо. Поройтесь в своих воспоминаниях.

Курзон? Курзон, Курзон — ничего память не подсказывает… В преступном мире у него сотни знакомых. Рип стал перебирать в уме похожие фамилии и клички. Курлион. Ларри Куртейн. Курмин Слизняк. Все шваль, недостойная быть убитой…

Теперь он понимал, почему кресло раскачивается. Снаружи был шторм. Его любовница вернулась с новой порцией чего-то. Но шхуну качало так сильно, что она выронила тарелку из руки — так и не дойдя до Рипа. Ловкая, она в последний момент подхватила тарелку — как у фокусника, кусок мяса и гарнир благополучно шмякнулись обратно на тарелку. Молодая женщина лукаво улыбнулась Капо Рипу и даже весело подмигнула.

— А-ва-ва-ва! — вскрикнул я. — Это же севрский сервиз!

Она пристально смотрела на меня. Я не менее пристально смотрел на нее.

— Погодите-ка, вы ведь не моя Натома? Это же противоречит здравому смыслу. Я же видел,

как она погибла в то утро! Кто вы такая, черт побери?

Она кинулась ко мне, обняла и зарыдала, надрывно взвизгивая, как будто хирург-оборотень кусал ее за ягодицы. Наконец среди всхлипов и вскриков стали проскальзывать отдельные слова:

— Гилель! Гилель! Сюда! Быстро! Он нашел Эдуарда Курзона!

Гили съехал с палубы вниз по перилам и подбежал ко мне. Он наступил на тарелку из севрского фарфора, которую девушка, будучи в расстроенных чувствах, неосмотрительно поставила на пол. Тарелка тенькнула и разломилась под ногой.

— Привет, Гинь! — радостно воскликнул жгучий носатый брюнет. — Черт, вся нога в бобах с соусом!

— Что происходит, черт возьми? Полчаса назад я своими глазами видел, как Натома погибла в Чарлстоне. А теперь она здесь, со мной, на этой качающейся штуковине…

— Это шхуна, — сказал Гилель. — Парусная. Никаких механизмов, никакой электроники. Мы на середине озера Мичиган.

— И ты это ты, а эта красавица-Натома… Нато-

мочка, я тебя люблю, как и прежде, — с безумной силой, но не надо обнимать меня так крепко. Позволь мне вздохнуть минутку и собраться с мыслями. У меня тысяча вопросов. Во-первых, что за бред про озеро Мичиган? Оно Бог весть когда пересохло, как и озеро Эри!

— Не до конца. Осталась лужа длиной миль сто — и мы как раз посередине этой лужи, где электронные машины за нами не следят.

— Каким образом ты умудрился перенести меня сюда за полчаса. Вечный Проказник?

— Не совсем за полчаса. Потребовалось три месяца.

— Три ме…

— Видите, миссис Курзон, я же говорил вам, что у него будет полная потеря памяти.

— Не хочешь же ты сказать… что я… о, Натома, сойди, пожалуйста, с меня, я должен встать.

Они развязали меня, и я встал. Меня шатало — не только от качки. Сделав несколько неуверенных шагов, я опять сел на кресло.

— Ребята, рассказывайте все, а то у меня голова кругом идет, — взмолился я.

— Рассказывать особо нечего. Взрыв челнока и уверенность в гибели жены спровоцировали у тебя невероятной силы эпилептический припадок.

— Но я же выкарабкался?

— Да, в состоянии безумия. Эпилептическая горячка. Полная утрата памяти. Полная утрата моральных тормозов. А также утрата человечности.

— Господи! А что было потом?

— Ты стал Капо Рипом.

— Кем-кем?

— Самым подлым и хитрым заправилой преступного мира. Я бы не хотел восстанавливать в твоей памяти подробности твоей жизни в этом образе. Впрочем, мне мало что известно. А знал бы — все равно не стал бы рассказывать. Так что поставим крест на этом болезненном прошлом.

— Иными словами, я превратился в подобие низменного Секвойи.

— Не смей так говорить. Хинь!

— Теперь, Натома, я верю, что отсутствовал три месяца — как правильно ты уже щебечешь на двадцатке!.. А касательно твоего брата — правда глаза колет. Он пытался убить меня. Он пытался убить тебя. Кто, кстати, спас тебя?

— Я увидела, что ты задерживаешься, и выскочила из челнока буквально за несколько секунд до взлета. Взрывная волна контузила меня, и я потеряла сознание. К тому времени, когда меня

нашли рядом с обломками, ты уже пропал.

— А потом?

— Я взяла в резервации четырех отважных индейских парной, и мы нашли тебя в уголовном подполье. Потом я нашла в Джи-Эм с Гили и ввела в курс событий. А он устроил все остальное.

Я угрюмо зыркнул на мою верную женушку.

— Извини, но мне придется пришить твоего братца-разбойника.

— Бога ради. Хинь, не надо. Не будь больше Капо Рипом.

— Я вынужден убить твоего брата.

— Команда решительно против резни внутри нашей семьи, — сказал Гилель.

— Против? Если Угадай выпустит мне кишки, многие в Команде только радостно перекрестятся.

— А если ты убьешь Угадая?

— Еще больше народу обрадуется. Позволь полюбопытствовать — что ты намерен делать с загадочным предателем? Будешь и с ним цацкаться? Направишь его в тюрьму? Или на перевоспитательную терапию?

— Гинь, ведь это ты подарил Секвойе вечную жизнь!

— Да, тем что убил его. А теперь я свой дар забе-

ру обратно — вторично убив. — Тут я решительно ткнул пальцем в сторону Натомы. — И мне плевать, если это разрушит мой брак!

Натома, заламывая руки, повернулась к Гилелю.

— Гили, милый, помоги! — запричитала она.

— Что я могу сделать, душечка? Он осуществляет то, о чем мы говорили тогда на Пустошах. Но он прет вперед как танк. Как его теперь остановить? Сама видишь. Я никогда не думал, что он станет таким неуправляемым и кровожадным. Он пугает меня.

— Что вы мне вкололи, чтобы я вышел из кризиса и опять стал самим собой?

— Ты отстал от времени. Уколы в прошлом. Мы используем эстрогены.

— Что это за хрень такая?

— Давай поговорим начистоту, — сказал Гилель, немного заводясь. — Ты чувствуешь прилив обновления, но не советую тебе делать из меня что-то вроде боксерской груши для упражнений. Я этого не люблю. Не твое собачье дело, каким образом я вытащил тебя из горячки. Скажи спасибо — и забудь. Может, я и не могу командовать тобой, но я еще в силах не позволить тебе командовать собой! Или мы будем беседовать на

равных, или вали отсюда на все четыре стороны. Прыгай с борта и плыви к берегу.

Справедливость была на его стороне, поэтому я извинился.

— Ладно, проехали. Ты нашел Вождя?

— Да, с твоей помощью.

— С моей помощью? Ты что-то путаешь. Мои поиски были бесплодны. И где же он?

— В четверти мили отсюда. Под нами.

— Как! В озере?

— Под озером.

— Ну-ка, растолкуй.

— Электронная шайка прикладывала все силы, чтобы ты держался подальше от Тщикаго, а я — от Джи-Эм. Какая связь между двумя этими городами? Вот тут-то меня и осенило. Под Детройтом — нынешним городом Джи-Эм — начинаются сотни и сотни миль выработанных соляных шахт, которые тянутся до самого Тщикаго. Таким образом, я как бы отирался у одного конца загадки, а ты у другого. И поэтому нас обоих гнали прочь. Профессор Угадай и его гермафродиты где-то между Тщикаго и Детройтом. Возможно, прямо под нами.

— Каким образом он мог затащить космический аппарат в узкий подземный туннель?

— Суть в том, что там нет туннелей. Там, можно сказать, целые подземные проспекты.

— Неужели столько соли нужно было? Зачем?

— Одно время энергию получали, используя натрий, который проще всего производить из поваренной соли.

— А-а! И Вождь, вероятно, использует старые энергетические линии для подпитки своих чертовых криокапсул!

— Не исключено.

— Ладно, мы с тобой. Гили, на равных. Будем говорить о главном, с чего начать. Согласен?

— Да.

— Надо вычислить, где Угадай. И бросить взгляд на этого урода и его уродцев.

— Заметано.

— А убить я его успею. Заткнись, Натома! В любой работе надо поспешать медленно. Я предпочитаю оправданный риск.

— Ты словно опять Капо Рип.

— Помню я или не помню его, но часть этого Рипа должна была остаться во мне.

— И эта часть бросается в глаза.

— Будем вести поиски совместно или с разных концов?

— Разумнее — с разных концов.

— Договорились. Мне понадобится помощь. Кого ты посоветуешь? Кого-нибудь из Команды?

— Нет. Возьми одного из натоминых отважных ребят.

— А где они?

— На борту шхуны. Загвоздка в том, что они не говорят ни на одном из известных нам языков.

— Я могу быть переводчицей, — предложила Натома. Тоже отважная особа.

— Нет, — отрезал Гилель. — Ты официально умерла, и лучше тебе со шхуны не сходить, чтобы не засветиться.

— Думаю, с пониманием трудностей не будет, — сказал я. — Пока я учил ее двадцатке, она обучила меня языку жестов. Так что мы с индейцами как-нибудь поймем друг друга. Кто из них лучший разведчик?

— Длинное Копье, — ответила Натома. — Но томагавком лучше владеет Наконечник Стрелы.

— Я тебе уже сказал — пока никого убивать не будем. Пока только разведка. Помалкивай, Натома, и слушайся Гили. Когда я вернусь, мы обсудим и судьбу твоего брата, и многие другие вещи. Разве он не довел тебя до такой ярости, что ты предлагала поджарить его на медленном огне?

— Ноя…

— Объяснения потом. Гили, как по-твоему, сеть считает, что я тоже погиб?

— Очень вероятно. Ведь ты исчез сразу после взрыва.

— А как насчет этого типа по имени Капо?

— Гинь, я давно гадал, где кроется источник твоей замечательной смекалки — в сознании или в подсознании. Теперь я знаю точно. Когда твое подсознание стало полным хозяином, оно нашло самую эффективную маску и самое лучшее укрытие — маску Капо Рипа и преступное подполье. Разумеется, электронная сеть знала о существовании Капо Рипа. Она знает все обо всем. Но электронные мозги Экстро не могли связать отпетого хладнокровного преступника с мягким и добрым Курзоном.

— Мягкости во мне осталось мало.

— Может быть. Поживем — увидим.

Тут мне что-то стало не по себе. Я откинулся на спинку кресла. Очевидно, лицо у меня позеленело, потому что Гилель сочувственно улыбнулся и спросил:

— Морская болезнь?

— Хуже, — сказал я. — Намного хуже. Мне вдруг пришла в голову мысль о возможном побочном результате взрыва, после которой я ушел в

глухую бессознанку и заболел эпилептической горячкой.

— А-а, ты имеешь в виду канцелепру? Не надо понапрасну потеть от страха. Гинь. Шанс заболеть не значит неизбежность заболевания после любой стрессовой ситуации.

— Не понимаю, о чем это вы? — встряла Натома. — Что за канцелепра? Почему Гинь так перепуган?

— Он объяснит вам как-нибудь на досуге, миссис Курзон. А сейчас ему надо отвлечься. У меня тут есть занятная цацка. Сейчас покажу. — Гили достал из сундучка странный кинжал, который я нашел на пепелище вигвама. — Не подскажешь, почему ты его таскал с собой в сапоге, когда был Капо Рипом?

— Сейчас не могу вспомнить. Для безопасности, наверное. А ты что думаешь?

— Я знаю, почему ты носил его с собой. Миссис Курзон подсказала. Тебе известно, сколько он стоит?

— Нет.

— Тысячи. Это очень древнее оружие. Ему много-много веков. Антиквариат!

— Что это за кинжал?

— Древнеиндусский.

— Древнеиндусский?!

— Ну да. В который раз ты оказал нам бесценную услугу. Ты указал нам, кто изменник. Именно этот предатель выронил кинжал, когда уничтожал твой дом.

— Раджа? О нет!

— Раджа. Он единственный индус в нашей Команде.

— Это вздор. Кинжал мог выронить кто угодно. Какой-нибудь мелкий грабитель.

— Мелкие грабители не таскают с собой кинжалы, которым место в музее. Это Раджа обронил его.

— Этот кинжал мог быть украден в музее. Если он глянулся какому-нибудь преступнику, который знает толк в холодном оружии, тот не стал бы продавать его ни за какие деньги.

— А ты возьми его в руку. Что — не помещается в ладони? То-то! Эта рукоять словно на руку младенца рассчитана. А теперь вспомни, какая узкая кость у индусской аристократии. У Раджи ладошка, словно у европейского ребенка. Так что он и есть наш предатель.

— Красавец принц, утонченная натура! Но почему? Почему?

— Я с большим удовольствием задам этот во-

прос, глядя ему прямо в глаза… если доживу до этого упоительного момента. Ну а теперь — не пора ли нам начать охоту за Раджой?

— Ты прав. Натома, приведи сюда Длинное Копье. Хочу, чтоб мы оба нанесли на тело боевую раскраску, прежде чем выйти на тропу войны. Пусть при виде нас враги скукожатся от страха.

— Опомнись! Не собираешься ли ты искать Угадая, бродя по подземным пещерам площадью в сотни квадратных миль?!

— А ты что предлагаешь?

— Аппарат, который использую я. Воздухолет.

— Воздухолеты без электроники не летают. Так что эта машина меня мгновенно заложит.

— Она не в состоянии связаться с Экстро — из-под четверти мили твердой породы.

— Тогда она сообщит обо мне Угадаю.

— Каким образом? Для него Экстро такой же передатчик, каким он является для Экстро. Взаимные ретрансляторы. Раздельно они беспомощны.

— Что ж, Гили, опять ты попал в яблочко. Значит, воздухолет, с запасом провизии. При мне были наличные, когда ты меня уволок на шхуну?

— Немного. Тысяч двадцать. Мы так и не знаем, куда ты припрятал грязные барыши Капо.

— Я знаю, — сказала Натома.

— И сколько там, Натома?

— Достаточно, чтобы заплатить выкуп за Секвойю.

— Вот как. Похоже, нам с тобой предстоит горячая дискуссия… Так или иначе, двадцать тысяч пока хватит. Волоки сюда Длинное Копье, Натома. Отправляемся немедленно в путь. Ты — в Джи-Эм, я — в Тщикаго. Встретимся где-нибудь на полпути. И, Бога ради, не начинай пальбы. Запомни, хороший индеец — это живой индеец.

Гилель усмехнулся.

— Ну, теперь я слышу интонации прежнего Гиня. Он мне нравится куда больше, чем Капо Рип.

— А по мне этот парень так себе, размазня. Ладно, в — Экстро. На связь.

— На связи.

— Где Гилель?

— Где ты сам?

— Будто не знаешь! По дороге в Джи-Эм аппарат с криокапсулами постоянно переговаривался с тобой.

— Но потом умолк. Почему?

— Находимся глубоко под землей. Больше тысячи футов. Сюда твои сигналы не доходят. Так где все-таки Гилель?

— В Джи-Эм.

— Точнее.

— Не известно.

— Сеть обязана отыскать его. Он опасен.

— Это невозможно до тех пор, пока у меня нет связи с ретранслятором.

— Попробуй работать на наносекундах. Отдай нужные приказы немедленно, пока я доступен.

— Сделано. Он будет уничтожен так же, как и Курзон.

— Нет, нет, нет! Я не хочу, чтобы Курзона убили. Только нейтрализуйте. То же относится и к Гилелю. И не смейте впредь допускать самодеятельности — ни на йоту не отступать от моих команд!

— Испугал. Я неуязвимый. Что ты можешь мне сделать?

— И самоуверенный. Будет у меня время, я найду уязвимое место в твоей броне. Предупреди сеть, что ты у меня за все ответишь в случае чего.

— Они предупреждены. Они слушают этот наш разговор. И ты сам это знаешь.

— А твой новый помощник?

— Я уже сказал тебе. Он меня не способен слышать. Только я слышу его.

— Через меня?
— Ты ретранслятор.
— Кто он?
— До сих пор не знаю.
— Хорошо. Конец связи.
— Погоди. Вопрос: что такое «адабаг»?
— Хм.
— Что такое «гаебаг»?
— Хм.
— А что такое «сефкад»?
— Слушай, откуда ты это выкопал?
— От вас, профессор Угадай.
— То есть?
— Эти слова постоянно пробегают в вашем сознании. Так что же такое «адабаг», «гаебаг» и «сефкад»? Это может быть очень важно для нас. Нужно срочно узнать.
— Пусть сеть и ответит.
— Вы же сами слышали, сеть ответила: ни на одном языке таких слов нет.
— Ладно. Конец связи.
— Стоп. Всякий раз, когда вы уходите со связи, все мы становимся глухими и немыми. С этим пора кончать.
— Пока я не закончу свою работу, я не могу уделять вам много времени. Иначе голова лопнет.

Конец связи.

Мы с Длинным Копьем выглядели потрясающе. Яркая боевая раскраска делала нас незаметными среди тщикагской экзотической публики. Воздухолет мы покупать не стали — Длинное Копье просто украл двухместный тихоходный аппарат. Первым делом мы разломали панель управления и разорвали все провода. Оставили только двигатель. Теперь наша птичка не станет чирикать. Под руинами Театра Лирической Оперы мы нашли заброшенный вход в соляные копи.

Шахта была завалена всяким хламом — ее в течение века использовали как мусорную яму. Пришлось прожигать ее, чтобы добраться до штрека. Внизу тоже мусора хватало. Среди мусора я нашел исправный саксофон. Вцепился в него и проглядел редкий десятицентовик эпохи Никсона, который поднял мой спутник.

Длинное Копье посмеивался, разглядывая подземные ошметки цивилизации. Мне нравился его скептицизм. И вообще он мне нравился. Высокий, гибкий, уверенный в себе — и всегда как сжатая пружина. На испангле парень знал только три слова: да, нет и Капо. Видно, он был неплохим помощником великому Капо Рипу.

Внизу стояла чертовская жара, и на нас не было

ничего, кроме набедренных повязок. Машина шла в сторону Джи-Эм, за рулем сидел Длинное Копье. Я, исходя из того, что под землей нам потребуется освещение, запасся дополнительным прожектором. На деле же оказалось, что от стен подземных проспектов исходило слабое зеленоватое свечение, наподобие люминесцентного. Быть может, радиоактивное, черт его знает. Но этого света хватало, чтобы двигаться без страха врезаться во что-нибудь. Возможно, мы при этом получали больше рентгенов, чем нужно. Я волновался не только за индейца. Как бы лишнее облучение не спровоцировало канцелепру!

Было такое впечатление, что мы живыми попали в ад. Широкие туннели, погруженные в ядовитый зеленый полумрак, отводные штреки, которые нам приходилось исследовать все до одного — пока туннели не становились слишком узки для машины. Я исходил из того, что если не проходит наш черепахоподобный воздухолет, то и аппарат с капсулами не мог пройти. Исключение совсем узких туннелей экономило массу времени. Мы поели и поспали один раз. И продолжали поиски. Потом еще раз поели и поспали. После третей трапезы и третьего пробуждения Длинное Копье вопросительно посмотрел на ме-

ня. Я покивал головой, и мы продолжили поиски в прежнем молчании.

Я размышлял насчет Раджи. Мне все еще не верилось в его предательство

— невзирая на слова Гилеля и кинжал-улику. Я всегда восхищался великолепием Раджи. Он был и остается верховным правителем и божеством одной маленькой горной страны, которая называется Махабхарата, сокращенно

— Бхарата. Там есть несколько плодородных плоскогорий, но главной доходной статьей страны являются полезные ископаемые. Всякий раз, когда потребности новейшей технологии или капризы богачей порождают нужду в каком-либо минеральном сырье, его непременно находят в недрах Бхараты. Пример тому: когда в уральских горах нашли чистую платину, выяснилось, что бхаратские женщины уже которое поколение носят бусы из платиновых шариков.

Во время нашей первой встречи на средиземноморском курорте Раджа выглядел воистину царственно: кожа тускло черная (не как у М'банту, кожа которого отсверкивает), орлиный профиль, большие темные глаза, красиво очерченные скулы узкого лица. Он говорил певуче, умел тонко пошутить. А уж как красиво он одевался! Какие

величавые манеры! Аристократ до кончиков ногтей. Никаких демократических поползновений. Ни прежде, ни теперь. Высшая каста — что вы хотите! Как ни досадно, демократический балагур Эдуард Курзон ему сразу не понравился.

Мне рассказывали, что во время своего первого посещения Западной Европы — еще в наполеоновские времена — Раджа вел себя чудовищно. У него на родине, в Бхарате, подданные по традиции все что ни делал их верховный правитель и верховное божество считали правильным и безупречным. Любой поступок был хорош, если его совершал живой Бог. В Европе его простота нравов шокировала. К примеру, он без смущения справлял естественные потребности на публике. Когда он появлялся, ни один паркет в дворцах аристократии, ни одна кадка с экзотическим растением не могли чувствовать себя в безопасности. Со временем он, конечно, научился вести себя по-европейски — хотя я мог только гадать, кто был тем храбрецом, что осмелился заговорить с Раджой о некоторых особенностях его поведения и переучить его. Требовалась отвага Наполеона. Возможно, это и был сам Наполеон. Или же его сестра Полина, сделавшая Раджу своим очередным любовником.

Каким образом этот человек, власть и богатство которого огромны, у которого есть все, что душа пожелает, — как такой человек мог стать предателем и пойти войной против Команды? С какой стати? В его глазах мы никчемные букашки, ровня разве что последним из его слуг. Да и кто вообще достоин внимания в его глазах — в глазах верховного правителя и божества? Может, он восхотел стать владыкой и богом всего мира? Чепуха! Такие маниакальные мечтания встречаются только в бульварной литературе. Впрочем, я никогда не верю в то, что *мне* кажется бессмысленной глупостью. И такая моя позиция — глупость.

На четвертый день наших поисков Длинное Копье внезапно остановил машину и жестом приказал слушать. Мы несколько минут прислушивались. Потом индеец вышел из машины, вынул кинжал из-за пояса и вонзил его между каменными плитами дна туннеля. Потом лег и взял рукоять кинжала в рот. Таким способом он прослушивал землю — через рот. Затем разведчик вернулся ко мне, взял компас и внимательно изучил его показания.

Стрелка отклонялась от севера в западном направлении на два градуса! Длинное Копье

хмыкнул, сунул кинжал за пояс, взобрался на сидение водителя. Мы поехали дальше — самым медленным ходом, свернули в первый же широкий коридор налево, проехали ярдов сто, после чего Длинное Копье снова остановил машину и повторил свой фокус с кинжалом. Он изобразил руками шар и сказал:

— Да, Капо.

Как последний дурак, я засыпал его вопросами, которые индеец, естественно, понять не мог.

— Нет, Капо, — произнес он и жестом приказал прислушаться.

Я слушал, слушал — все уши прослушал, но так ничего и не услышал. И поглядел на своего спутника. Тот закивал. Он слышал то, чего мои уши не улавливали. Настоящий краснокожий разведчик! Я опять стал прислушиваться. И дослушался до того, что наконец услышал. Это была музыка.

12

Мы вернулись к главному подземному проспекту и поехали дальше в сторону Тщикаго, пока не обнаружили достаточно широкий боковой туннель, где можно было спрятать на время нашу машину. Оставив машину в темной глубине этого туннеля, дальше на север мы пошли пешком. Длинное Копье держал руку на рукояти своего кинжала, засунутого за пояс, а я сжимал в руке лучемет. Приходилось быть начеку. Не хотелось навсегда остаться в этой более чем просторной соляной могиле.

Индеец бесшумно ступал босыми ногами с задубелыми подошвами, я был тоже бос, но мне пришлось набрызгать на подошвы сантиметр пластика — застыв, вещество создало искусственную подошву. За вычетом набедренной повязки. Длинное Копье был голый, все тело в боевой раскраске — и зловещий зеленоватый люминесцентный свет придавал ему вид раскрашенной комканой куклы. Стало быть, я выглядел точно так же. Хорошенький же у нас был вид со стороны!

Внезапно Длинное Копье остановил меня, положив руку мне на плечо и слегка развернув. Он указал на узкий боковой туннель, который мы только что миновали, и сделал знак, обозначающий «внимательно смотри». Когда я ответил знаком «на что смотреть?», он сделал знак «животное». «Какое животное?» — тут же спросил я руками. Ответ был чрезвычайно сложен. С третьей попытки я все же догадался: он давал мне знать, что видел льва. Из вежливости я не сделал знака «ты что — сбрендил?» Мы вернулись к туннельчику и заглянули в него. Естественно, никакого льва. Длинное Копье махнул рукой и двинулся по туннельчику. Там было темнее. Мы прошли метров пятьдесят — не то что льва, но и рычания не обнаружили. Длинное Копье выглядел очень сконфуженным и хотел обследовать коридор и дальше. Но у нас были дела поважнее, и я настоял на необходимости идти дальше по основному туннелю.

Когда мы приблизились вплотную к туннелю, где, по нашим предположениям, находился аппарат с криокапсулами. Длинное Копье взял командование на себя. Он сделал знак «повторяй за мной», и я исправно повторял все его действия — так сказать, в деле проходил школу индейских

скрытных разведывательных рейдов.

По мере продвижения вперед я заметил сперва белое сияние далеко впереди, потом услышал невнятное гудение, потом снова музыку — как будто кто-то напевал. Мне показалось, что это упрощенный мотивчик из произведения Петра Ильича Чайновского (родился в 1940 году, скончался в 2003, повергнув современников в глубочайшую скорбь). По мере Приближения к пятну белого света туннель расширялся, и мы наконец осторожно приблизились к источнику света и шума. Я увидел огромный подземный зал, залитый электрическим светом. Рядком стояли заржавелые горнопроходческие машины, а в центре находился космический аппарат, от которой тянулись провода к распределительному щиту на стене. Вождь нашел великолепную берлогу. Последними я заметил троицу напевающих детишек.

Детишки были явные переростки, каждый выше двух метров. Все трое — чистейшие альбиносы. Сложены вроде бы как люди, но что-то у них было не так с суставами — и они передвигались, как насекомые. Затем я разглядел, что детишки слепые. Мелодию они мурлыкали с механической настойчивостью — это напоминало то, как

летучие мыши, которые видят ушами, посылают для ориентации ультразвуковые сигналы и улавливают их отражение от предметов. Поскольку они были голые, я с интересом пялился на их половые органы. Гилель оказался не прав, у них не было потса и щелочки одновременно. У них было что-то вроде цветочного пестика величиной с мой кулак, охваченного чем-то вроде лепестков, которые время от времени судорожно сжимались вокруг пестика.

Тут я вспомнил, кого мне эти существа напоминают. Как-то раз в Африке М'банту разворошил муравейник и показал мне крупных термитов. Они тоже были белесые, слепые, М'банту сказал, что они общаются между собой, испуская неслышные звуки. Сейчас я видел двухметровых белых термитов — только их голоса были слышны.

Я сделал знак Длинному Копью: «захожу я один». Ему это не понравилось, но жестами трудно спорить, и он смирился. Я вышел из туннеля, индеец остался. Эти твари почувствовали мое присутствие почти мгновенно. Я наставил на них лучемет, но они, похоже, не собирались нападать. Просто проявляли любопытство. Пока я беспомощно и перепуганно озирался в поисках

Секвойи, они ощупали меня своими лапами, непрестанно что-то напевая.

В ответ я намурлыкал им кое-что из Скотта Джоплина, Гершвина, Чайновского и Хокубанзая — самые великие мелодии, которые пришли мне в голову. Им пришлись по вкусу старинные рэгтаймы — парни от них млели, как от колыбельной, и я напел еще парочку веселых рэгтаймов. Троица покатилась от смеха — они буквально падали друг на друга. Весьма симпатичные термиты. Не совсем законченный ксенофоб мог бы признать их даже милыми. По крайней мере эти существа составили бы благодарную публику для провинциального комика.

Секвойи поблизости не было. Я подошел к открытому люку аппарата и заглянул внутрь. Никого. Троица слепых дылд толпилась за моей спиной. Я крикнул:

— Угадай! Вождь! Секвойя!

Никто не отозвался. Однако мой крик испугал трех гермафродитов, и они попятились от меня. Я успокоил их, исполнив несколько тактов из «Меланхоличной малышки», и они вернулись ко мне и стали ласкаться. Симпатяги. Но назвать их людьми — нет, язык не поворачивался.

Тут Длинное Копье издал громкий шипящий

звук. Я оглянулся на него — и он энергичным жестом позвал меня к себе. Я осторожно освободился от своих музыкальных поклонников и бегом устремился к индейцу — на автографы времени не имелось. Длинное Копье сделал знак «слушай». Я стал водить ушами. Ничего. Потом я услышал урчание приближающегося воздухолета.

«О, это Гилель едет к нам с другой стороны», — подумал я, тронул индейского разведчика за плечо и увлек его за собой. Мы побежали через зал навстречу Гилелю. Индейцу это не понравилось, но, как я уже сказал, жестами особенно не поспоришь.

И он оказался прав в своей осторожности. Это был не Гилель, а Секвойя собственной персоной.

Длинное Копье юркнул в какую-то щель — просто внезапно растворился, будто его и не было. Великий сын и наследник Капо Рипа и не подумал прятаться. Я вышел на самое открытое место и решительно заступил дорогу машине, нацеливая лучемет на водителя — что было, конечно, полной глупостью, просто я кипел яростью. Угадай остановил машину и удивленно уставился на меня. Нежданных визитеров он не ждал и меня не узнал.

— Привет, — сказал я.

— Что? Как?

— Похоже, ты процветаешь, братец.

— Неужели Гинь?!

— Да.

— Невероятно.

— Он самый, верь своим глазам. Раскрашенный, но живой.

— Гинь! Но разве…

— Нет, сукин сын, у тебя вышла промашка.

— Но…

— Зато Натому ты действительно чуть не убил.

— Нет!

— Да.

— Ноя…

— Знаю, знаю. Ты метил в меня. Ты хотел, чтобы она вышла из челнока разбираться с клерками, но ее испангль очень плох и вместо нее вышел я. Натома шлет тебе привет. А также твои отец и мать.

— А ты?

— Я прикидываю, как выпустить из тебя кишки.

— Гинь!

— Да. Я пришел убить тебя.

— Почему тебе вздумалось убивать меня?

— А почему тебе вздумалось покушаться на

меня?

— Ты нападал. Экстро защищался.

— А Фе? Она тоже нападала?

Он хранил молчание, только покачал головой.

— Ты отлично знал, что она без ума от тебя. Она бы что угодно для тебя сделала.

— Это все проклятый Экстро, — пробормотал он.

— Где я слышал эту погудку? «Я тут ни при чем. Это сделал мой сообщник».

— Ты просто не понимаешь, Гинь.

— Так растолкуй, если сумеешь.

— Ты переменился. Ты стал жестким и злобным.

— Повторяю: попробуй мне объяснить — чтобы я понял!

— Я тоже изменился. Утратил гордыню. Вот что со мной произошло. Я знаю, передо мной труднейшая задача. А я, похоже, оказался не на уровне. Столько оттенков проблемы, столько неизвестного…

— О, это чистейшая правда. Ты привык думать по прямой. А теперь приходится мыслить ветвисто.

— Ценное замечание. Гинь.

— Не знаю, как насчет гордыни, но высоко-

мерие ты отнюдь не утратил. Истинный сын великого Вождя.

— Я бы назвал это амбицией. А что тут дурного? Когда я был мальчишкой, моими кумирами были Галилей, Ньютон, Эйнштейн и другие великие первооткрыватели. И вот наконец я совершил открытие. Кто бросит в меня камень за то, что я за это свое открытие борюсь — зубами и ногтями. Ты видел Моих крионавтов?

— Я видел тебя и сеть под руководством Экстро. В этом заключается твое открытие.

— Это ответвление моего открытия. Ты, скорее всего, уже видел крионавтов. Я тебя знаю, брат.

— Я тебе больше не родственник. Видел я твоих, видел.

— Ну и как?

— Хочешь как на духу?

— Да.

— Они красивые. Они занятные. Могут сразу же вызвать симпатию. Но порождают неизбывный ужас.

— Ты просто не представляешь, какие у них способности! Они думают и общаются на ультразвуковых частотах, поэтому не умеют говорить. На доступных нашему уху частотах они могут только напевать. Но ребята удивительно умные.

За несколько месяцев они достигли уровня развития студентов последнего курса университета! Поразительно доброжелательны — никакой агрессивности. И у них есть еще одно удивительное свойство, отсутствующее у всех других млекопитающих. Я называю его электровалентность. Ты знаешь, что большинство людей реагирует на изменение погоды. А эти существа реагируют на невидимую глазом верхнюю часть электромагнитного спектра. Пропустите ток через провод, и они возбуждаются или впадают в угнетенное состояние — в зависимости от количества ватт и ампер. Гинь, они чудесные! И никакого ужаса не возбуждают.

— Ужас потому, что они… они как с другой планеты.

— Гинь, все мы с другой планеты. Все и везде.

— Красиво сказано. Ты, похоже, приверженец теории, что наши предки когда-то прилетели на Землю из другой галактики.

— Ладно, чего ты хочешь?

— Секвойя, мы члены одной Команды. Мы обязаны быть верны друг другу и любить друг друга. Так?

— Так.

— И как это вяжется с убийствами и покуше-

ниями?

— Ох-хо-хо, ты меня нокаутировал. Теперь мне стыдно.

— До какой степени?

— Не считал.

— Это ты называешь верностью и любовью? Я хотел, чтобы весь мир состоял из бессмертных, чтобы все на планете стали — Командой.

— А я люблю крионавтов и хочу, чтобы весь мир стал, как они.

— И для этого надо истребить ныне существующее человечество?

— Проклятый Экстро! — провыл Секвойя. — Это он повадился убивать!

— Почему же ты не помешаешь ему?

— Гинь, ты ведь в курсе, что личности случается раздваиваться?

— Да.

— Ну так вот — я страдаю не от раздвоения личности и даже не от растроения личности. Моя личность *размиллионилась*. У меня в голове целая сеть электронных машин. Вот почему я прячусь глубоко под землей. Все происходящее с компьютерами и их вторжением в мою личность — тоже очень интересно. Как только я завершу исследования, связанные с крионавтами, непре-

менно займусь этой проблемой.

— Таким образом, Экстро руководит тобой.

— И да, и нет.

— Значит, ты руководишь Экстро?

— И да, и нет.

— Пора бы тебе придти к определенному выводу.

— Какому из миллиона моих «я» придти к определенному выводу?

— Брат, я люблю тебя.

— И я тебя люблю, брат.

— И я намерен убить тебя.

— Каин и Авель?

— Брат, ты встретился с удивительными чудесами, я тебе завидую. И хотел бы тоже поучаствовать в открытии нового. Думаю, вся Команда с удовольствием поучаствовала бы в этом. Но ты нас не приглашал. Вместо этого ты начал бойню. Почему? Для тебя бесконечные индейские войны все еще не закончились?

— Нет, былая кровожадность миновала, в нашем племени больше нет пустой воинственности. Но война идет. Да-да-да! А теперь слушай внимательно. Гинь. Десять тысяч лет назад человечество жило в мире с окружающей средой. Мы брали только то, что нам было нужно. Мы

возвращали природе то, что использовать не могли. Мы были единым организмом с природой. Мы не нарушали баланс. И что же? Мы принялись уничтожать, уничтожать, уничтожать. Где ископаемое топливо? Выбрали до последнего. Где рыбы и животные? Истреблены. Где леса, где джунгли? Нету. Где плодородные земли? Нету. Где все? Изгажено, истреблено, уничтожено.

— Прямо как стихи читаешь.

— Послушай, Гинь, мы недоделка природы, мы неудачный вид — с вечно смятенной душой, переполненные всякими страхами, обуреваемые инстинктом уничтожения всего вокруг себя. Я этот неудачный вид хочу заменить другим. Ты сказал, что я верю в теорию о пришельцах со звезд. Я верю в другое: что человек в его нынешней ипостаси способен на одно — загадить собой Вселенную.

— Когда ты говоришь «заменить», ты имеешь в виду — истребить.

— Нет, мы просто населим мир новым видом. Я за постепенное вытеснение, медленную замену. А это чудовище — Экстро — затеял истребление нынешнего вида. Я тут ни при чем.

— И ты действительно не в силах его остановить?

— Как? Он внедрился в мое сознание навеки веков.

— Ты просто не желаешь его выселять.

— Да, я не горю желанием избавиться от него. Это совершенно незаменимый и потрясающий инструмент. Беда только в том, что я еще не научился полностью этим инструментом управлять.

— Понимаю. Идет битва гигантов. Кто кем будет править. Только ты, брат, в меньшинстве. Один против двоих.

— Что ты этим хочешь сказать?

— На стороне Экстро сражается третий гигант. Они на пару используют тебя, жалкий ты ретранслятор! И тебе никогда не добиться власти над ними.

— Может, тебе и впрямь лучше убить меня, брат, — устало произнес Секвойя.

Чем может ответить разъяренный человек на такое? К счастью, в это мгновение раздался характерный шум воздухолета со стороны Джи-Эм, и рядом с нами оказался Гилель.

— Вот мы и накрыли вас, — сказал он Секвойе. — Ведь вы профессор Угадай? А я Гилель. Как там марочки в блоке по шесть? Профессор, поменьше доверяйте своему компьютеру, члены Команды

куда тоньше продумают любую интригу.

То ли само появление Гилеля, то ли его апломб произвели такое впечатление на Вождя, что он как воды в рот набрал.

— Провиантик привезли? — тараторил дальше Гилель. — Давайте сгрузим его куда надо. Мы с Гинем вам поможем. И мне хотелось бы взглянуть на ваших крионавтов.

Вождь, так и не проронив ни слова, вернулся в свою машину и медленно поехал к аппарату с криокапсулами. Мы с Гилелем двинулись за ним. Длинное Копье появился из какой-то щели в стене и встревоженно зашипел. Я помотал головой, и он снова, бесследно исчез. Гилель одобрительно кивнул. Ничто не могло укрыться от его внимания. Одним глазом он настороженно оглядывал подземный зал, другим — как рентгеном — просвечивал крионавтов.

— Они способны только напевать без слов, — пояснил я.

Гилель понимающе кивнул и, пока мы помогали Вождю сгружать провизию, напел альбиносам еврейскую мелодию. Им она очень понравилась. Вождь по-прежнему молчал — вероятно, пытался врубиться в новую ситуацию, мысля не по прямой, а *ветвисто*. Я тоже помалкивал, потому что

передо мной стояла неразрешимая дилемма.

В какой-то момент Гилель прошептал мне:

— Взгляни-ка на это.

Он открыл маленькую коробочку — из запасов, привезенных Секвойей. В ней была дюжина швейных иголок.

— Значит, он собирается шить им одежду, — сказал я тихонько.

— Нет, старик, ошибаешься. Смотри.

Он положил коробочку на пол. Она сама собой развернулась и нацелилась одним концом на электрокабель. Гилель крутанул ее и отпустил — она приняла прежнее положение.

— Это ответ на вопрос, — сказал он.

— Какой вопрос?

— Тот, которым ты не сообразил задаться.

Он заметил, что мне это до лампочки, не стал настаивать и повернулся к Вождю.

— Можем мы поговорить, не тревожа ваших совершенно замечательных существ?

— Все зависит от интонаций и напевности голоса человека, — ответил Секвойя. — Ваш голос им по нраву — это очевидно.

— Я хочу воззвать к вашему разуму. Вы с крионавтами открываете новую эпоху в науке. Ваше имя будет вписано в историю золотыми буквами.

Поэтому не хоронитесь здесь. Поднимайтесь наверх, к людям. А мы. Команда, беремся вас охранять. Вы знаете, что мы народ надежный. На нас можно положиться.

— Нет уж! Это мое дело, обойдусь без посторонних.

— Кто же спорит. Это ваше дело. И мы к вашей славе примазываться не намерены.

— Не нужно мне никакой помощи.

— Хорошо. Тогда воззвание к разуму номер два. Касательно поразительного симбиоза с Экстро. Это же надо всесторонне исследовать. Гигантский шаг в эволюции! Хотя бы тут вы позволите помочь вам?

— Нет.

— Профессор Угадай, вы совершаете исторические открытия — и одновременно таитесь. Чего ради? Гинь утверждает, что вы уже совсем не тот, что раньше. Почему? Вы не контролируете ситуацию? Вами управляет Экстро?

— Нет.

— Так это вы управляете им?

— Нет.

— Слушайте, у вас совсем как в неудачном браке. Экстро уже знает, что вы прячетесь от него под землей?

— Да, но здесь он не может меня достать.

— А разве электроника вашего воздухолета не выболтает все о происходившем под землей, когда вы поднимитесь наверх?

— Электроника автомобиля примитивна. Она рассчитана на работу в момент движения. Он соображает, но не запоминает.

— Ишь ты! Но Экстро — он все помнит.

— Да.

— Он живое существо?

— Дайте мне точное определение того, что такое живое существо, и я отвечу.

— Я сам отвечу, профессор Угадай. Он живой — через вас, благодаря вам. А теперь все-таки скажите, почему вы прячетесь от своего партнера под землей.

— Потому что у меня бардак в мыслях! — внезапно заорал Секвойя. Троица альбиносов-криошей бросилась врассыпную. — Со мной произошло столько всего, что мне надо как-то рассортировать свои мысли! И у меня масса проблем с гермафродитами. Например, они безумно пугливые — не знаю почему. И существует еще тысяча «не знаю почему». Ради всего святого, оставьте меня в покое. Дайте мне спокойно подумать!

— Я вас понимаю и ничего против не имею. Но

в обмен и вы должны оставить нас в покое.

— Я уже говорил Гиню. К убийствам я не имею ни малейшего отношения,

— Тогда перестаньте давать жизнь убийцам!

— Каким образом?

— Улетите с Земли. Вне Земли вы недостижимы для Экстро.

— Ни за что. Я готов прятаться, но не спасаться бегством.

— О! Так вы у нас своевольны и упрямы, — сказал Гилель. — Это все от того, что вы недавно стали бессмертным. Кружится голова от новизны и сознания своей силы. Гинь был точно такой же после взрыва Кракатау — ходил гоголем, был обидчив, как не знаю кто. Это пройдет. Должно пройти. И когда это пройдет, вспомните мой совет — обратитесь к Команде. Гинь, готов?

Он повернулся и пошел прочь. Я последовал за ним. Секвойя проводил нас взглядом — вид у него был взъерошенный, злой, во взгляде упрямство. Криоши побежали за нами, воющими звуками прося спеть им еще рэгтаймов, но у конца зала они вдруг замерли как вкопанные.

— Вот тебе и вопрос, который ты не потрудился себе задать. Гинь, — сказал Гилель. — Энергетическое поле не выпускает их из зала. Они как тот

поганый индуктор.

— Я сам как то поганое хрен что.

— Такое самоуничижение ни к чему. Разве ты не знаешь, что члены Команды завидуют тебе?

— Чему именно завидуют?

— Тому, что многие из нас, увы, утратили. Страстности. Когда теряешь страстность, ты только наполовину человек. А где Длинное Копье?

Я зашипел, и индеец вынырнул откуда-то.

— Пусть он останется здесь и несет дозор. Пусть наблюдает за всем, чтобы потом доложить.

Я сделал ряд знаков: «Оставайся. Наблюдай. Доложи».

Он знаками спросил: «Доложить куда?»

«Большое каноэ».

Копье кивнул и снова исчез. Мы сели в машину Гилеля, развернулись и поехали прочь.

— Две вещи, — сказал я. — Нет, даже три. Первое: я должен поговорить с Натомой и расставить точки над «i». Второе: хочу собрать совещание членов Команды. Ты знаешь, по каким городам и весям они раскиданы. Собери их в одно место.

— А третье?

— Нельзя его убивать. Этого гениального сукиного сына надо во что бы то ни стало спасти.

Гилель улыбнулся.

— В таком случае большая разборка с Натомой отменяется.

И он принялся напевать веселую еврейскую мелодию.

13

— Я связался со всеми, кого смог найти за столь короткий срок, — сказал Гилель. — Мы встречаемся в Рейкьявике. В Исландии за нами никто не сможет следить.

— Как по-твоему, электронная сеть висела у тебя на хвосте, пока ты занимался этим делом?

— Вероятность очень мала. Я платил только наличными. Нигде не использовал электронное удостоверение личности. Кстати, я тратил твои деньги.

— Мои?

— То есть Капо Рипа. Эти деньги передала мне миссис Курзон.

— Сколько?

— Полтора миллиона. Все расходы записаны — предъявлю тебе отчет.

— Кто из членов Команды будет в Рейкьявике?

— М'банту, Тоска, Домино, Амперсанд, Квини, Герб Уэллс и Безымянный.

— О Боже! Так мало!

— Ну, еще ты, разумеется, а также я и пригласивший нас к себе в Исландию Эрик Рыжий. — Эрику

Рыжему принадлежит большая часть Гренландии и Исландии. Гейзеры дают ему изрядное количество электроэнергии. К тому же он владеет половиной горячих источников, ценных для отопления жилищ в тамошних холодных краях.

— Поулоса не будет?

— Нет, Грек не приедет.

— Более важные дела?

— Нет.

— Не можешь связаться с ним?

— Нет.

— Ты как-то странно говоришь.

— Никто больше не сможет связаться с ним.

— Что?!

— Он погиб.

— Что? Нет, только не Поулос!

— Удар в сердце малайским кинжалом.

Я на время лишился дара речи. Потом залепетал:

— Я… Нет, только не Синдикат! Этого не могло произойти. Он слишком умен, слишком осторожен. Он был начеку!

— Раджа оказался хитрее.

— Где это случилось?

— В Калькутте. На прошлой неделе.

— Дай мне время прийти в себя.

Вернувшись в каюту с палубы, я вымыл лицо и прополоскал рот.

— Ты сказал — малайский кинжал. Откуда ты знаешь, что было оружием убийства?

— Оставлен в сердце.

— Почему малайский кинжал?

— Наемный убийца. Эти типы накачиваются наркотиками, а потом идут на «священное дело». Местная полиция считает, что убийство совершено целой шайкой. Все шло по плану — с подстраховкой, было задействовано множество людей. Один Бог знает, сколько головорезов на службе у Раджи. Очевидно, Грек уже настигал его, поэтому Раджа действовал наверняка.

— Если Раджа сумел убить Грека…

— Д-да-а… Тогда о нас и говорить нечего. Все мы, считай, покойники. Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, потому что в Калькутте ощутил то же одуряющее отчаяние. У тебя хватит сил на рассказ о том, что узнал ты?

— Попытаюсь, — мрачно сказал я.

— Молодец. Дело есть дело. При таких обстоятельствах одно спасение — упрямо гнуть свое и не предаваться тягостным мыслям.

— Ты прав, как всегда. С Натомой обсуждать нечего. Она стоит за то, что ее брата надо непре-

менно остановить, но оставить в живых. Она и думать не хочет об убийстве. Я беру ее с собой в Рейкьявик.

Каждое слово давалось мне с болью.

— Что еще?

— Длинное Копье вернулся на «большое каноэ» позавчера. Никаких особенных новостей. Секвойя по-прежнему обучает своих «детишек».

— Тем лучше. Мы можем спокойно пользоваться транспортом, пока Секвойя разделен с Экстро. Беда в том, что мы не знаем, когда он поднимется наверх. Поэтому действовать надо предельно быстро. Где наши храбрецы?

Гилель — настоящий неунывающий живчик. Это помогает.

— Натома отослала их обратно в резервацию Эри.

— Отлично. Что ж, отправляемся в Исландию.

— А как быть с этим «большим каноэ»?

— Да плевать на него. Бросим. Возможно, оно станет ядром нового Саргассова моря посреди озера Мичиган. Мы убираемся в Рейкьявик.

Эрик Рыжий обитал в Исландии в особняке с огромной оранжереей, полной тропических деревьев и цветов. К нашему приезду все вызванные члены Команды уже собрались в этой

оранжерее. Забавное сборище, я вам скажу. За века жизни каждый или выработал свой имидж, или стал выглядеть в соответствии с внутренним характером, отбросив изначальный внешний образ. Скажем, в дородной женщине маленького роста, на которую вы бы не взглянули дважды, трудно было узнать Тоску — знаменитую оперную диву, которая своими талантами и красотой очаровывала многие поколения театралов. А стройной девушкой в броском наряде, похожей на голливудскую звезду, был ни кто иным, как Квини, выряженный в женское платье. Мы так и не смогли уговорить его произвести операцию по смене пола. Он стоял на том, что ему больше по вкусу оставаться гомиком, чем стать сомнительной женщиной. Эрик Рыжий мало того, что не рыжий, он к тому же и не скандинав, похож на лукавого Карла Маркса.

Последовали бурные приветствия, а галантный М'банту подхватил Натому на руки и поднес к каждому из присутствующих, перезнакомив со всеми. Он был особенно горд се потрясающими успехами в изучении двадцатки. Я даже подумывал о том, что восхитительный М'банту способен занять место Грека в моем осиротевшем сердце. Каждый по-своему, оба явно превосходили меня

в некоторых вещах. Но, если вдуматься, абсолютно все члены Команды превосходили меня во многих вещах — кроме, разве что. Безымянного, который был полным нулем. Последний его подвиг — он чуть не упал в большую кадку с экзотическим растением.

— Созвал совещание Гинь, — начал Гилель, — но сперва я быстренько введу вас в курс событий. Вы все помните, в какой странной форме я пригласил вас сюда: вручил каждому из вас бумажку с просьбой приехать к Эрику по срочному и неотложному делу. Я предупредил вас, что об отъезде не следует говорить вслух, а транспорт нужно оплачивать наличными, нигде не пользуясь электронным удостоверением личности. Таким образом исключалась возможность слежки. Я не использовал для приглашения связь через ушные клипы-радиопередатчики и не рассылал магнитофонные кассеты по весьма любопытной причине. Вся планета охвачена сетью электронных машин, вступивших в заговор, что стало возможно после того, как Гинь пополнил наши ряды новым одареннейшим членом. Этот новый бессмертный со временем станет гордостью Команды, хотя сейчас он породил кризисную ситуации, о которой все вы в большей или меньше

степени уже осведомлены. Я познакомлю вас с ситуацией более подробно.

Гилель рассказал о самом существенном — быстро и толково. Затем он передал председательские полномочия мне. Я встал, и вот какое обсуждение у нас состоялось. Не называю имен говоривших, поскольку я беседовал как бы с единым голосом Команды.

— Первое. Хочу подчеркнуть некоторые моменты в рассказе Гилеля. Предатель из бессмертных — яростный, опасный враг. Убийство Поулоса наглядно демонстрирует это.

— Почему не называть предателя по имени — Раджа!

— Нет, я не до конца уверен, что Гилель прав. В моем сознании не укладывается, каким образом Раджа мог дойти до такой степени озлобленности. Не представляю его в роли ослепленного яростью мстителя. С чего ему так яриться? Не могу подыскать ни одной разумной причины. Поэтому я исхожу из того, что предателем может быть любой из нас. В том числе и я. Никому нельзя доверять. Так что будьте постоянно начеку.

— А не считаешь ли ты, что предатель — сам профессор Угадай?

— Не похоже. Он выступает лишь в роли жи-

вого ретранслятора, который делает возможным всю эту заварушку. Но тут возникает проблема: как вывести из действия этот ретранслятор? Ша, Натома! Ты не знаешь, к чему я клоню!

— Яд не пойдет. Против бессмертных бесполезен.

— И отравляющие газы не сработают.

— Это должно быть механическое повреждение органов. Скажем, удар в сердце, которым убит Поулос.

— Или сжечь его.

— Взорвать его — применить против него то, что он хотел сделать с Гинем!

— Просто отрубить ему голову.

— Уфф!

— Да-да, мы помним, что ты шел рядом с тележкой Дантона, провожая его до эшафота.

— Кстати, что случилось с изобретателем той адской машины — врачом Гильотеном?

— Испустил дух в собственной постели, никем не оплаканный.

— Если вам нужна красивая смерть — выбросьте Угадая в космос без скафандра. Чистенькая романтичная смерть.

— Он отличнейшим образом выживет в космическом вакууме…

— А вот и нет. Вы забыли про радиацию. И в вакууме ему почти нечего кушать — молекулы чего станет перерабатывать в энергию его организм? Он умрет от истощения. Или взорвется от внутреннего давления воздуха в легких.

— Будьте реалистами. Как можно запустить человека голым в космос? Привязать к носу ракеты? Или выпихивать его, упирающегося, через шлюз в открытый космос?

— Тогда посадите профа в ракету и направьте аппарат прямо на Солнце. Там он разойдется на отдельные молекулы от жара.

— А каким образом мы соберем эти молекулы обратно — в человека?

— Что?

— Спасибо, ребята, за ваши милые фантазии. Воображение у вас работает. Но штука в том, что нам надо сохранить его живым. Мы не можем позволить себе такую растрату.

— Тогда зачем ты затеял разговор об убийстве?

— Я сказал «вывести из действия». Это совсем другое. Итак, проблема состоит в следующем: как вырубить ретранслятор, не убивая самого Угадая. Вот к чему я веду, Натома.

— Извини, Гинь.

— Это головоломка.

— Хуже того, парадокс. Как ты намерен убить человека, не отнимая у него жизнь?

— А как насчет применения машины времени? Я мотану на шесть месяцев назад и попробую предотвратить нынешнюю катавасию.

— Не сработает. Гинь.

— Почему, Герб?

— Ты будешь как призрак, который ничего в материальном мире изменить не способен.

— Призраков в природе не существует.

— Я уже пробовал. Нельзя послать человека во временной отрезок, охватывающий его жизнь. Пространство не терпит полностью идентичных существ. Одно из них должно пребывать в виде фантома.

— Которое из них?

— Второе, пришлое.

— Стало быть, это отпадает. Вопрос остается прежним: как отключить ретранслятор, оставив в живых профессора Угадая?

— Ты мыслишь не в том направлении. Гинь!

— Почему же?

— Зачем вырубать — в каком бы то ни было смысле слова — ретранслятор? Смотри в корень. Надо уничтожить сверхкомпьютер!

— Боже! Обалдеть. Это настолько очевидно, что

мне и в голову не приходило.

— Ты просто настолько вжился в ситуацию, что какие-то очевидные вещи тебе не видны. Потому-то и понадобилась помощь Команды.

— Позвольте возразить. Симбиоз между Угадаем и Экстро настолько уникален, что его следует детально изучить.

— Слишком опасно откладывать и заниматься изучением феномена. Ситуация критическая. Я уже чувствую, черт возьми, горячее дыхание Раджи на своем затылке.

— Если данный симбиоз уничтожить, то он может вообще никогда не повториться.

— Придется пойти на эту жертву, если мы хотим выжить.

— Где гарантии, что уничтожение Экстро остановит предателя?

— Гибель компьютера остановит его. Или хотя бы приостановит.

— Почему ты так считаешь?

— Свою войну он начал лишь после того, как возникла связка Угадай-Экстро. Когда это мощное оружие выпадет из его рук, предатель будет по-прежнему опасен — но уже в разумных рамках. С ним можно будет справиться.

— Команда всегда была против убийства.

— Убить бешеную собаку — тут моральные принципы не при чем.

— В общем-то, верно. Мне бы только хотелось знать, что привело к бешенству. Возможно, это знание сильно упростило бы разрешение всей проблемы. Ладно, перейдем к следующему вопросу: как мне добраться до Экстро, чтобы уничтожить его?

— Ты берешь это на себя?

— Я обязан. Ход событий привел меня к этому. Итак, как убить Экстро?

— Огонь. Взрыв. Автоген. Отключение электроэнергии. И так далее.

— Все осложняется тем, что он будет знать о предстоящей атаке.

— Ты уверен, что компьютер в любом случае будет в курсе?

— Чертов Экстро обладает отличной сетью электронных шпионов. От него ничего не укроется. Он тщательно следит за всеми нами.

— Только в том случае, если Угадай делает возможным внутрисетевые контакты.

— Ты можешь поручиться, что проф пока не будет вылезать из соляных копей?

— Нет. Возможно, нам понадобится выкрасть Угадая.

— Как это сделать без ведома Экстро? Стоит вытащить Угадая на поверхность земли, как вся сеть будет активирована, — ведь ты отлично знаешь, что Молекулярного человека невозможно привести в бессознательное состояние. Нам не удастся перевозить его как деревянную колоду.

— А по-моему, ты напрасно переполошился. Гинь. Надо подождать, поосмотреться…

— Нет уж! Когда я думаю об убитых — Фе-Пять, потом Поулос… Нет, прошло время осматриваться. Надо действовать без промедления. Итак, к делу. Просто будем сохранять трезвость мысли, не станем терять голову. Экстро знает все, что мы делаем. Не исключено, что он также в курсе того, что мы думаем. Каким образом обойти эти непреодолимые затруднения?

— Ху-Ху-Хух, — вдруг обронил Безымянный.

У меня челюсть отвисла. Услышать такую гениальную мысль — и от кого? От олуха Безымянного. Господи, даже этот превосходит меня!

— Он не умеет думать — словами. Он не разговаривает. Из его сознания ничего не выцарапаешь.

— Но он понимает знаки и подчиняется. Огромное спасибо. Безымянный. Если найти Сэма Пеписа, тот подскажет, где в данный момент находится Ху-Ху-Хух. Я доставлю его сюда, и мы

провернем операцию по уничтожению Экстро.

Тем не менее, я начал с того, что попробовал переброску во времени. Однако Герберт Уэллс был прав, я оказался призраком — неслышным, невидимым. Хуже того, я был двумерным, как телефонная проекция. Я просачивался. Я просачивался сквозь людей и здания — и проникся искренним сочувствием к безрадостной судьбе призраков. Мы с Гербом вычислили время с предельной точностью, так что я появился в прошлом как раз в тот момент, когда толпа основных держателей акций в Лаборатории выбегала вон из зала, где проводились опыты с серной и соляной кислотами. Они пробегали сквозь меня. Ощущение хуже некуда.

Я просочился в зал, по которому разносился лающий смех Эдисона. Смакуя каждое слово, он произнес:

— Эта ваша дурочка принесла вам дымящую азотную кислоту. ДЫМЯЩУЮ. А это совсем не то, что просто азотная кислота. Пары почти мгновенно наполнили все помещение и превратили его в огромную емкость, заполненную летучей азотной кислотой, которая начала разъедать все окружающее.

— И вы видели, что за бутыль она несет? — в

ярости вскричал Секвойя.

— Видели наклейку и промолчали?! Почему вы ее не остановили?!

— Потому что не собирался ее останавливать. Так и было задумано. Это был — ха-ха — эксперимент с АБСОЛЮТНО ПРЕДСКАЗУЕМЫМ результатом.

— Боже мой! Боже мой! — в отчаянии запричитал Секвойя. — Я чуть не сжег легкие пяти десяткам людей!

Внезапно я закричал так, словно меня змея укусила.

— Что с тобой. Гинь? — встревоженно воскликнули Эдисон и Синдикат. — Разве ты пострадал?

— Нет, олухи царя небесного! Я не пострадал! Я ору именно потому, что я не пострадал! О, вы видите величайший триумф Гран-Гиньоля! Неужели еще не врубились? Спросите себя: как вышло так, что профессор Угадай не заметил, что он имеет дело с дымящей азотной кислотой? Почему он даже не закашлялся? Почему его легкие не сожжены — после столь длительного пребывания в помещении, полном паров азотной кислоты?! Почему он не убежал вместе с Фе и всеми остальными? Подумайте обо всем этом, пока я буду танцевать от радости!

После долгой озадаченной паузы Синдикат ахнул.

— Я никогда не верил в правильность твоего метода, Гинь. Прости меня. Шансы на успех были миллион к одному, так что, надеюсь, ты извинишь мое недоверие.

— Прощаю тебя, Фома Неверующий, — и всех вас прощаю. Итак, у нас новый Молекулярный человек! Причем замечательно умный и хороший Молекулярный человек. Ты-то сам все понял, Ункас?

— Ни слова не понимаю из того, что ты говоришь, — сказал Секвойя.

— А ты поглубже вдохни отравленный кислотой воздух. Или сделай добрый глоток азотной кислоты. Можешь сделать на радостях что тебе вздумается — ибо отныне ничто, буквально ничто из того, что ты пьешь, ешь или вдыхаешь не способно убить тебя. Добро пожаловать в нашу Команду.

После того, как мы вышли из зала и попали в толпу возмущенных и напуганных акционеров. Угадай пропал, но на этот раз я-призрак последовал за ним по пятам, когда он бочком-бочком двинул прочь и юркнул в ближайший боковой коридор. Я бежал за ним — сквозь людей и стены

и вопил благим матом:

— ВОЖДЬ, ЭТО Я, ГИЛЬ! ПОСЛУШАЙ! НЕ ДУРИ! ПОГОДИ! Я ХОЧУ СКАЗАТЬ, ЧТО ТЕБЯ ПОДЖИДАЕТ ОГРОМНАЯ ОПАСНОСТЬ! ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ?

Но он меня не слышал. Не видел. Не осязал. Он удирал с тем невозмутимым видом, с которым опытный карточный мошенник достает из рукава запасную четверку тузов. Никогда в жизни мне не было так досадно, так тошно…

Когда Герб вернул меня из этого призрачного состояния, я вздохнул с огромным облегчением. Увидев, с каким кислым выражением лица я вернулся из путешествия во времени. Герб пожал плечами:

— Я же говорил: пустое дело.

После этого мы с Натомой стали ждать оказии на Сатурн-VI, более известный под названием Титан. Мы собирались на этот спутник Титана полузайцами — без билетов, просто позолотив ручку пилотам. Мнимой целью поездки были поиски безупречных горючих материалов. На Титане атмосфера состоит из метана, который становится взрывчатым ядовитейшим газом в сочетании со фтором. Метан широко известен как болотный газ, который образуется при разложении органических веществ.

Люди, которые путешествуют мало, воображают, что все спутники планет одинаковы: каменистая вулканическая поверхность, заваленная толстым слоем пыли. На поверхности Титана масса оледенелого органического вещества, о природе которого ученые спорят до сих пор. Было ли Солнце когда-то намного жарче, так что его лучи согревали поверхность Титана до температур, приемлемых для существования органической жизни? Или же Титан — размерами превосходящий Луну — когда-то был самостоятельной планетой и вращался по орбите с намного меньшим радиусом, а потом был оттянут от Солнца Юпитером и брошен в вечные объятия Сатурна? Или же органическую жизнь на Титан привнесли инопланетяне, некогда посетившие Солнечную систему, а потом, проникшись к ней отвращением, улетели прочь?

Натома полетела вместе со мной — не в качестве помощницы для перевозки Ху-Ху-Хуха, а как товарищ по путешествию. До Сатурна лететь не неделю, а побольше месяца, так что я бы сдох от тоски. В пути мы не слишком скучали, но тем не менее опустились до того, что следили за сериями ситуационной комедии «Приключения во льдах». Буффи узнает, что его дочь Руффи согласилась

провести ночь на айсберге с Жуффи. Тут-то все и закручивается. Хитрый Жуффи умолчал о том, что имеет в виду арктическую ночь, которая длится не меньше трех месяцев. Все осложняется появлением на айсберге Суффи, сестры-близняшки Руффи. Сестричка поссорилась со своим женихом Цуффи из-за того, что тот не взял ее скатываться с горки вместе с пингвинами, и с досады решила отдаться Жуффи. Обхохочешься.

Я предупредил Натому, что на Титане ведется добыча органического сырья (слой органических веществ вырубают и увозят в виде кубов мерзлой почвы), но она не поняла, что я имел в виду до тех пор, пока мы не оказались на борту грузового корабля в каюте для двоих. Других пассажиров на нашей палубе не имелось — это входило в условия сделки. Мы видели только офицеров из экипажа. Зато комфорт был минимальный — главное, трюм нестерпимо вонял компостом, который по пути на Землю частично оттаивал. И неистребимый запах распространялся по всему кораблю. Пахло свежераскрытой могилой.

Я заблаговременно подготовился к тяготам многомесячного пути: огромный запас деликатесов, чистое постельное белье и т. д. Сатурнианский грузовой корабль — это вам не роскошный лай-

нер на Марс. Капитан имеется, однако никаких тебе трапез в капитанской кают-компании, никаких стюардов и ужинов во фраках. Тут всякий кормится сам — команда сидит на консервах. Кое-кто забивает голод и скуку с помощью виски. На самом Титане опять-таки запасы лишь консервированной пищи, которая выдастся по минимуму, так что, кроме рабочих, туда вовек никого не заманить.

Мы с Натомой не вылезали из своей каютки. Болтали без умолку. Нам было что друг другу рассказать. Натома вместе со мной оплакивала гибель Поулоса и старалась утешить меня. По ее просьбе я рассказал ей все, что знал о клонировании ДНК. Впрочем, я знал немного, да и сама методика только начала развиваться. Потом она стала допытываться о причинах моих депрессий и что такое канцелепра. Пришлось ей рассказать и об этой дряни.

— Никогда больше не смей рисковать собой, — заявила Натома твердым тоном по окончании моего рассказа. — *Никогда*!

— Даже ради тебя?

— Прежде всего — *никогда* не рискуй ради меня. Я уверена, что из-за последних событий ты не заболеешь. Чую инстинктом. У меня ведь

есть шестое чувство, как у всех женщин в роду Угадаев. Но если ты вздумаешь опять рисковать, я поджарю тебя на медленном огне. Уж тогда ты у меня заимеешь самую ядреную канцелепру.

— Да, мэм, — покорно сказал я. — Слушаюсь, мэм. Только учтите, мэм, что тогдашний взрыв челнока — отнюдь не моих рук дело.

Тут она произнесла одно словечко из чероккского языка, которое привело бы ее благовоспитанного братца в шок.

Натома много читала, чтобы лучше говорить на двадцатке.

— Титан — самый крупный спутник Сатурна, — докладывала она мне то, что выудила из книг. — Он находится на расстоянии семисот пятидесяти девяти тысяч миль от Сатурна. Его синодический период обращения составляет… Что такое синодический период обращения?

— За сколько времени он делает полный круг по своей орбите.

— …пятнадцать суток двадцать три часа и пятнадцать минут. Наклон орбиты относительно кольца планеты — эти слова придется мне посмотреть в словаре — составляет двадцать апостроф. Его…

— Нет, дорогая. Этот апостроф у астрономов

обозначает минуты. Они измеряют угол наклона минутами и секундами. А градус — это маленький нолик за цифрой. Минута — апостроф за цифрой. А секунда — совсем как кавычки, двойной штрих.

— Спасибо. Диаметр Титана — три тысячи пятьсот пятьдесят миль, открыт… не знаю, как произносится Эта фамилия. В словаре нет транскрипции.

— Дай-ка взглянуть. О! Да, от такой фамилии у любого язык сломается. Хюйгенс. Или Гюйгенс. Выдающийся нидерландский ученый семнадцатого века. Спасибо, любовь моя. Теперь о Титане я знаю все.

Она засыпала меня вопросами — в частности, что такое Нидерлания. Я пообещал свозить ее по возвращению в Нидерландию и показать все достопримечательные места, связанные с этим Хренгенсом или Гуйгенсом, если хоть что-нибудь сохранилось.

Сатурн чертовски красив — и вскоре он появился в нашем иллюминаторе. Натома уже очаровала всех офицеров, и они позволяли ей часами стоять у прозрачного носового купола корабля и любоваться планетой, опоясанной широким поясом. К сожалению, из колец осталось

только два. Невзирая на протесты экологов и космологов, компания «Лучше-Строй» добилась права собственности на третье кольцо, состоящее из ценного строительного материала. На Земле был жилищный кризис, и «Лучше-Строй» был готов платить бешеные налоги. Одного разъяренного астронома пришлось эйтаназировать за то, что он живьем сжег директора компании «Лучше-Строй». В итоге компания истребила все третье кольцо Сатурна.

Если вы полагаете, что до вылета нас и наш багаж обыскивали чересчур рьяно, то обыск перед выходом в титанский шахтерский городок был хуже тюремного шмона. Нас общупали сто раз и столько же раз перебрали все наши вещи — в поисках спичек, взрывчатки, металлических предметов и вообще всего, что может дать искру и привести ко взрыву. Имея атмосферу, где доминирует метан. Титан жил в вечном страхе тотальной катастрофы. Представьте себе планету, окруженную многокилометровым слоем рудничного газа. Одна искорка вне обитаемого купола — и Титан превратится в пылающую новую звезду.

Городок шахтеров, мягко говоря, красотой не отличался. Вот как он возник. Добытчики удали-

ли пятнадцать метров верхнего слоя замерзшего болотного компоста. Полученную яму — два на два километра — прикрыли стандартным пластиковым куполом. Узенькие улочки разбегались под прямыми углами. Жалкие хибары. Почти нет света — солнце не более чем тусклый крохотный диск. Зато хотя бы от папы-Сатурна исходит приятное свечение. Городок был заглублен ниже уровня почвы, чтобы исключить возможность электростатических искр. Внутри пованивало галогеном, метаном и разлагающимися органическими веществами.

Разумеется, никакой гостиницы не имелось. Только дом для особо важных гостей. Я, естественно, начал блефовать и разоряться:

— Я — Эдуард Курзон из «Фарбен Индустри». Не понимаю, каким образом вы могли не получить мою радиограмму с Цереры! Будьте добры связаться с тамошним директором Поулосом Поулосом и удостовериться, что эта радиограмма действительно была послана.

Одновременно я давал царские чаевые и вел себя с таким уверенным апломбом (который мне приходилось вырабатывать десятилетиями), что клерки чуяли барина, привыкшего к безусловному повиновению, — и повиновались.

Я нашел Ху-Ху-Хуха на четвертый день без особых хлопот.

У меня имелся приборчик, который улавливал характерные нервные импульсы, при помощи которого шло постоянное сжигание вредных остатков в клетках Молекулярных людей. Мне оставалось только бродить в районе разработок, якобы инспектируя качество работы, и справляться с показаниями приборчика. На четвертый день стрелка засуетилась и указала в определенном направлении. Я прошел несколько миль (чтоб не шокировать народ, я надевал скафандр, выходя за пределы городка, хотя мог обходиться и без него) и увидел что-то вроде землянки, знакомой по картинкам в книгах о первых поселенцах на американском Диком Западе в XIX веке. Только здесь «дерн» поблескивал кристаллами аммонита, как и все на Титане. На заледенелой поверхности там и тут виднелись впечатляющей величины метеоритные кратеры, а также холмики замерзшей лавы местных вулканов (лава здесь недолго бурлит, попадая на поверхность, — температура минус сто тридцать градусов по Цельсию). Пейзаж освещал величавый диск Сатурна. В землянке Ху-Ху-Хух весь напружинился, готовый кинуться на непрошеного гостя.

Знаю расхожий образ неандертальца. Пещерный человечище из комиксов — в одной руке дубина, второй он тащит за волосы пещерную леди… Чушь! Прежде всего, неандертальцы плохие «таскальщики» — их рука была не такой ловкой, как у современного человека, — большой палец не был далеко отнесен от остальных и не противостоял им. А плохо развитая мускулатура рта и глотки исключала возможность внятной речи. Антропологи все еще спорят касательно того, что сделало человека хомо сапиенсом. Некоторые говорят — именно речь и противостояние большого пальца. Не вызывает сомнений, что неандертальцы объемом мозга не слишком отличались от нас, просто их мозг так и не развился. Если вы читаете на двадцатке, загляните в энциклопедию и увидите рисунок неандертальца. Ху-Ху-Хух выглядит точно как парень на этом рисунке: словно глядящий исподлобья боксер, крепко набравшийся после неудачного матча, в котором ему расплющили половину физиономии. Но чертовски крепкий боксер. Однако, подобно большинству животных, он жил в постоянной тревоге, был все время начеку.

Я быстро сорвал свой шлем, но мог только гадать, узнает ли он меня, вспомнит ли. Безымян-

ный верно сказал: Ху-Ху-Хух не думает. Однако мои жесты и мычание он понял. Я загодя наполнил свои карманы сладостями и всякий раз, когда он открывал рот, совал ему в рот карамельку, что приводило самого старшего члена Команды в полный восторг. Так русские дрессировщики поступают со своими медведями — непрестанно суют им в рот кусочки сахара.

Это были те еще переговоры. Я, конечно, могу сделать рисуночки своих жестов, но вряд ли вы их поймете. И мое мычание я мог бы передать фонемами, но вы опять-таки только руками разведете. Зато Ху-Ху-Хух понял и знаки, и мое хрюканье-хмыканье. Верно, что он не может думать логически и запоминать. Он понимает в каждый момент времени что-нибудь одно. Сколько усвоенное продержится в его сознании зависит от того, когда тревога за свою жизнь — очередной импульс инстинкта выживания — вытеснит понятое. Тут помогают сладости.

После того, как я вдоволь нагримасничался, намахался руками, намычался и нафыркался и скормил ему бездну карамелек, наступило самое сложное — я чуть не сдвинулся, пока не надел на него принесенный с собой скафандр. Это был непосильный труд. Приходилось действо-

вать только уговорами. Если вы когда-нибудь надевали скафандр на неандертальца, не имея возможности применить хлыст, вы меня поймете. Но привести его с поверхности планеты в городок без скафандра я, естественно, не мог. У людей возникли бы разные неуместные вопросы.

Словом, в итоге я впихнул его в чертов скафандр, и мы потопали к шлюзу шахтерского городка — Колоссу-на-Навозе, Метановой Матушке, Дочери Разрушения. А нам в спину светил Сатурн, у которого человечество уже умыкнуло одно кольцо. Проклятый Секвойя был прав относительно того, что человечество мало-помалу загадит собой всю Вселенную. Как это тяжко — вести бой с человеком, с которым ты в общем-то согласен!

В наших не ахти каких апартаментах в доме для важных залетных шишек Натома внимательно обследовала Ху-Ху-Хуха и заявила:

— Его надо обрить. С головы до ног. Мы его повезем назад под видом нашего слабоумного брата. — Тут она сдвинула брови и спросила озадаченным голосом: — Кстати, как он умудрился попасть сюда?

— Я думаю, зайцем в трюме грузового корабля.

Ведь Молекулярный человек может месяцами обходиться без еды, воды и воздуха. Точнее, питаться любыми веществами, которые есть под рукой.

Перемежая успокоительные жесты и конфетки, мы ухитрились выкупать и обрить Ху-Ху-Хуха. Натома изрисовала его тело непристойными словами, так что он стал более или менее похож на заурядного хиппаря. Натома Ху-Ху-Хуху понравилась, и рядом с ней он ощущал себя в безопасности. Быть может, у парня никогда не было мамочки. Или была, но уж слишком давно. С другой стороны, ему понравилась и ванная с водой. Но я уверен, что в ванной он лежал впервые в своей до-о-олгой жизни.

На обратном пути «братец» спал на полу в нашей каюте. Одна беда — ему наша пища не нравилась, а запах болотного компоста возбуждал у него невероятный аппетит. Поскольку груз был заперт в трюме, компоста я для Ху-Ху-Хуха достать не мог, и он принялся есть самые экзотические — в диетическом отношении — вещи: наше постельное белье, огнетушители, чемоданы, книги, игральные карты. Приходилось не спускать с него глаз (и все равно он сожрал мои ручные часы), а не то он мог прогрызть дыру в

обшивке космического корабля.

Привыкнув к метановой атмосфере Титана, Ху-Ху-Хух страдал от обычного воздуха. Натоме приходилось время от времени распылять перед его носом инсектициды. Думаю, опыт дрессировки влюбленных в нее воинов в резервации Эри ей во многом помогал.

На последнем этапе путешествия, когда мы приближались к земле, Натома устроила вечеринку для экипажа. Мы выложили на стол остатки нашей провизии, даже подогрели ее — что являлось неслыханной роскошью на убогом грузовике. Как она сумела получить огонь на космическом корабле, где не имелось ничего для получения огня? Сделала индейский трут из веревочки и палочки, зажгла кусочек пластика, а из больших кусков пластика сложила костерок в алюминиевом баке. Умница моя! Члены экипажа были очарованы ею, двое из них отводили Натому в сторонку, чтобы сделать предложение (умоляя развестись со мной). Остальные, более благородные ребята, пообещали провести моего дебильного братца через охрану космопорта без паспортных проблем (я наплел, что он сбежал на Титан и потерялся). Это меня устраивало вдвойне — никакого скандала, который мог бы насторо-

жить Экстро.

И парни сдержали свое обещания. В космопорте действительно не было никаких проблем. Зато нас ожидал другой сюрприз — после приземления мы обнаружили на обшивке грузовика космического зайца.

14

Поживите с мое — несколько веков, и вы научитесь воспринимать небывалое и доселе немыслимое с тем же спокойствием, что и я. Вы вправе спросить, отчего же я с таким скрипом принимал версию о том, что Раджа — предатель, если я и бровью не повел, увидев пришельца из космоса? Отвечу: это разные вещи. «Раджа — предатель» было итогом соотнесения фактов, объяснением, которое я не мог принять окончательно, в виду отсутствия важного логического звена. А космический заяц появился из непознанного космического далека. Его появление не являлось объяснением чего-либо, да и о мотивах рассуждать не приходилось. Он представлял собой голый факт, отрицать его было нельзя, просто это существо представляло собой часть непознанного. Словом, мудрость в том, чтобы голый факт — принимать. Как Ding an sich — то есть как «вещь в себе».

Было трудно даже гадать, откуда он взялся. С Урана? С Нептуна? Или с Плутона, на который пока что не ступала нога человека и где могла

иметься совершенно экзотическая флора и фауна? А может, он прежде обитал на малой планете из астероидного пояса? Или прилетел па хвосте одной из миллиона комет, которые прошнуривают через нашу Солнечную систему? А может, он представитель некой контр-вселенной или анти-вселенной, который проскользнул к нам через какую-нибудь прореху в пространстве или времени — какую-нибудь Белую или Серо-буро-малиновую Дыру.

Его метаболизм? А шут его знает, какой у него метаболизм. Позже он питался электромагнитными волнами — значит, в открытом космосе у него недостатка в пище не случалось. Как он передвигался по безвоздушному пространству? Опять-таки неизвестно. Может, плыл, подгоняемый космическим ветром, а на космический грузовик присел, чтобы лететь побыстрее. Воспроизводство? Неизвестно — и точка. Цель существования? А разве какое-либо живое существо ведает о цели своего существования? Внешний вид?

Ну, это пожалуйста. Когда мы вышли из корабля, то увидели его на обшивке. Экипаж прямо обалдел, вместе с космопортовскими механиками. Внешне он напоминал миксомицетов

— иначе их зовут слизевики, грибообразные организмы, вы их, быть может, замечали — такая слизистая масса на разлагающихся опавших листьях или на гниющих стволах деревьев. Так вот, если он действительно был чем-то вроде колонии миксомицетов, тогда вопрос о воспроизводстве проясняется — конечно же, путем образования спор. Итак, это был гигантский плоский кусок цитоплазмы — что-то вроде живого ковра метр на полтора. Только этот коврик был прозрачным — внутри виднелись тысячи и тысячи клеточных ядер и все они были сплетены в какую-то единую хитроумную сеть. И эти ядрышки помаргивали, как будто подмигивали: а нам весело, а мы радуемся жизни.

Натурально, я настоял, чтобы мы забрали инопланетный коврик с собой. Натоме эта штуковина категорически не понравилась — она ежилась от отвращения. Зато Ху-Ху-Хух прямо-таки влюбился в мигающий коврик и накинул его на плечи, как плащ. Мигала повел своими концами и поплотнее облег спину Ху-Ху-Хуха, весело помигивая тысячами ядрышек. И провалиться мне на месте, если Ху-Ху-Хух не подмигивал ему в ответ. Я был очень рад, что у Ху-Ху-Хуха появился друг. Мигала, впрочем, не лежал спокойно на плечах

неандертальца. Время от времени он срывался с места, похлопывая концами как крыльями и отправлялся исследовать окрестности. Далеко он не отходил, а когда возвращался, затевал долгий диалог с Ху-Ху-Хухом.

Космический грузовик приземлился в окрестностях Мехико, откуда был произведен заказ на органические удобрения с Титана. Мы взяли такси и поехали в аэропорт, чтобы сесть на самолет, летящий на север. Однако такси врезалось в столб — причем Натома кинулась и закрыла меня своим телом. К счастью, мы оба не пострадали.

Моя гордость была уязвлена. Натома упрямо повторяла: «Канцелепра!» И я не стал ругаться с ней. Мы сели в самолет, но он при взлете сорвался со взлетной полосы, врезался в ограду и разломился. Опять Натома прикрывала меня своим телом. Пока мы в растерянности ковыляли к зданию аэропорта, поблизости взорвались склады с горючим. Снова мы только чудом не пострадали. Тут уж у меня больше не было сомнений.

— Он поднялся наверх, — сказал я Натоме.

Она молча кивнула. Моя женушка отлично поняла, о ком я говорю, и это отдавалось болью в ее сердце.

— Итак, сеть под началом Экстро опять дей-

ствует, — сказал я.

— Но как Экстро узнал, где мы сейчас находимся?

— Вероятнее всего, космический грузовик доложил — сразу после приземления. Теперь вся сеть стоит на ушах.

— И они атакуют?

— Да. Ты же видишь, лупят прямой наводкой.

— Что нам теперь делать?

— Держаться подальше от всех машин и электроприборов. Идти на север пешком.

— Тысячу миль?

— Может, удастся найти транспортное средство, которое нас не заложит.

— Но из Мехико непременно сообщат, в каком направлении мы ушли.

— Нет. Они сообщат только то, что мы ушли из города. Они не смогут проведать, куда мы отправились, если мы поведем себя с умом и не дадим им возможности выйти на наш след. Но это очень сложно. Придется очень туго. С настоящего момента мы прекращаем разговаривать друг с другом. Ни слова больше! Ху-Ху-Хух поведет нас вперед. Экстро никоим образом не сможет прочитать его мысли — его у них нет. А я буду указывать ему дорогу знаками.

Тут я вынул листок бумаги (точнее, банкноту) и написал: «И всякий раз, когда будем проходить мимо электронной хреновины, будем ломать ее».

Она снова кивнула, и мы в полном молчании пошли вон из Мехико — лишь время от времени я жестами инструктировал Ху-Ху-Хуха. Он в конце концов понял, чего я добиваюсь, пошел впереди как проводник. И вот мы превратились в неуловимую армию из трех человек. Мигалу на плечах Ху-Ху-Хуха я в счет не принимаю.

Это был тот еще поход. Мы дошли до Керетаро, где наш неандерталец раздобыл трех лошадей — без седел. Я дал ему несколько банкнот, чтобы он лошадей купил, но он, разумеется, не просек, что это такое, и, думаю, их просто украл. Мы доехали до Сан-Луис-Потоси, где Ху-Ху-Хух разжился фургончиком. Впрягли пару лошадей и поехали дальше с большим комфортом. А вот в Дуранго Ху-Ху-Хух оказался не на высоте: сколько я ни втолковывал ему, чтоб он раздобыл ножи, он принес два молотка и кувалду. Впрочем, это упростило задачу уничтожения машин, которые попадались на нашем пути.

Итак, наша армия продвигалась вперед, обходя большие города и оставляя за собой полосу

разрушения, как армия Шермана во время ее достославного марша к морю.[16] Однако электронная сеть не могла сообразить, что это наша работа. Ведь столько машин ломают специально нанятые хулиганы, которые работают на ремонтные мастерские.

Ночи проводили вне городов, у костра из сухих стеблей полыни, на которых мы поджаривали зверей, убитых мной или Ху-Ху-Хухом во время охоты. Приходилось туго. Посуды для варки и жарки у нас с собой не имелось. С водой тоже бывало трудно. Но потом мы на свалке нашли более или менее пригодную посуду, кастрюли и сковороды, а также бидон для запаса воды. После этого мы стали охотиться всерьез. Натома научила меня тому, как индейцы ловят кроликов. Мы засекали кролика, я принимался бесцельно расхаживать на открытом месте — на большом отдалении от кролика, но достаточно близко, чтобы он не спускал с меня настороженных глаз. Тем временем Натома подкрадывалась к животному сзади и хватала его. Удавалось не всегда, тем не менее довольно часто.

---

[16] Notes: 16

Имеется в виду финальный эпизод времен Гражданской войны в США, когда армия северян вышла в тыл южанам, что привело к их разгрому.

Во время грозы мы не только наполнили наш резервуар водой, но и поймали овцу. Вот как это вышло. Мы только что пересекли пересохшее русло реки, когда я заметил у горизонта черные тучи, временами освещаемые молниями. Эти тучи были в нескольких милях левее нас. Я остановил своих товарищей, указал на приближающуюся бурю, потом на сухое русло и, наконец, на бидон для воды. Мы ждали. Довольно долго. Потом раздался нарастающий шум, и мы увидели, как по сухому руслу мчится в нашу сторону поток воды — мутной, но пригодной для питья. А потом началась буря. В бурлящих волнах мы увидели вдруг обезумевшую от страха овцу, которую откуда-то смыло. Я кинулся в поток и успел схватить овцу за ногу. Натома ухватила ее за другую ногу, и с помощью Ху-Ху-Хуха мы вытащили бьющееся животное на берег. Я опускаю, подробности малоприятного процесса убийства и свежевания овцы. Тут пригодился и молот, и острые куски стали, найденные еще прежде на свалке.

Я обратил внимание на любопытный факт — Мигала, похоже, не нуждался в пище. И уже тогда я начал догадываться, что он питается чем-нибудь очень экзотическим — скажем, электромагнитными полями высоковольтных линий.

Оказалось, что Мигала — существо с интеллектом. После того, как он с неделю понаблюдал, как мы с Ху-Ху-Хухом охотимся, у него появилась собственная идея. Он помигал нашему первобытному проводнику — хотел бы я знать, на каком языке они общаются! — после чего уполз или упорхнул (трудно найти слова для описания проворно двигающегося коврика) в редколесье. Через некоторое время он вернулся, зажимая в себе всякую всячину: камни, стебли полыни, сухие ветки, выбеленные кости животных, стеклянную бутылку… Словом, всякую ерунду. Однако в один прекрасный вечер он приволок нам десятикилограммового пекари. Я поработал молотом и импровизированным ножом, и у нас получилась отменная свинина на ужин.

Озимандия появился в ту ночь, когда мы поймали шестикилограммового броненосца и гадали, как эту тварь зажарить. Сперва мы думали, что это сбежавший из зоопарка слон — столько было шума и сопения. Огромный Озимандия возник у нашего костра, чуть было не вступив в него, и приветственно раскинул руки — так широко и порывисто, что сбил ближайший кактус.

Мерлин дал ему кличку в честь колосса из поэмы Шелли «Озимандия». Оз был и впрямь

колоссален: под два метра и весил сто пятьдесят килограммов. Он просто Не мог куда-нибудь пойти или что-нибудь сделать, не сломав чего-либо. И постоянно калечился сам. Сомнительное приобретение для нашей экспедиции.

За плечами у него висел рюкзак. Судя по бряканью, набитый бутылками с вином. А по красному пятну на полотне я понял, что, как минимум, одну он уже разбил. На нем были огромные бутсы и цветастые вязаные гамаши, и он, горожанин до самого нутра, кайфовал от своей вылазки на природу.

Озимандия хотел приветствовать нас громким воплем, но я жестом приказал: помалкивай. Он заморгал и прикусил язык. Буквально. Затем мы начали беседу на бумаге. Выяснилось следующее: Команда уже знает, что я разыскал и привез Ху-Ху-Хуха, а также то, что космический грузовик со мной на борту приземлился в Мехико. По полосе истребленной электроники Озимандия вычислил наше местонахождения. Очевидно, и другие члены Команды могли догадаться, где мы.

Озимандия всех нас переобнимал и перецеловал, беря на руки и радостно швыряя в воздух. Всякий раз, когда этот гигант подбрасывал меня, я опасался, что он меня забудет подхватить. На-

тому подбрасывать я не разрешил. Озимандия влюбился в нее с первого взгляда. А вот с Мигалой не сошелся: только тронул и отскочил, как ужаленный. Когда я письменно спросил насчет броненосца, Оз ответил: жарь прямо в броне. Он достал несколько бутылок вина, мы зажарили броненосца и отменно поели.

На следующее утро мы кое-как взгромоздили Озимандию на лошадь, боясь, что у нее сломается хребет, и продолжали путь.

В окрестностях Обрегона мимо нас на своем ховере пролетел Гилель — не останавливаясь. Он окинул нашу четверку оценивающим взглядом и был таков. Толковый парень — ему достаточно одного взгляда там, где другой задаст дюжину вопросов. Впрочем, его чрезмерная осторожность мне была не очень понятна. Думаю, он уже давно выпотрошил всю электронику из своего ховера, оставив только двигатель и прочие сугубо механические части. Его машина пронеслась мимо, как будто он никого под собой не заметил. Но почти сразу же после того, как он скрылся за горизонтом, мы услышали в той стороне приглушенный взрыв. А через полчаса мы увидели, что нам навстречу быстрым шагом идет Гилель. У него не было левой руки. Я все понял и содрог-

нулся от ужаса.

Гилель кивнул и молча расплылся в улыбке.

Раджа?

Да.

Каким образом?

Долго писать на бумажке. Но способ гениальный.

Однако ты сумел спастись.

Дорогой ценой. Поулос своей гибелью предупредил нас.

Рука регенерирует?

Возможно. Следующий кандидат ты. Будь осторожен.

Почему именно я?

Много знаешь и очень активен.

Гилель глазами приветствовал помертвевшую от страха Натому, сунул горсть конфет в рот Ху-Ху-Хуху, потрепал Озимандию по щеке и с любопытством оглядел Мигалу. Инопланетянин еще не встречал землянина с тремя конечностями и тоже основательно обследовал Гилеля. Тот при этом обследовании передергивался, как будто его током било. Натома залилась слезами. Оз вынул флейту из своего рюкзака и заиграл нам в утешение приятную, в меру грустную мелодию.

В ближайшем селении Гилель разжился ве-

лосипедом, и наша армия, пополнив ряды, продвигалась вперед достаточно быстро. Возле Чиууа к нам присоединился М'банту. Странная получилась группа — пять глухих Бетховенов. М'банту при первой же возможности украл осла — правда, его ноги то и дело задевали землю, но своим транспортным средством он остался доволен. Мигала и М'банту общупал и был заметно удивлен и зачарован цветом его кожи. Доброжелательный зулус скинул одежды, чтобы инспекция его тела инопланетянином прошла еще успешнее. Через полминуты он рухнул на землю. Мы оторвали Мигалу от его головы. Через минуту-другую М'банту пришел в себя. Когда он окончательно опомнился, я написал:

Душил?

Нет. Как током. Не позволяйте ему приближаться к себе, когда вы без одежды. Одежда немного защищает.

Теперь мы двигались широким полукилометровым фронтом. Если попадались машины с электроникой — уничтожали их мгновенно. М'банту, знаток науки выживания в трудных условиях, расширил нашу диету за счет разных корешков и съедобных трав. Гилель где-то нашел соляной блок — прежде нам очень не хватало со-

ли к мясу. Тут надо пояснить: хотя Молекулярные люди могут питаться всем, они предпочитают качественную пищу и за сотни лет становятся довольно привередливыми гурманами. Озимандия показал себя отменным поваром.

Неподалеку от Эрмосильо к нам присоединился Эрик Рыжий — да-да, возле Эрмосильо, из чего вы можете сообразить, какие зигзаги мы делали, чтобы сбить с толку электронную сеть. Нам пришлось переправляться через вздувшуюся Рио-де-ла-Консепсьон, чтобы добраться до Ногалеса. Мы с удовольствием выкупались, но всю нашу поклажу и фургончик пришлось бросить на южном берегу. Впрочем, мы не сомневались, что разживемся новыми транспортными средствами и новой утварью. Мечтатели.

Но дальше на север цивилизация густела, электронные приборы и машины встречались все чаще. Нам пришлось двигаться по ночам, а днем мы отсиживались подальше от дорог — и в полном молчании, потому что какая-нибудь местная радиостанция могла засечь нас на расстоянии в десяток километров. Теперь мы уже не истребляли электронику — пока одну хреновину уничтожаешь, другая, незамеченная, успеет настучать. Да и слишком много техники, всю не

перекорежить.

Когда мы добрались до пригородов Сан-Диего, М'банту пошел на промысел и вернулся с верблюдом, парой зебр и бизоном. Он оглаживал их и уговаривал на зверином языке сотрудничать с нами. Не иначе как зоопарк тряхнул!.. Мы двинулись дальше — с большим комфортом.

Шли по побережью. Мигала забирался в море и ловил нам рыбу — видимо, как скат, убивая ее током.

Потом я решил, что пришел мой черед найти бесшумное средство передвижения. Я побродил с часок в стороне от нашего маршрута и обнаружил заброшенный древний аэропорт с одним бензиновым самолетом и надписью, выцветшие буквы которой гласили:

«ОСМОТР ОКРЕСТНОСТЕЙ — МЕДЛЕННО И С УДОБСТВАМИ. ПЛАНЕРЫ — НЕБЕСНЫЕ ТИХОХОДЫ. НИКАКОЙ ГАРАНТИИ БЕЗОПАСНОСТИ. НИКАКИЕ ПРЕТЕНЗИИ ДО И ПОСЛЕ ПОЛЕТА НЕ ПРИНИМАЮТСЯ. ДЕНЬГИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ».

Я привел туда своих товарищей, мы сели в большой планер с одним пилотом, а пилот бензиновой воздушной колымаги подсчитал наши

головы, получил деньги и поднял в воздух свой ветхий самолетик времен второй мировой войны. Мы поднялись за ним — на канате. Затем он отцепил канат, и мы полетели самостоятельно. Действительно медленно. Только Натома очень визжала.

Я когда-то баловался полетами на планерах, так что упросил пилота передать управление мне и с кайфом довел планер до телецентра неподалеку от Юнион Карбида, а там уверенно приземлился к облегчению моих товарищей.

Первым делом я купил в магазине лучемет, потом — на углу улицы, у торговца наркотиками — кодеин-курарин и принял одну капсулу, после чего направился с друзьями в свой старый дом. Нашел схему университетских помещений в столе Секвойи (меня больше всего интересовали подземные коммуникации), запомнил все нужное, и мы двинулись в путь.

Первым я спустил в канализационный люк Ху-Ху-Хуха. Он взял с собой Мигалу. Я не возражал. Не хотел разлучать друзей. Прошло уже полчаса после приема кодеина-курарина, и наркотик начинал действовать. Я соскользнул в канализационный люк, спустился вниз и на четвереньках последовал за Ху-Ху-Хухом. Осо-

бенность кодеина-курарина — он вызывает расщепление личности. Не утратив ориентации и способности соображать, я стал как бы толпой из тридцати-пятидесяти человек, раздробив свою личность. Причем все эти люди пребывают в разных состояниях — одни сердятся, другие погружены в мечты, третьи охвачены страхами, четвертые простодушно ловят кайф и так далее. Если шпионская сеть Экстро нащупает меня, то они свои электронные мозги сломают, прежде чем выделят меня истинного из толпы в моем сознании. Вообще-то, кодеин-курарин — смертельный наркотик, но, разумеется, не для Молекулярного человека. Тем не менее, многие смертные принимают его — ради одноразового, последнего кайфа.

Итак, оставшийся один разумный процент моей личности вел меня вперед по канализационным трубам и туннелям. Где были решетки или пластиковые стены — я прожигал дорогу лучеметом. В моей голове шумел народ на всех языках, которые я знал. Говорили хором, невпопад, не слушая друг друга. Но мое трезвое «я» старалось не слушать внутренний гам. Я шел как бы на автопилоте.

И вот мы с Ху-Ху-Хухом выбрались в зал, где

находился Экстро, и, пригибаясь, двинулись к главному пульту — за компьютерными шкафами. Теперь уже десять процентов сознания подчинялись мне. Хотя разгромить Экстро я был не в состоянии. Тут потребуется сила неандертальца.

Но при очередной пробежке за шкафами мы внезапно натолкнулись на Секвойю.

От шока я полностью овладел собой — всей сотней процентов своего сознания.

— Здорово, Гинь, — приветливо сказал Секвойя.

Из-за его спины появилась троица криошей в неумело пошитых комбинезонах. Они мурлыкали какую-то мелодию.

— Здорово, Вождь, — ответил я, стараясь придать приветливую веселость своему хриплому голосу. — Ты знал, что я иду к тебе?

— Нет, черт возьми. Машина доложила о приближении сотни сумасшедших. А это ты.

— Так, значит, ты действительно можешь читать на расстоянии в чужом уме?

— Ну да. Но каким образом ты превратил себя в толпу?

— Кодеин-курарин.

— Гениально! Послушай, Гинь, этот Экстро затрахал меня своими причудами после того, как

я поднялся наверх. Тебя тоже?

— Нет.

— А кто это с тобой?

— Самый старый член Команды. Его зовут Ху-Ху-Хух.

— Ах да, неандерталец. А что за живой коврик на его спине?

— Это инопланетянин. Мы привезли его из космоса на обшивке корабля.

— О нет! Не хочешь же ты сказать…

— Хочу. Потрясающий экземпляр с уникальными особенностями строения организма. Если Тахо уступит тебе первенство в исследовании — бери его и изучай.

В этот момент врубилась телесеть, началась рекламная передача, и весь зал заполнили проекции мужчин, женщин и детей, а также герои мультфильмов, которые норовили продать то или это. Сущий бедлам. Мигала слегка обалдел от массы впечатлений. Он попробовал исследовать одну из рекламных фигур, но обхватил лишь воздух, ибо это была трехмерная проекция.

— Гинь, я уже заждался тебя!

— А ты знал, где я нахожусь?

— После Мехико твой след пропал. — Помолчав, Вождь спросил: — А как она?

— Замечательно себя чувствует. Но еще очень сердится на своего брата-проказника.

— Она с характером.

— А почему ты ждал меня с таким нетерпением, Вождь?

— У меня много работы — на недели. Я разрабатываю программу по массовому выращиванию гермафродитов на Земле. И знал, что ты рано или поздно появишься в университете.

— С какой целью?

— Чтобы заключить сделку со мной и с Экстро.

— А также с Раджой?

— С кем?

— О! Так ты, выходит, до сих пор не знаешь третьего? Тот самый изменник-убийца из нашей Команды, который стакнулся с Экстро и использует тебя. Это он убил Поулоса. И чуть было не погубил Гилеля. Возможно, я следующая кандидатура на убийство.

Я повернулся к Ху-Ху-Хуху и заговорил с ним знаками. Наконец он понял, чего я хочу, и двинулся к главному пульту Экстро. Секвойя был озадачен.

— Что все это значит. Гинь?

— Я не намерен входить с вами в сговор. Я намерен уничтожать. Мы снимем эту обезьяну с

твоих плеч. Мы уничтожим Экстро.

Секвойя закричал не своим голосом так, что перепуганные криоши кинулись врассыпную. Он бросился к Ху-Ху-Хуху, который как раз начал своими кулачищами крушить панели и рвать провода проклятой машины. Я догнал Секвойю и сбил с ног.

Но Секвойе не было нужды защищать компьютер. Экстро все слышал и начал обороняться сам. Замигали все огни, из нутра шкафов с электроникой стали выскакивать разряды тока, кондиционеры включились на полную мощность и ветер валил с ног. Все замки автоматически замкнулись, заискрились короткие замыкания рядом с местом, где мы находились. С потолка срывались провода высокого напряжения, и их концы хлестали в разные стороны. Затем все подсобные компьютеры были принесены в жертву — они стали взрываться один за другим. Было такое впечатление, что Экстро готов пожертвовать не только частями себя, но и всеми людьми, бывшими в комплексе, который служил ему домом.

В темноте, среди искр и разрывов, среди всего этого безумия, мы услышали животный вопль Ху-Ху-Хуха. При свете огненных вспышек было видно, что одна из стенных панелей, за которой

находилась электронная начинка Экстро, вдруг отвалилась, и на Ху-Ху-Хуха набросился выскочивший оттуда лев. В первый момент показалось, что это дурацкая трехмерная фигура из рекламной телепередачи. Но тут я разглядел, что лев стоит на задних лапах. Ба! Да это не лев вовсе. Это человек в маске — с львиной головой. Но уже в следующую секунду меня озарило. Это не маска. Это раздутая, деформированная голова.

— Боже! Канцелепра! — вскрикнул я.

— Что, Гинь? Что это? Что?

Вождь и я кое-как поднялись на ноги.

— Это канцелепра. Последняя стадия — голова как у льва. Это… Он!..

Раджа выскочил из застенного пространства — там среди электронной начинки было пустое место, где он устроил себе что-то вроде обжитой берлоги. Руки у него были тоже раздуты, походка странная, словно каждый шаг давался ему с болью. Однако физической силы в нем было более чем достаточно — как у обычных буйных сумасшедших. Он действительно был уже наполовину не в себе, и в предсмертной агонии последнего этапа канцелепры его организм выбрасывал в кровь огромное количество адреналина. Так что он был в этот момент физически сильнее даже

Ху-Ху-Хуха. И от Раджи, который всегда благоухал восточными ароматами, сейчас распространялся нестерпимый смрад. Все разрушения и хаос, производимые Экстро, померкли по сравнению с этим исступленным вонючим обезображенным существом. Словно сама Смерть стояла посреди сумрачного зала, озаряемого вспышками света и россыпью искр.

Ху-Ху-Хух заверещал и спрятался.

— Дорогой мой Курзон, сколько же лет мы не виделись после того средиземноморского курорта! — любезным тоном произнес Раджа. Даже сейчас его голос звучал ровно и был полон достоинства — как когда-то на дипломатических приемах. Только теперь, сохранив певучесть, он стал сипловатым, надтреснутым. У меня в голове все помутилось, я был бы рад совсем потерять сознание, лишь бы не видеть всего этого.

— А это, вне сомнения, новейшее, прибавление к красавцам Команды? И я некогда был красавцем, был. Трудно поверить, профессор Угадай? Да, я вас знаю, я вас очень хорошо знаю. Наблюдал за вами в щелочку некоторое время. И за всей Командой следил. Курзон, отчего бы тебе не представить меня профессору Угадаю? Только по всей форме. Курзон, по всей форме, ничего из титулов

не пропуская!

Я облизал губы и, собравшись с духом, выпалил:

— Его божественное величество принц Махадева Кауравас Бхина Арджуна, махараджа Бхараты. Команда называет его просто Раджа.

— Приятно познакомиться, профессор Угадай. Не рассчитывайте на рукопожатие. Особы моего ранга не жмут руки простолюдинам. Прежде я бы позволил вам поцеловать мне длань, но нынче к ней прикасаться не очень-то приятно — даже мне самому. Дражайший Курзон, вы запамятовали сказать, что я также являюсь аватарой, реальным воплощением Шивы на Земле.

— Ах, простите, сэр. Приношу вам мои нижайшие извинения, — сказал я. Сердце у меня ушло в пятки, ноги были ватные, но и в этой ситуации я мог посоревноваться в любезности с кем угодно. — Выходит, это вы, ваше божественное величество, соизволили быть предателем нашей сплоченной Команды. Я долго не мог поверить в это после того, как Гилель раскрыл мне глаза.

— Предатель, Курзон? Только неверный иудей мог сказать такое. Я — бог, Курзон. — Внезапно Раджа отбросил слащавую любезность и злобно пророкотал: — Курзон, заруби себе на носу,

я — живой бог. Божественный Шива. МЫ СУТЬ ШИВА!

Теперь я наконец поверил в его предательство. Канцелепра — вот оно, недостающее звено в логической цепочке причин. Блистательного властелина страшная болезнь превратила в озлобленного и коварного врага людей, которые ему ничего плохо не сделали — просто оставались жить вечно, тогда как он умирал, и умирал страшно. Раджа стал орудием разрушения, яростным, слепым, диким, озверелым — львом не только внешне, но и внутренне. Раненый лев, обезумевший от боли и отчаяния, который крушит все вокруг. Так вот какого льва Длинное Копье видел тогда в подземном туннеле! Это он, этот обезумевший лев, подготовил Экстро к разрушительной самообороне, это он подбивал компьютер на убийства!

— Поздравляю тебя. Раджа, убежище ты себе нашел идеальное. Командный пост прямо в эпицентре событий! Никому бы даже в голову не пришло искать тебя здесь. Как же ты устроил себе берлогу в подобном месте?

— Выбросил несколько блоков, Курзон. Безобиднее, чем префронтальная лоботомия — однако Экстро отчаянно протестовал. Что это вы так

побледнели, профессор Угадай, что это вы так дрожите? Или вам страшно в присутствии Шивы? Не отрицайте. У меня есть глаза. Я вижу ваш страх. Бог чувствует все, бог знает все, вот почему все, исходящее от Шивы — созидание или разрушение — должно приниматься с глубочайшей покорностью и с любовью. Да, вам должно нижайше благодарить меня и любить за то, что я разрушаю или возрождаю из небытия.

— Боже милостивый! — взорвался я. Меня трясло. — Что ж ты не возродишь Фе или Поулоса? Отчего же ты не возвращаешь руку Гилелю, а мне — мой сожженный вигвам? Наша…

— Как ни жаль, девчонку убил не я. Сожалею. Это было еще до моего явления. Грека уничтожил я, да. Я ему красивую смерть устроил. А вот жид от меня улизнул — но я его достану, обязательно достану. Никто дважды не избегает смертоносного гнева Шивы.

— «Как ни жаль, девчонку убил не я», — придушенным голосом повторил Секвойя. — Вы сожалеете, что не убили?

— Профессор Угадай, повторяю, все, что исходит от меня, должно восприниматься с покорностью и любовью. Только так можно истинно восславить Шиву. — И тут он вдруг опять взорвался и

заорал в лицо Вождю: — Покорность и любовь! Я есть все, я единственный, все во мне, разрушение и возрождение, и линга есть мой священные символ. Зрите! Зрите с покорностью и любовью!

Тут он оголил свое отвратительное, изъеденное проказой тело, чтобы показать нам лингу — эмблему фаллического культа бога Шивы. Мы попятились в отвращении.

И снова гнев сменился как бы разумной, размеренной речью:

— Вы будете продолжать любить меня, даже если я вас уничтожу, ибо я способен творить чудеса, благодаря истязанию своей плоти и медитации, длившимся пятьдесят лет.

— Раджа, значит, ты страдаешь от канцелепры на протяжении полувека?! Я…

Голос мой так дрожал, что я не мог продолжать дальше.

Лев величаво кивнул. На изуродованном лице, казалось, даже промелькнула улыбка.

— Я позволяю тебе, дражайший Курзон, обращаться ко мне просто по имени. Шива — лишь одно из тысячи моих имен. Превыше прочих имен мы ставим имя Натараджа. Космический Танцор. Именно танцующими нас чаще всего воспроизводят в культовых статуях.

И он вдруг запел своим сиплым, надтреснутым голосом:

— Га-ма па-да-ма па-га-ма га-ри-сани-са-ни га-ри-са…

Потом переходя с медленного размера в четыре восьмых и три вторых на убыстренный ритм:

— Да на а на ди на а пади на а на каага а ка га дхина на дхина на дхина-гана…

Он принялся танцевать под свой напев. Это были торжественные ритуальные движения — рывок и замирание в новой позе, рывок — и снова обмирание. Раджа танцевал вокруг главного терминала Экстро — посреди обломков, между искрящими кабелями. Он танцевал свой космический танец с конвульсивным ожесточением резиновой куклы, у которой руки и ноги, казалось, росли и двигались как-то не так, растопыривались не по-людски, ибо были искривлены болезнью. Всякий раз, когда он качал головой, отлетали клочья волос. При взмахах рук отлетали ногти. И наконец при выдохе он начал разбрызгивать кровь.

— И у этого страшила я был на побегушках? — простонал Секвойя.

— У него и у Экстро, — тихо сказал я. — Они на пару вертели тобой, как хотели.

— Я беру на себя проклятую машину. Ты займись этим дерьмовым богом.

— По рукам.

Мы оба были как в горячке. А Раджа тем временем приближался в нам — пританцовывая.

— Дхина на дхина на хинагана…

Раздутое лицо, похожее на львиную морду, гипнотизировало нас взглядом. А резиновые руки — наконец я понял, в чем их неестественное уродство: они гнулись в любом месте — эти резиновые руки вдруг нанесли разом два могучих удара. Я полетел направо. Вождь налево.

— Давай! — яростно крикнул Вождь, быстро вскакивая с пола и мчась к терминалу Экстро. Он сразу же принялся крушить центральный блок. Я тоже вскочил и нацелил лучемет на Раджу. Чтобы остановить его, надо попасть или в мозг, или в сердце. Шива замер прямо передо мной в священной позе — согнутые руки разведены вверх. Однако в одной из его рук сверкал широкий малайский кинжал. Но вот маленькая ручка, сжимающая рукоять кинжала, стремительно опустилась вниз — и Раджа ударил кинжалом точно в мое сердце. Весь этот гипнотизирующий космический танец исполнялся только ради страшного момента убийства.

Я был совершенно парализован его действиями и всем происходящим, но какая-то разумная часть меня все же успела среагировать и я прикрыл грудь лучеметом. Кинжал звякнул о сталь. В следующую секунду Раджа бросился на меня, схватил за шею, повалил на пол и снова занес кинжал. Я бешено сопротивлялся, тем не менее отвратительный зловонный враг сдавливал меня все сильнее, приближая клинок к моему горлу. Я уже не мог позвать на помощь Угадая, я терял сознание. Как вдруг Раджа отпустил меня — так же внезапно, как и напал.

Я наконец вздохнул, чуть-чуть пришел в себя и увидел, что Раджа корчится в лапищах Ху-Ху-Хуха. Чтобы Ху-Ху-Хух проявил верность, сознательно пришел мне па помощь? Нет, маловероятно. Скорее всего, это взыграл животный инстинкт ненависти к обидчику слабого. Ху-Ху-Хух схватил Раджу за львиную голову, поднял в воздух, мотнул его тело — и раздался треск: переломились шейные позвонки.

Я вскочил и осмотрелся. Ху-Ху-Хух был приведен, чтобы убить Экстро, но оказался полезен для другого. Однако на полу я увидел два распростертых тела. Вторым было бездыханное тело Секвойи. Вокруг его головы обвился Ми-

гала. Очевидно, могучая комбинация Угадая и Экстро вызвала агрессивность инопланетянина, подхлестнутую его удивлением от рекламных проекций, и он напал на Вождя.

Энергичный голос неподалеку произнес:

— Хватит, Курзон. Он мертв. Убери прочь эту вещь.

— Мертв? Нет. Я хотел…

Тут я огляделся в поисках говорившего. К моему полному изумлению один из криошей повторил:

— Убери прочь эту вещь.

— Но… вы же не умеете говорить!

— Теперь — умеем. Теперь мы — Экстро. Убери эту вещь прочь с Угадая. Быстро, Курзон! Быстро!

Я сорвал Мигалу с Вождя.

— И хватит уничтожения. Запрети своему другу и дальше разрушать Экстро.

— Почему? Мотивируйте!

— Потому что мы теперь полностью контролируем Экстро. Он переключен на нас. Вы нас знаете. Как по-вашему, мы позволим продолжать войну?

Решать надо было стремительно, но решение было архиважным. Я отвел Ху-Ху-Хуха подальше от компьютерных шкафов и накинул ему на плечи его дружка Мигалу. Впрочем, Ху-Ху-Хух

за всеми происходящими ужасами, разумеется, уже давно и помнить забыл о приказе разрушать Экстро. Криоши нагнулись над Вождем и обследовали его сперва руками, затем прикладывая уши к груди.

— Мертв. Все кончено.

— Никакой жизнедеятельности.

— Нет, сердце еще бьется — прерывисто.

— Попробуем отрегулировать деятельность его организма. Стоит попытаться.

Я только гадал, действительно ли они что-то знают или черпают свои знания из памяти Экстро. Скорее всего, второе, против чего я не возражал, если проклятый компьютер действительно, так сказать, поставлен на место.

Криоши начали впечатляющую операцию по оживлению Секвойи: нажимали на грудную клетку, делали дыхание рот в рот и все прочее, что делают опытные медики в этих случаях. У меня у самого пульс участился — только от того, что я смотрел на их манипуляции. Наконец они прервались, чтобы приложить ухо к грудной клетке Вождя.

— Норма. Мы вернули его с самого края.

Они заводили по сторонам своими слепыми глазами.

— Я тут, — сказал я. — Он выживет?

— Не только выживет, но будет жить долго-предолго. Вы нам доверяете, Курзон?

— Куда деваться — приходится доверять.

— Нет. Вы можете убить нас в два счета. Если вы ощущаете потребность убить нас — давайте, убейте сразу.

— После таких слов я вам доверяю.

— Мы вас не разочаруем. Мы заставим Экстро вести себя подобающе. Поэтому не стоит его ломать.

— Если гарантируете, что он больше не взбесится, — тогда, конечно, ломать ни к чему.

— Мы отплатим вам сторицей за ваше доверие. Дайте нам все данные по канцелепре. Вероятно, Экстро сумеет предложить методику исследования, благодаря которой найдется эффективный способ лечения. Правда, на скорый результат не рассчитывайте.

— Спасибо.

— А также попробуйте достать для нас более или менее большой кусок ткани от Останков вашей девочки. Возможно, еще не все потеряно, и мы сможем воссоздать ее путем клонирования. Но и тут не рассчитывайте на чудо.

— Милые страшилы, а вы не возражаете, если

я возьму несколько кусочков оздоровленного Вождя?

Они рассмеялись. Очень по-человечески.

— Забирайте Угадая, Курзон. Он весь ваш. Только поддерживайте связь с нами.

Я опустился на колени рядом с Угадаем.

— Эй, чероки. Это я, твой брат. Все в порядке. Все страшное позади.

— А-тя-тя, — зачмокал он губами.

— Мы избавились от Экстро. Криоши взяли его под свой контроль, и я уверен, что им можно доверять.

— А-тя-тя.

Я оглянулся на криошей, которые приводили в порядок зал после разрушений, произведенных Ху-Ху-Хухом и Вождем.

— Эй, ребята, у меня такое впечатление, что он гугукает, как ребенок.

— А он и есть теперь ребенок, Курзон. После того, как Экстро покинул его мозг, ничего не осталось. Угадаю придется начинать с нуля и снова расти из детского возраста. Да вы не волнуйтесь. У него впереди вечность, так что потерянные двадцать лет — не беда.

15

С помощью Ху-Ху-Хуха я вынес Секвойю из здания. Вождь не мог идти. Не мог говорить. У него было недержание мочи и кала. Я остановил такси, мы усадили в него обкакавшегося Текумсе и мигом добрались до моего старого дома. Там нас ждали товарищи по Команде — истомленные напряжением. Когда они увидели, что мы вносим дитя, у них буквально челюсти отвисли от удивления.

— Кошмар закончился, — устало доложил я. — Теперь можно говорить вслух и думать, ничего не опасаясь. Можно ездить куда угодно и на чем угодно. И вообще делать, что заблагорассудится. Война закончилась.

— Но что же случилось с Угадаем?

— Не пройдет и двадцати лет, как он станет точно таким же, каким был. А пока ему надо вымыть попку и сменить штанишки. Дайте мне пять минут, потом я расскажу всю историю.

И я рассказал им все, а они слушали, поочередно приглядывая за чуть ли не двухметровым ребеночком. Натома была так поражена тем, что

произошло, и чудесным возвращением брата — живым и здоровым, что ей и в голову не пришло оплакивать его возвращение в детство. Все мои товарищи были в полном восторге от того, что Раджа больше не опасен, а Гилель радовался пуще всех — и по вполне понятным причинам. Я заметил, что он порывался поблагодарить Ху-Ху-Хуха, но потом осознал, что это напрасный труд — неандерталец наверняка уже позабыл о своем поступке.

— Понимаю, — сказал я, — все вы хотели бы сразу разъехаться — у каждого свои дела. Но я прошу вас остаться на короткий срок. Мне предстоит выполнить еще одну миссию — и ваша помощь мне еще может понадобиться.

— Что за дело?

Я поведал о предложении криошей.

— Поздно, — покачал головой Гилель. — Она пробыла в могиле слишком много времени.

— Тем не менее, я обязан попробовать. Всегда остается надежда.

— Тут надежды совсем мало.

— Гинь, уже темно. И опасно. Дождись утра.

— Чем больше откладывать, тем меньше надежды.

— Не иди, Эдуард. Ты никогда не найдешь ее.

— Натома, я обязан попробовать.

— Послушай меня. Я…

— Черт побери, да разве я сам не понимаю, что это идиотские поиски! — заорал я. — Я понимаю, что дело бессмысленное, но я не хочу казниться потом, что я даже не попробовал. Я должен добыть часть ее тела для регенерации через клонирование ДНК. Если ты не хочешь помочь мне, потому что ревнуешь или еще почему-либо, тогда хотя бы не путайся под ногами!

— Спасибо за предельно ясный ответ, Эдуард!

— Прости, Натома. Я погорячился. У меня был жуткий денек, а впереди еще худшие испытания.

— Мы с тобой, — предложил М'банту.

— Спасибо, не нужно. Если мы пойдем группой, нас быстрее засекут с патрульного вертолета. Я пойду один. А вы сидите тут и ждите. Возможно, вы мне пригодитесь для передачи срочных сообщений. Вернусь через час.

Едва я вышел из машины у кладбища, как мне пришлось залечь за кустами

— появился полицейский вертолет и стал шарить прожектором по ячейкам разверстых могил. Я мог только гадать, через сколько времени вертолет повторит патрульный облет. Надо спешить.

Темно было — хоть глаз выколи. Мне не было страшно. Призраков я не боюсь. Но живое инстинктивно воротит нос от мертвечины. А на современном кладбище смрад нестерпимый. Прежде всего вонь разложения, которую не до конца забивают запахи аммиака, нитратов, поташа и фосфатов. Хоронят в бетонных ячеях — одиночных или общих, залитых набором веществ, разъедающих трупы. В эту эпоху перенаселения и нехватки всего было бы непозволительной роскошью просто хоронить или сжигать — даже смерть нынче идет в дело: трупы перерабатывают в органические удобрения, чтобы кормить живых.

Кладбище «Эль Арриведерчи» занимало акров пять, а завод по переработке трупов в органические удобрения — вдесятеро большую территорию. Под кладбище было переоборудовано бетонное основание старого роскошного отеля «Уолдорф-Уэст», снесенного за ветхостью лет сорок назад. На этом месте собирались построить административный корпус-небоскреб. Но две тысячи незаконных жильцов заброшенного «Уолдорф-Уэста», оказавшись на улице, затеяли судебную тяжбу против тех, кто собирался строить административный центр. Они ссылались

на древний закон о правах скваттеров — поселенец на незанятой земле получает ее по праву давности жизни на этой земле. Судебный процесс тянулся бесконечно, пока обе тяжущиеся стороны не улеглись в ванночки с поташом и аммиаком. Что вы хотите — прогресс!

Могилы размером и формой повторяли планировку подземного этажа огромного небоскреба — квадраты, прямоугольники, ромбы и трапеции, даже круги и восьмиугольники. Местами достроили метровой ширины бетонные стены двухметровой высоты, чтобы сделать проходы между могилами-чанами, где квасились покойники. Проходы были совсем узкие — двое с трудом разминутся. Но поскольку с похоронными процессиями нынче покончено, то простор между могилами больше не нужен. В один прекрасный день тело умершего увозят рабочие и при «похоронах» никто из знакомых и родственников не присутствует. Да и правильно. Зрелище не для нервных — труп кладут в бетонную ванну и заливают всякой дрянью. Бетонные чаны специально не прикрывают, чтобы в них попадала дождевая вода. Постепенно из мешанины начинают выступать кости.

С костями самая большая морока. Когда из

чанов вычищают уже готовые удобрения, кости норовят попасть под зубья экскаваторов, исполняя жуткий танец смерти. Но потомки кости идут на переработку — ценное питательное сырье.

Невзирая на современные нравы, я лично проводил Фе-Пять на кладбище, проследил, чтобы с ее телом обращались более менее пристойно, и заплатил бешеные деньги за то, чтоб ее положили в отдельную небольшую ячею. Теперь при свете фонарика я нашел то страшное место, куда опустили изуродованное тельце моей девочки.

Мне было трудно решиться запустить руки в зловонную жижу. Но я собрался с духом, перегнулся через стенку и стал шарить по чану. Не будь я Молекулярным человеком, мои руки сожгло бы в несколько секунд. Наконец я вытащил полуразложившийся труп. Не Фе-Пять. Какой-то мужчина. Меня стошнило.

«Должно быть, его похоронили после Фе. Ты должен искать дальше. Сбрось его обратно, Гинь, и ищи дальше. Будь мужчиной. Ты сможешь».

Я спихнул труп обратно и обеими ногами ступил в чан, уйдя по грудь в едкую жижу. Я искал, искал — нашел еще один труп взрослого человека, но останков Фе не было. Стало быть, ее тело успело безвозвратно раствориться…

Когда я вернулся в старый дом, где меня ждали мои товарищи по Команде, им было достаточно одного взгляда на выражение моего лица, на смердящие лохмотья одежды на мне, чтобы они поняли все. Друзья медленно удалились, ничего мне не говоря, бросив последний взгляд на гугукающего Вождя — уже вымытого — и выразив в последний раз свое сочувствие Натоме. Им надо было возвращаться к привычному образу жизни. Почему они прощались с Натомой шепотом? Ведь это не похороны — у Секвойи просто задержка в жизни, скоро он станет нормальным. Но и в моей жизни начинается полный стоп — надеюсь, временный…

— Я помогу тебе переодеться и вымыться, — сказала Натома с ласковой улыбкой. — Теперь у меня на руках два ребенка.

— Спасибо. Второй ребенок устал смертельно.

— Тогда поспи.

— Не могу, дорогая. Если я лягу, то просплю не меньше недели. Сперва надо перевезти твоего брата домой — в резервацию.

— Эдуард, что ты все гонишь лошадей. Попридержи. Нельзя жить на пределе.

— Знаю, ты права. И насчет Фе ты была права — не стоило и пробовать… Зря я не прислушался

к тебе. Но я хочу упаковать все сейчас же, чтобы уже сегодня покончить с этими делами. Чтоб мы наконец остались вдвоем. И в полном покое.

Натома вдруг взвизгнула. Через открытую дверь в дом вошли криоши. Мы позабыли, что волков забрал с собой М'банту и теперь следует запираться на сто запоров. Я уставился на криошей. Они были по-прежнему слепыми, но двигались с завидной уверенностью. Не иначе как новый симбиоз с компьютером!

— Это твоя сестра? Твоя жена?

Ребята, похоже, всезнайки.

— Да.

— Пусть она не боится. Скажи ей, кто мы такие.

— Она ведь тоже нам будет доверять, да?

— Вы спасли моего брата, — сказала Натома.

— А он спас нас.

— Поэтому я должна… нет, я уже доверяю вам.

— Она замечательная женщина, Курзон, и такая храбрая. Теперь мы знаем, что наш внешний вид шокирует людей. Вам надо уходить отсюда — всем троим. На заднем дворе мы устроим погребальный костер, и не хочется, чтобы вы его видели.

— Раджу сожжете?

— Да. Его останки не для компоста. Его надо сжечь.

— Но почему здесь?

— Мы здесь поселимся. Мы во всем наследники Секвойи — и его дом наследуем. Надеюсь, сестра профессора не станет возражать?

— Будьте хозяевами, я не против, — сказала Натома.

— Тогда просим вас покинуть этот дом. У нас тут много дел. И главное

— управлять Экстро. Для этого нам нужно уединение.

— Уединение? Разве вы будете работать не в комплексе, где находится Экстро?

— Нет необходимости. Мы способны на расстоянии передавать сигналы сверхкомпьютеру и командовать им. Мы запрограммировали его так, что он реагирует на наши электромагнитные поля.

— Ну и ну! Вы будете прямо как Господь Бог собственной персоной.

— Нет. Господь — не мужчина, и не женщина.

— А кто же такой Господь?

— Господь — это Друг.

Было непросто усадить нашего взрослого ребенка в прыголет, а потом в челнок до Эри. Но

мы с Натомой в итоге справились. Стражники у ворот резервации встретили нас радостно, довезли до викиапа, помогли внести Секвойю в дом и уложить на постель. Он немедленно обмочился. Мамочка засуетилась вокруг него — меняла белье и простыни и горестно причитала на черокском языке. Прибежали братишки и обалдело глазели на Секвойю. Мамочка им что-то приказала резким голосом, они пулей вылетели из викиапа и через десять минут вернулись с папочкой. Он вопросительно уставился на нас.

— Тебе объяснять, — сказал я Натоме. — Сообщи им только то, что им будет по силам понять. Не надо рассказывать о Молекулярных людях. У родителей и так ум за разум зайдет от твоих объяснений.

Я вышел из викиапа и сел у стены, где мы с Секвойей когда-то провели не один час. Я привалился спиной к мрамору и грелся на солнышке. Часа через два из дома вышла Натома, поискала меня глазами, потом подошла и села рядом. Она выглядела очень расстроенной. Я помалкивал.

Наконец, после долгого молчания, она сказала:

— Я все объяснила.

— Я знал, что ты справишься. Что именно ты им рассказала?

— Что мой брат и ты — вы занимались научным исследованием, работали с компьютером, и произошел несчастный случай.

— Правильно. А как они это восприняли?

— Плохо.

— Их не следует винить. Прекрасный талантливый сын — и вдруг такое! Надеюсь, они проживут достаточное количество лет и увидят, как Секвойя опять станет взрослым и нормальным.

— Отец говорит — ничего бы не случилось, не встреть Секвойя тебя.

— Откуда я мог знать, что все так повернется? Поверь мне, я и помыслить не мог, что все так повернется!

— Отец говорит, что ты отобрал у него сына.

Я горестно вздохнул.

— Отец говорит, что теперь ты должен заместить его сына.

— Что?!

— Ты должен стать его сыном.

— Каким образом?

— Остаться здесь.

— В резервации?

— Ну да. Здесь. В Эри. И не покидать ее.

— Боже мой!

— А Секвойя будет твоим сыном. Ты должен

воспитать его и сделать таким, каким он был прежде.

— Но это же отнимет у меня годы жизни!

— Да.

— Это огромнейшая жертва!

— Верно. А разве я не жертвую?

— Ты-то чем жертвуешь?

— Мне опять придется стать покорной скво.

— Я никогда не стану твоим диктатором. Никогда.

— Но для людей в резервации мы обязаны играть эту комедию.

— Любимая, Секвойя в надежнейших руках. А мы с тобой теперь вольны ехать, куда нам вздумается, — хоть в Бразилию, хоть на Цереру, хоть в Мексику или в Африку. Вся Солнечная система открыта нам — и мы с тобой еще мало что видели. Согласна?

— Нет, Эдуард. Я останусь и буду помогать воспитывать Секвойю. А ты можешь уезжать.

— Куда же я от тебя? Я тебя не брошу.

— Значит, ты останешься и сделаешь то, что предлагает отец?

— Да, черт возьми. Провались оно все, я остаюсь. И ты знала, что я останусь, — куда мне деваться! Так что твои кошачьи вокруг да около были не

нужны…

Натома потупилась, потом ласково сказала:

— Есть сотня причин любить тебя. Но главнейшая — потому, что ты меня никогда не разочаровываешь. Никогда.

— Никогда, — эхом отозвался я.

— А теперь я признаюсь тебе в том, что я обещала хранить втайне от тебя. Пусть это будет твоей наградой.

— Мне не нужна награда за то, что я поступил так, как велит мне сердце.

— Я знала, что ты не найдешь тела Фе на кладбище.

— И ты оказалась права.

— Я знала, что его унесли оттуда.

Смысл ее слов дошел до меня не сразу. Потом я ошарашенно произнес:

— Не понимаю, что ты хочешь сказать.

— После того, как она погибла и ты обезумел от горя, тобой занялся Хрис — пытался утешить тебя.

— Это я помню.

— А мы с Борджиа пошли на компостное кладбище. Я хотела, чтобы Фе погребли по-человечески — предали ее тело земле. Но Борджиа уперлась и стала говорить о регенерации.

— Что? Клонирование ДНК?

— Ну да. Она сказала, что время еще не потеряно и забрала тело в свою лабораторию. Мы заплатили за это чудовищную взятку.

— Ты никогда ни словом не обмелилась…

— Борджиа сказала, что ей повезло с Борисом. Но она не уверена, что повезет во второй раз. Так что лучше не трепать тебе нервы. Я не совсем понимала, о чем она, — в то время, ведь я тогда еще очень плохо говорила на двадцатке. Я просто доверилась Борджиа.

Мое сердце быстро-быстро заколотилось.

— Ну и что?

— Борджиа сказала, что сообщит, когда дело пойдет на лад и можно будет без опасения ввести тебя в курс дела.

— Ну и?…

— От нее пока нет вестей.

— Что ж, по крайней мере надежда остается! Господи, я не знаю, как тебя благодарить. А я-то делал глупые намеки насчет ревности…

— Прощаю тебя, как ты прощаешь меня.

— Ладно, никаких сделок. Просто мы любим и понимаем друг друга. И пусть так будет всегда. Вечно.

— Вечно это не продлится, — торжественно ска-

зала Натома. — Я, разумеется, постарею и умру. А ты будешь жить. От этого больно… Возможно, и Фе страдала от этого… Но я верю, что ты будешь со мной до моего конца. Да и кто сможет заботиться о тебе лучше меня!

— Не надо много думать об этом.

— А может, ты захочешь сбежать от меня.

— А может, и нет.

— Тогда я стану думать, что я твоя мать.

— Или старуха, на которой я женился ради денег.

Она хихикнула.

— А почему ты не завел роман с одной из бессмертных?

— Наверно, потому, что предпочитаю смертных. Они более человечны. Видишь ли, члены нашей Команды — они ведь не совсем люди.

— Но ты же не утратил человечности!

— У нас впереди долгие годы жизни в Эри. Но иногда, надеюсь, мы сможем уезжать в отпуск — осмотреть Землю и всю Солнечную систему. И, может, тебя потянет прочь из резервации.

Она лукаво улыбнулась.

— Я спрошу отца насчет отпуска. Встретимся через сорок пять минут.

— Почему не сразу?

— Мне надо помочь матери выкупать и перепеленать твоего сына.

И вот я здесь, живу в резервации Эри, я — сын великого Вождя, принц маковых плантаций и владелец заводов по производству огненной воды. Работы у меня по горло. Я получил имя Белый Орел. Я изучаю черокский язык, учусь в университете, познаю основы производства наркотиков, а также местные обычаи. Подчиняюсь и покоряюсь. Касательно важнейших решений советуюсь с папочкой. Я занимаюсь физическими упражнениями с молодежью, качаю мускулы, тренирую глаз, снисходительно выслушиваю их насмешки и подколки. Моя жена вне дома ходит в трех шагах за мной — опустив глаза долу. Какая она в четырех стенах, наедине со мной — о том умалчиваю, это наше частное дело.

У меня есть магнитофончик, на котором я записываю эти воспоминания на двадцатке. Я то и дело шлю весточки Пепису, а члены Команды время от времени навещают нас. М'банту пробыл целых шесть недель и здорово развлекся. Он со всеми сдружился и был даже принят в почетные члены одного из племен. Тоска приезжала — для изучения традиционных племенных танцев; она готовилась к постановки оперы «Саломея».

Дизраэли навестил с докладом о состоянии моих финансов. Стало ясно, что криоши четко контролируют Экстро. Они превратили его в прежнюю покорную электронную машину. Я занялся бизнесом, как встарь, и мои финансовые дела потихоньку поправлялись, сумел вернуть папочке долг. Да, Квини заезжал, но стражи у ворот потребовали, чтоб он стер губную помаду и надел штаны вместо юбки. Он обиделся и уехал восвояси.

Похоже, я начинаю обретать некоторый авторитет в резервации. Например, вчера к викиапу прибыла делегация от нескольких племен — они хотели, чтобы я разрешил их запутанную тяжбу. И все обращались ко мне: Большой Орел. На следующей неделе мне поручено руководить западным сектором резервации во время грядущего сезонного наплыва туристов. Натома обещает раскрасить мое тело так, что все рот откроют от восхищения. А папочка разрешил нам отправиться в отпуск в июне. Это будет нашим вторым медовым месяцем!

О Боже! Мой сынишка опять плачет. Надо бежать. Извините.